

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

**2023 Том 10 № 1
DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-1**

**Научный журнал
Издается с 2014 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Белоконов С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Накисбаев Д.В.,

кандидат политических наук, доцент и заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС (г. Саратов, Россия)

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии (г. Ванкувер, Канада)

Войтацкий К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта (г. Берлин, Германия)

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета (г. Рига, Латвия)

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA) (г. Москва, Россия)

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС (г. Москва, Россия)

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Дирекция научно-технических программ», ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны (г. Любляна, Словения)

Стриелковский В. — PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации (г. Прага, Чехия), почётный профессор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Хоппе Р. — PhD, почётный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления (г. Энсхеде, Нидерланды)

Чуев С.Е. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник Ректора Государственного университета управления

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена (г. Санкт-Галлен, Швейцария)

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин (г. Сент-Пол, США)

Вестник Российского университета дружбы народов. **Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 15.03.2023. Выход в свет 25.03.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,14. Тираж 500 экз. Заказ № 40. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2023 Volume 10 Issue 1

DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-1

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

---

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and Municipal
Management, Peoples' Friendship
University of Russia named
after Patrice Lumumba (RUDN
University); Full Professor of The
State University of Management
(Moscow, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management
(Moscow, Russian Federation)

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitriy V. Nakisbaev,
PhD in Political Science, Head
of the Department of Public
Administration, Peoples'
Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University) (Moscow,
Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management (Moscow, Russian Federation)

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEPA (Saratov, Russian Federation)

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia (Vancouver, Canada)

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University (Berlin, Germany)

Konstanty A. Wojtaszczyk — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University (Riga, Latvia)

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), European Association of Professionals in Public Administration (EGPA) (Moscow, Russian Federation)

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement (Prague, Czech Republic); Emeritus professor of Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation)

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente (Enschede, Netherlands)

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen (St. Gallen, Switzerland)

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin (Saint Paul, United States)

Schultz D. — PhD, Professor of Political Science, University of Hamlin, St. Paul, USA

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer I.A. Chernova

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

- Омельченко Н.А.** Смута в Московском государстве в начале XVII в. и ее влияние на трансформацию основ и принципов российской государственности (политологический аспект) 7
- Ильинская С.Г.** Мобилизационное государство как сущностная характеристика российской цивилизации: начальный этап формирования 18
- Яхшиян О.Ю.** Общинная традиция в доромановской России 29
- Osipov V.A.** Potential of Using the Network Approach in the Studies of the Russian Statehood in the Pre-Romanov Period (Осипов В.А. Возможности использования сетевого подхода в исследованиях государственности России в доромановский период) 38
- Ковалев А.А., Катанандов С.Л.** Древние истоки современного государственного управления (на материалах Еврейской Библии) 46

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Белоконев С.Ю., Зубец А.Н.** Состояние и перспективы развития человеческого капи-тала ЛНР/ДНР и его влияние на экономику Донбасса 58
- Федоренко К.А., Мирошниченко И.В.** Государственная политика РФ в сфере добровольчества: институциональные основания 70

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Алексеев Д.А., Иванов А.В., Кореньков И.О.** Институциональные изменения в Российской империи во время правления Александра II и их влияние на экономические процессы 86
- Sadik A.D.** Multidimensional Perspective Analysis to Ensure Effective Governance in War-Torn Countries (Садик А.Д. Многоаспектный перспективный анализ для обеспечения эффективного управления в раздираемых войной странах) 102
- Зайцев С.Ю.** Политическая власть цифровых транснациональных корпораций: к проблеме исследования 116
- Oladimeji K.A., Abdulkareem K.A.** An Assessment of User Satisfaction with E-Police in Nigeria (Оладимеджи К.А., Абдулкарем К.А. Оценка удовлетворенности пользователей электронной полицией в Нигерии) 130
- Louvill O.** A Review on Monbiot G. “Neoliberalism — the Ideology at the Root of All Our Problems” (Лувилл О. Рецензия на статью Дж. Монбио «Неолиберализм — идеология, лежащая в основе всех наших проблем») 144

CONTENTS

THE FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD: POLITICAL AND GOVERNMENTAL ANALYSIS

Omelchenko N.A. The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect)	7
Ilinskaya S.G. The Mobilization State as an Essential Characteristic of Russian Civilization: The Initial Stage of Formation	18
Yahshiyani O.Y. Community Tradition in Pre-Romanov Russia	29
Osipov V.A. Potential of Using the Network Approach in the Studies of the Russian Statehood in the Pre-Romanov Period	38
Kovalev A.A., Katanandov S.L. The Ancient Origins of Modern Public Administration (Based on the Materials of the Hebrew Bible)	46

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Belokonev S.Yu., Zubets A.N. The State and Prospects of Human Capital Development of the LPR/DPR and Its Impact on the Economy of Donbass	58
Fedorenko K.A., Miroshnichenko A.V. State Policy of the Russian Federation in the Field of Volunteerism: Institutional Foundations	70

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Alekseenko D.A., Ivanov A.V., Korenkov I.O. Institutional Changes in the Russian Empire During the Reign of Alexander II and Their Impact on Economic Processes	86
Sadik A.D. Multidimensional Perspective Analysis to Ensure Effective Governance in War-Torn Countries	102
Zaytsev S.Y. The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect)	116
Oladimeji K.A., Abdulkareem K.A. An Assessment of User Satisfaction with E-Police in Nigeria	130
Louvill O. A Review on Monbiot G. “Neoliberalism – the Ideology at the Root of All Our Problems”	144

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

THE FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD: POLITICAL AND GOVERNMENTAL ANALYSIS

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-7-17

EDN: CYFLZW

Научная статья / Research article

Смута в Московском государстве в начале XVII в. и ее влияние на трансформацию основ и принципов российской государственности (политологический аспект)

Н.А. Омельченко

Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, 99

✉ nik_omelchgenko@mail.ru

Аннотация. В статье дана авторская трактовка характера и степени влияния событий Смутного времени начала XVII в. в России на эволюцию основ и принципов российской государственности. Автор статьи отмечает, что эта важная для осмысления истории российской государственности проблема пока не получила должного освещения и необходимой научной проработки. Соглашаясь с мнением исследователей, оценивающих события Смуты как первый в развитии страны глубокий государственный кризис, автор статьи обращает внимание на то, что в современных публикациях не учитывается то обстоятельство, что во многом именно трагедия Смуты предопределила многие новые явления в государственной и общественной жизни России, которые обеспечили выход страны из Смуты и восстановление государственного порядка. С одной стороны, народные массы под влиянием событий Смуты стали усваивать новые, не свойственные им раньше представления об отношениях между властью и обществом, связывая понятие государства с «землей», с понятием «общая польза». С другой стороны, российская политическая элита также вынуждена была пересматривать прежние методы управления государством и строить свои отношения с гражданами на основе учета общественных интересов, общей «земской» пользы. В статье обосновано методологически важное положение о том, что именно с событий Смуты можно вести начало формирования в российском обществе нового понимания государства и государственной власти в современном их значении. Автор статьи подводит к мысли о том, что именно указанные перемены в сознании народных масс и поведении элиты стали определяющими для выхода страны из Смуты, одновременно проводя параллель с византийской моделью власти,

© Омельченко Н.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

устойчивость которой в периоды кризисов также объяснялась наличием уникальной государственной структуры, соединявшей жесткую монархическую вертикаль и горизонталь развитого самоуправления.

Ключевые слова: Смутное время, российская государственность, государственный кризис, боярская аристократия, служилое государство, земское самоуправление, византийская система власти

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Омельченко Н.А. Смута в Московском государстве в начале XVII в. и ее влияние на трансформацию основ и принципов российской государственности (политологический аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-7-17>

The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect)

Nikolay A. Omelchenko

State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 109542

✉ nik_omelchenko@mail.ru

Abstract. The article gives the author's interpretation of the nature and degree of influence of the events of the Time of Turmoil at the beginning of the XVII century in Russia on the evolution of the foundations and principles of Russian statehood. The author of the article notes that this problem, which is important for understanding the history of Russian statehood, has not yet received proper coverage and the necessary scientific study. Agreeing with the opinion of researchers who assess the events of the Turmoil as the first deep state crisis in the development of the country, the author of the article draws attention to the fact that modern publications do not take into account the fact that in many respects it was the tragedy of the Turmoil that predetermined many new phenomena in the state and public life of Russia, which ensured the country's exit from the Turmoil and the restoration of state order. On the one hand, the masses, under the influence of the events of the Turmoil, began to assimilate new ideas about the relationship between the government and society that were not peculiar to them before, linking the concept of the state with the "land", with the concept of "common benefit". On the other hand, the Russian political elite was also forced to revise the previous methods of government and build their relations with citizens on the basis of taking into account public interests, common "zemstvo" benefits. The article substantiates the methodologically important position that it is from the events of the Turmoil that it is possible to start the formation of a new understanding of the state and state power in Russian society in their modern meaning. The author of the article leads to the idea that it was these changes in the consciousness of the masses and the behavior of the elite that became decisive for the country's exit from the Turmoil, at the same time drawing a parallel with the Byzantine model of power, the stability of which in times of crisis was also explained by the presence of a unique state structure that connected the rigid monarchical vertical and the horizontal of developed self-government.

Keywords: Time of the Turmoil, Russian statehood, state crisis, boyar aristocracy, service state, zemstvo self-government, Byzantine system of power

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Omelchenko N.A. The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect). *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-7-17>

Введение

Под Смутным временем в политической истории России принято понимать постигший страну в начале XVII вв. глубокий кризис российской государственности, затронувший все без исключения сферы жизни молодого русского государства. Большинство современников Смутное время характеризовалось как «великое московское разорение», как годы лихолетья. Многие современные исследователи считают Смутное время первым опытом гражданской войны в России, принесшей неисчислимые бедствия населению страны и ввергшей страну в хаос борьбы и разрушений. По мнению Н.А. Бердяева, остро переживавшего факты нравственного и морального упадка в среде русской аристократии в Смутное время, равно как и многочисленные случаи предательства представителей политической элиты, публично клявшихся в верности самозванцам и их «игрушечным» правительствам, Смута явилась ничем иным, как подтверждением несостоятельности официальной идеологии Московского царства как «святой Руси», «последнего православного царства».

Формально начало Смуте положил династический кризис в Московском государстве, вызванный пресечением прежней династии Рюриковичей после кончины последнего представителя династии царя Федора Ивановича, не имевшего прямого наследника. С этого момента начинается длительная и сложная по драматизму событий эпоха бесцарствия («безвластия»), чем не преминули воспользоваться враждующие между собой боярские группировки, стоявшие близко к кормилу власти и боровшиеся за сохранение своих традиционных привилегий и политического влияния. Не прекращавшиеся притязания боярской знати, нередко перераставшие в прямое противостояние боярства правительственной власти, облегчали вмешательство иностранных государств во внутренние дела России и прямую внешнюю интервенцию, ставя под угрозу само существование русского государства, его национальную независимость. В любом случае следует согласиться с мнением, что события Смуты оставили неизгладимый след в сознании русских людей, став, по мнению исследователей, важнейшей вехой исторической памяти [1. С. 36].

Методы

При подготовке статьи наряду со сравнительно-историческим и логико-аналитическим методами применялись: общенаучные методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и абстрагирования, а также специально-исторические: синхронистический, хронологический, актуализации, позволяющие выявить общие черты и особенности происходивших процессов; гипотетический метод, предполагающий формулирование и обоснование научной гипотезы (предположения) как основы для научных выводов; метод детерминизма, позволяющий рассматривать изучаемые явления с точки зрения всеобщей причинно-следственной связи во всех материальных и духовных процессах; парадигмальный подход, ставящий целью анализ причин, целей, направлений, способов совершенствования российской модели государственного и национального строительства в контексте исторического и современного опыта.

Обсуждение

В исторической литературе не существует общей точки зрения об истинных причинах, вызвавших Смуту. Согласия нет, прежде всего, в вопросе о том, что считать глубинным фактором начавшейся Смуты: была ли она закономерным явлением, порожденным внутренними противоречиями развития Московской Руси в предшествующий период, или же в ее развитии основную роль сыграли ряд случайностей и посторонних влияний. Так, по мнению известного русского историка С.М. Соловьева, в основе кризисных явлений, породивших Смуту, лежала длительная борьба общественных и противообщественных элементов в недрах Московского государства, в рамках которой государственный порядок вступил в острое противоречие со старыми дружинными порядками и противообщественными настроениями многолюдного казачества. С иных позиций подходил к оценке событий Смуты В.О. Ключевский, сводивший основные причины Смутного времени к господствовавшему в Московском царстве вотчинно-династическому взгляду на сущность московской самодержавной монархии, с одной стороны, к тягловому характеру русского государства, закабалившего все сословия в русском обществе и превратившегося к началу Смуты в служилое государство в его классической форме, с другой.

Без сомнения, Смута представляла собой величайшее испытание для молодой российской государственности. Согласимся с теми авторами, кто видит в событиях Смуты первый в политическом развитии страны *государственный кризис* со всеми вытекавшими из него последствиями.

Однако не только в этом заключалось значение Смутного времени в общественно-политическом развитии России. По данным исторических исследований, период Смуты отмечен активным проникновением в Московскую Русь западных идей и ценностей, получавших все большее распространение в среде русского образованного общества. В ряде

научных работ обращается внимание на значительное усиление этого процесса в том числе в период краткого правления (1605–1606 гг.) Лжедмитрия I, поощрявшего западные новшества в различных сферах московской жизни. Самозванец демонстративно не считался с протестами русского духовенства, осуждавшего западническую политику нового правителя. Позиционируя себя активным сторонником отправки русских людей на обучение в Европу, Лжедмитрий пытался решительно, как считают современные исследователи, поменять прежнюю политику по отношению к служилым иноземцам, проводимую до него Борисом Годуновым, «начал ломать барьеры, которые Борис, как и прежние правители Руси, призывая к себе на службу “немцев”, старательно возводил между ними и русскими» [2. С. 25]. К числу западных новшеств относилась не только привнесенная самозванцем в московскую жизнь новая, не характерная для Московской Руси церемония венчания Лжедмитрия I на царство и провозглашение его «императором». По замечанию академика А.М. Панченко, «Лжедмитрий старался воплотить не отечественный, а западный, ренессансный и маньеристский идеал государя-демиурга, которому суждено повернуть «шарнир времени». Считалось, что он должен сочетать качества воина и писателя» [3. С. 28]. Исходя из сказанного, современные авторы делают далеко идущий вывод, согласно которому несмотря на значительный рост антизападнических настроений в русском обществе под воздействием усилившегося в период Смуты иностранного вмешательства (русское общество возмущало наряду с наводнением русской столицы польской шляхтой обещание самозванца содействовать распространению в Русском государстве католической веры), «именно Смута во многом определила один из главных трендов последующей русской истории — тенденцию к усилению западного социо-культурного влияния» [2. С. 19].

Однако нас в заявленном исследовании будет больше интересовать вопрос о том, какие последствия повлекли за собой события Смутного времени и, главное, какое влияние оказала Смута на эволюцию российской государственности, какие исторические альтернативы открывала пережитая страной трагедия Смуты?

В существующей литературе можно найти совершенно различные, подчас полярные ответы на поставленный нами вопрос: от оценки Смуты как тяжелейшего испытания, закончившегося победой государственных начал над господствовавшим в XVI в. родовым началом (С.М. Соловьев), до точки зрения, сторонники которой считали важнейшим последствием Смуты укрепление традиционного для русской государственности союза «земли» и «государства» (славянофилы) [4. С. 106]. По авторитетному мнению известного русского историка С.Ф. Платонова, Смута «сделала почти всю нашу историю в XVII веке» [4. С. 108]. С другой стороны, было немало и тех, кто был убежден, что события Смутного времени ничего не изменили в государственном механизме России, равно как и ничего нового не внесли они в господствовавшие в русском обществе представления о должном государстве.

Последнее утверждение представляется нам достаточно спорным. С нашей точки зрения, хотя Смута не могла закончиться установлением нового общественного строя в Русском государстве, и более естественным в тех условиях, как и в любой смуте, стало внутреннее преодоление развившейся болезни общественного и государственного организма, однако ее влияние на все дальнейшее общественно-политическое развитие Московской Руси было очевидным и значительным. Безусловно, в «послесмутное» время новые государи из династии Романовых старались опираться на государственные и общественные институты прошлой эпохи, что наглядно свидетельствовало о глубоких и самобытных корнях российской государственности. Понятно также, что новая власть не могла игнорировать многовековые русские и православные традиции без риска потерять поддержку в широких консервативно настроенных народных массах. Но очевидными были и те серьезные изменения, которые наблюдались в это время, прежде всего, в отношениях между властью и обществом. Более того, именно событиями Смутного времени в значительной мере были обусловлены многие новые явления в государственной и общественной жизни России, получившие развитие в последующем в XVII столетии.

Наиболее обстоятельное обоснование это положение получило в сочинениях С.Ф. Платонова, посвятившего ряд оригинальных страниц о Смутном времени в своем знаменитом труде «Лекции по русской истории». По мнению ученого, одно из главных последствий Смуты следует искать в наблюдавшихся важных изменениях в самом русском обществе, приобретшим под воздействием событий Смуты принципиальное новое качественное состояние. Речь в данном случае идет не только об изменениях в социальной структуре русского общества и, в частности, серьезных изменениях в положении усилившегося к тому времени дворянства, которое получило теперь больше возможностей для «участия в государственном управлении». Дело было даже не в экономическом упадке и существенном подрыве нравственного престижа («нравственного кредита») московской боярской аристократии, для которой время Смуты, по тонкому наблюдению С.Ф. Платонова, вполне сравнимо с известной династической войной Алой и Белой Роз (1455–1485 гг.) в Англии, приведшей к большим разрушениям и бедствиям и сопровождавшейся гибелью значительного числа представителей английской знати [4. С. 108]. Исключительное значение, по мнению маститого историка, имело то обстоятельство, что под влиянием событий Смутного времени как в широких народных массах, так и в правящем слое изменились сами представления о том, каким критериям должна соответствовать власть государства и на каких основаниях государство должно строить свои отношения с обществом. Трагедия Смуты, частая смена правительств в Московском царстве стараниями боярских кланов и посредством иностранного вмешательства оказали глубокое влияние на самосознание русского народа, который постепенно стал усваивать, говоря словами С.Ф. Платонова, «новые чувства и понятия», сопрягавшиеся

с более отчетливым пониманием места и роли государства в жизни общества. Если в предшествующую Смуте эпоху русские люди привычно видели в государстве государеву вотчину во главе с ее полновластным хозяином московским государем, то теперь народные массы привыкают связывать понятие государства с «землей», основу которой составляет понятие «общая польза». Такое понимание государства, по мысли С.Ф. Платонова, не было свойственно предшествующему 16 столетию [4. С. 108–109], его утверждению в сознании русских людей в значительной мере было обусловлено самими условиями Смуты, разрушившей жесткую монархическую вертикаль и поставившей местные миры и всю земщину перед необходимостью самостоятельно устраивать свой быт и свою жизнь.

С другой стороны, в новых условиях выхода из Смуты сама политическая элита вынуждена была по-новому строить свои взаимоотношения с обществом, с местными мирами. Можно сказать, что именно с событий Смуты следует вести отсчет начала формирования в правящих кругах Московского царства нового понимания государства и государственной власти в современном их значении. На протяжении двух веков в сознании и поведении московских князей, объявивших своей целью объединение русских земель, продолжали, по выражению В.О. Ключевского, «бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти» [5. С. 195]. Разрушительные последствия Смуты толкали московских государей к осознанию губительности прежней политики, приведшей государство «к глубоким потрясениям, а династию собирателей к гибели» [5. С. 195]. И именно это принципиально важное изменение в характере русской власти, произошедшее под влиянием Смуты, было очень точно подмечено С.Ф. Платоновым в указанном нами историческом сочинении.

По мнению С.Ф. Платонова, после преодоления Смуты новая власть в лице установленной «землею» (читай Земским собором) новой династии Романовых, начинает усваивать понятие «земской» пользы, превращаясь во власть «вполне государственного характера». Она пытается строить свою политику на основе учета общественных интересов, общей «земской» пользы. В сложных условиях выхода из Смуты новая власть вынуждена и стремится советоваться с обществом (с «землей») при решении важных государственных вопросов и «говорит иностранцам», что не может отныне решать ни одного дела «без совету всего государства». Она должна теперь апеллировать к общественному мнению, видеть во всех государственных делах не только «государево дело» как было раньше, но также дело «земское». Хотя, по словам С.Ф. Платонова, эти «новые, в смуту приобретенные понятия о государстве и народности не изменили сразу и видным образом политического быта наших предков», они «отзывались во всем строе жизни XVII века и сообщали ей очень отличный от старых порядков колорит» [4. С. 109]

В прямой связи с указанным выше находилась активизация при первых Романовых деятельности Земских соборов, сыгравших, по справедливому мнению ряда авторов, исключительную роль в спасении и возрождении

российской государственности в годы Смуты и сразу после ее преодоления. Новые правители активно привлекали Земские соборы практически ко всем важнейшим государственным актам, Соборы принимали прямое участие в избрании всех русских самодержцев конца XVII — нач. XVIII вв. В новых условиях для восстановления разрушенных в годы Смуты государственных институтов власти приходилось использовать иные, чем раньше, нетрадиционные методы управления страной, обращаясь к широким слоям русского общества.

В связи с вышесказанным представляется важным проведение некоторых параллелей между происходившим в Московском государстве в начале XVII в. и византийской системой власти, устойчивость которой в периоды кризисов, если исходить из современных исследований, объяснялась во многом теми же факторами, которые обеспечили преодоление государственного кризиса в период Смуты в России.

По мнению историков-византистов, Византия унаследовала от Римской империи модель государственного управления, жизнеспособность которой обеспечивалась наличием глубоких традиций самоуправления. Внешне государство в Византии, как и прежде в Римской империи, представляло собой огромный политический союз, объединявший разнородные политические организмы и поддерживаемый силой римской армии и римским законодательным механизмом во главе с императором. В то же время на местном уровне в городских сообществах, как и задолго до римских завоеваний, огромную роль продолжало играть самоуправление. Эта особенность развития приобрела особое значение на этапе превращения Римской империи в поздний период из городского по преимуществу государства в страну крестьянскую, что дало дополнительный импульс интенсивному развитию самоуправления византийских общин на крестьянском, сельском уровне. И именно в создании такой государственной структуры, соединявшей жесткую монархическую вертикаль и горизонталь самоуправления, как считают исследователи, следует искать основной фактор, обеспечивающий выживание государства в самых сложных условиях.

Нельзя не видеть, что нечто подобное, как было показано выше, было во многом характерно и для России начала XVII в., когда судьба государства оказалась в руках местных миров, крестьянских общин с присущими им традициями самоуправления. На эту особенность русской парадигмы государственного развития в свое время вполне определенно указывали основатели и теоретики русского славянофильства, считавшие, что именно благодаря «земле», крепкому земскому устройству, сумевшему сохранить себя в годы «великого московского разорения», России удалось выйти из глубочайшего государственного кризиса и поднять рушившееся государство.

Как отмечается в современных исследованиях, именно земскому самоуправлению принадлежала решающая роль в сохранении основ российской государственности, когда вся «Земля» (т.е. народ) в обстановке полного

разрушения государства в годы Смуты «под водительством Церкви сама встала на защиту Российского государства» [б. С. 487–488] Именно в эти годы в духе древних русских традиций народовластия земские органы самоуправления взяли на себя осуществление властных полномочий, включая создание собственных вооруженных сил, руководство которыми делегировались специально создаваемым коллективным органам. Исключительно народному творчеству принадлежала заслуга в формировании как Первого, так и Второго народного ополчения.

В годы Смуты на базе активно развивавшегося земского освободительного движения происходит создание Соборных органов управления различных ополченских отрядов, получивших вскоре название «Советов всей Земли». Позже в Первом ополчении было сформировано центральное Земское правительство, состоявшее из создаваемых в нем приказов (Земского, Поместного, Разрядного и др.), которыми руководили авторитетные бояре или дьяки, что способствовало во многом возрождению центрального административного аппарата [б. С. 489–491].

Важная роль принадлежала возникшим в годы Смуты многочисленным общесословным городским советам, включавшим в свой состав помимо представителей городских социальных групп местных церковных иерархов, которые в ряде случаев руководили созданными советами. Показательно, что принимаемые городскими советами постановления («приговоры») должны были выполняться всеми горожанами, в том числе местными воеводами, действовавшими под строгим контролем советов [б. С. 488].

Заключение

Приведенные выше оценки Смутного времени и процесса выхода из нее имеют принципиальное значение, поскольку указывают на ряд фундаментальных основ и принципов, на которых происходило при первых Романовых восстановление разрушенного Смутой российской государства. Как видно из приведенных примеров, особая роль в сохранении основ российской государственности в годы Смуты принадлежала местным мирам, земскому самоуправлению, что само по себе опровергает устойчивые стереотипы о якобы исторической неприспособленности русского народа к гражданской самоорганизации.

В то же время, подчеркивая важное значение местных миров, «земли» в преодолении государственного кризиса в Московском государстве в начале XVII в., очень важно не впасть в другую крайность — недооценки значения государства в политической истории России, его роли в обеспечении стабильного развития общества. Реальность этой опасности очень велика, учитывая, что недоверие к государству, антиэтатистские настроения находят благодатную почву в современном российском обществе. Важно не забывать, что в политической культуре России и общественном сознании в отличие от западно-европейской политической традиции

понятие государства никогда не сводилось только к формальной стороне политической жизни, оно всегда выступало своеобразной скрепой всего общественного организма, а само общество длительное время не было отделено от государства, являясь его неотъемлемой частью, «личной вотчиной» русских государей. Именно поэтому все известные в истории России общественно-политические кризисы и смуты, сопровождавшиеся разрушением государственных институтов и ослаблением центральной власти, как правило, приводили либо к анархии, либо к установлению (что бывало чаще) власти временщиков, господству олигархии. И именно эту ситуацию имел в виду Н.М. Карамзин, указывавший в выпущенном в начале XIX в. и адресованном императору Александру I небольшом, но эпохальным по своему значению произведении «Записка о древней и новой России» на опасность любого ослабления правительственной власти в условиях России. Не соглашаясь в принципе с радикальной, по его мнению, программой государственного преобразования М.М. Сперанского, будущий автор многотомной «Истории государства Российского» предупредил, что в истории России радикальные ограничения власти монарха, ведущие к ослаблению государственной власти в целом, всегда приносили России большие бедствия, вели к «безвластию» и «безначалию», что на самом деле «ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан» [7. С. 46].

Показательно, что опасность разрушения государства в период Смуты стихийно осознавалась большинством русского народа. Как отмечал Н.Н. Алексеев в своем интересном сочинении «Русский народ и государство», народ русский в своем большинстве в полном соответствии с языческими образами самодержавного монархизма веками разделял «убеждение о подобии порядка небесного и порядка земного» (о чем свидетельствует большинство русских пословиц: «Бог на небе, царь на земле», «Лучше грозный царь, чем семибоярщина», «Грозное царствие лучше междуцарствия», «Без Бога свет не стоит, без царя земля не строится»). И именно потому, не раздумывая, поддержал программу возрождения исторической государственности в грозные годы Смуты [8]

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шалик М.Е. Смутное время в оценках русских современников и историческое сознание российского общества XVII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 1. С. 36–40.
2. Черникова Т.М. Московское царство и европейские «новшества» в начале Смутного времени // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2016. № 1. С. 18–28.
3. Панченко А.М. Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: ЮНА, 1999. 512 с.
4. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Вып. 2 / С.Ф. Платонов. СПб., 1899. URL: <https://runivers.ru/lib/book3131/474005/> (дата обращения: 06.12.2022).
5. Ключевский В.О. О русской истории [Сборник] / сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов; под ред. В.И. Буганова. М.: Просвещение, 1993. 576 с.

6. История России: в 4 т. Т. 1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века): коллективная монография / под ред. Н.А. Омельченко; предисл. Н.А. Омельченко; отв. ред. С.В. Перевезенцев. М.: ИНФРА-М, 2018. 679 с.
7. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
8. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.

REFERENCES

1. Shalakh M.E. Smutnoe vremja v ocenkah russkikh sovremennikov i istoricheskoe soznanie rossijskogo obshhestva XVII veka [The Time of Turmoil in the Assessments of Russian Contemporaries and the Historical Consciousness of Russian Society of the XVII Century]. *News of Higher Educational Institutions. The North Caucasus Region. Social Sciences*. 2004;1:36–40 (In Russ.).
2. Chernikova T.M. Moskovskoe carstvo i evropejskie «novshestva» v nachale Smutnogo vremeni [The Moscow Kingdom and European “Innovations” at the Beginning of the Time of Turmoil]. *Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations*. 2016;1:18–28 (In Russ.).
3. Panchenko A.M. *Russkaja istorija i kul'tura: raboty raznyh let* [Russian History and Culture: Works of Different Years]. St. Petersburg: Yuna; 1999. 512 p. (In Russ.).
4. Platonov S.F. *Lekcii po russkoj istorii. Vyp. 2* [Lectures on Russian History. Issue 2]. St. Petersburg; 1899. URL: <https://runivers.ru/lib/book3131/474005/> (accessed: 06.12.2022) (In Russ.).
5. Klyuchevskij V.O. O russkoj istorii [On Russian History [Collection]. Comp., author's preface and note by V.V. Artemov; ed. by V.I. Buganov]. Moscow: Enlightenment, 1993. 576 p. (In Russ.).
6. *Istorija Rossii: v 4 t. T. 1. Genезis i jevoljucija russkoj gosudarstvennosti (do konca XVII veka): kollektivnaja monografija* [History of Russia: in 4 Vols. Vol. 1. [Genesis and Evolution of Russian Statehood (Until the End of the XVII Century): collective monograph. Ed. by N.A. Omelchenko; preface by N.A. Omelchenko; ed. by S.V. Perevezentsev]. Moscow: INFRA-M, 2018. 679 p. (In Russ.).
7. Karamzin N.M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah* [A Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow; Nauka; 1991. 125 p. (In Russ.).
8. Alekseev N.N. *Russkij narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf; 1998. 635 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Омельченко Николай Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0002-5872-1567) (e-mail: nik_omelchgenko@mail.ru).

Information about the author:

Nikolay A. Omelchenko — Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-5872-1567) (e-mail: nik_omelchgenko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-18-28

EDN: DEJPWD

Научная статья / Research article

Мобилизационное государство как сущностная характеристика российской цивилизации: начальный этап формирования

С.Г. Ильинская

Институт философии Российской академии наук,
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

✉ svetlana_ilinska@mail.ru

Аннотация. Локально-цивилизационный подход, разделяемый автором статьи, предполагает существование различных «культурно-исторических типов» (говоря словами его пионера Н.Я. Данилевского), обладающих различными «логиками культуры» и типами «коллективного когнитивного бессознательного» (по А.В. Смирнову). Эти качественные отличия, сформировавшиеся под влиянием особой среды обитания, а также исторических Вызовов и найденных на них Ответов (по А. Тойнби), нашли свое выражение в политических и экономических институтах, выросших из проверенных временем алгоритмов выхода из кризисных ситуаций. Одним из таких институтов для российской цивилизации стал феномен мобилизационного государства, рожденный как стихийный ответ на выпавшие на ее долю испытания, ментально и институционально закрепленный впоследствии (в качестве испытанного средства реагирования). В данной статье (после перечисления ключевых отличий российской цивилизации) автор, используя метод исторической реконструкции, останавливается на начальном этапе формирования данного, весьма специфического, проявления традиционной российской соборности.

Ключевые слова: российская цивилизация, экспансия Запада, мобилизационное государство, Александр Невский, Новгород, отражение военной угрозы

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Ильинская С.Г. Мобилизационное государство как сущностная характеристика российской цивилизации: начальный этап формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-18-28>

© Ильинская С.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Mobilization State as an Essential Characteristic of Russian Civilization: The Initial Stage of Formation

Svetlana G. Ilinskaya

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya str., 12, Moscow, Russian Federation, 109240

✉ svetlana_ilinska@mail.ru

Abstract. The local-civilizational approach, shared by the author of the article, assumes the existence of various “cultural-historical types” (In the words of his pioneer N.Ya. Danilevsky), which have different “logics of culture” and types of “collective cognitive unconscious” (according to A.V. Smirnov). These qualitative differences formed under the influence of special climatic and geographical conditions (habitat), as well as historical Challenges and the Answers found to them (according to A. Toynbee), found their expression in political and economic institutions, algorithms for responding to crises. One of such institutions for the Russian civilization was the phenomenon of the mobilization state, born as a spontaneous response to a historical challenge, mentally and institutionally fixed later (as a tested means of response). In this article, using the method of historical reconstruction, the author stops at the initial stage of the formation of this very specific manifestation of traditional Russian collectivism.

Keywords: Russian civilization, expansion of the West, mobilization state, Alexander Nevsky, Novgorod, reflection of the military threat

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Ilinskaya S.G. The Mobilization State as an Essential Characteristic of Russian Civilization: The Initial Stage of Formation. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):18–28. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-18-28>

Теоретические положения

В процессе секуляризации Европы в эпоху Просвещения был сформулирован универсалистский вариант цивилизационной теории как новая форма легитимации экспансии Запада в др. регионы мира: ранее «освящавшаяся» прозелитизмом, она стала обосновываться «приобщением» варваров к благам цивилизации. Согласно гегелевской формуле философии истории «мировой дух» мог быть воплощен не во всех народах, а только во «всемирно-исторических». Во второй половине XIX в. появляется альтернативный взгляд на историю человечества как на равноправно сосуществующие истории развития различных культурно-исторических типов [1. С. 533–534], ныне именуемых локальными цивилизациями.

В то время как европейская философия упорно держалась (и держится) за представление о собственной универсальности, помещая иные формы мышления в разряд «не-философии» (теология, мистицизм и т.п.), «не-теории» (прототеория, протологика и т.д.), согласно современным российским

исследователям каждая из локальных цивилизаций имеет собственную логику культуры и особый тип коллективного когнитивного бессознательного [2. С. 333].

Эти качественные отличия, сформировавшиеся под влиянием особых климатических и географических условий, а также исторического опыта, имеющие отражение в языке, сказались в том числе на политических и экономических институтах, сформировавшихся на базе устойчивых алгоритмов реагирования в кризисных ситуациях и закрепившихся благодаря успешно найденным Ответам на те или иные исторические Вызовы [3].

По большому счету, Россия — это страна, которая не должна существовать, исходя из принципов западной целесообразности. Причин тому немало: суровые условия хозяйствования, малый прибавочный продукт, бескрайние просторы, необходимость отражать военную агрессию по большому периметру границ. Способом выживания русских и связанных с ними общим политическим устройством народов в течение многих веков было мобилизационное государство, являвшееся организующей силой для свершения различного рода великих деяний, в первую очередь ратного подвига. Другой особенностью, также обусловленной суровым климатом, стала коллективная, а не индивидуалистическая форма организации труда, обусловленная коротким вегетационным периодом, вынуждавшим к объединению усилий (община, артель, колхоз). Третья особенность сформировалась в процессе расширения российского цивилизационного пространства, происходившего путем постепенного включения иных этнических групп при условии принятия ими архетипической модели служения Родине. Причем российская история полна контрастами, когда одни и те же этнические или культурные группы, которые при ослабевании государства и/или утрате им «сакральной вертикали» (по В.Л. Цымбурскому, являющейся стержневым элементом цивилизации [4]) представляли для него угрозу, при противоположных тенденциях — выполняли защитные функции.

Многие (но далеко не все) особенности российской цивилизации объясняются влиянием православия, а также историческим опытом его развития, подробно проанализированным в 1930-м г. Н.М. Никольским [5] (аналогично тому, как М. Вебером была выявлена взаимосвязь между «духом капитализма» и протестантской этикой). Отдельный крайне непростой вопрос — догматические отличия католицизма и протестантизма от православия, их взаимосвязь с европейским рационализмом, а также отсутствие иерархии в православии и его иррационализм, глубоко исследованные с научно-исторической точки зрения Н.Я. Данилевским [1. С. 209–230], с богословских позиций — А.С. Хомяковым [6. С. 25–243]. Эти отличия были в дальнейшем разработаны в классическом евразийстве через категорию *многонародной нации*, основанную на понятиях соборности и симфонической личности, а также идеях: *демотии* как прямого народовластия в противовес представительной демократии, *правомочия* или реального обладания правом и его осуществления в действии без характерного для

западной традиции разделения на объективное и субъективное право, *оправданности* права или отсутствия конфликта права и справедливости и др. [2. С. 403–406]. Логика культуры российской цивилизации была определена В.В. Кожинным (с опорой на труды М.М. Бахтина) как *диалогическая* (в отличие от монологической гегелевской), причем линия преемственности обозначена Вадимом Валерьяновичем от «умной молитвы» Нила Сорского, через творчество многих русских писателей (в особенности Ф.М. Достоевского), вплоть до самого Бахтина [7]. Диалогическая логика культуры не исключает Иного, предоставляя ему возможность равноправного голоса, тогда как монологическая, особенно ярко проявившись в оппозиции «Иные и Запад» рассматривает все коллективные субъекты, которые нельзя отнести к Западу, как объекты приложения его сил.

На базе сектора философских проблем политики Института философии РАН, в противовес концепту «нации-государства» разрабатывается понятие «государства-цивилизации» или «цивилизационного государства», которое за рубежом активно развивают также китайские [8] и индийские [9] коллеги. Для восточной традиции не существует характерного западного антагонизма между государством и обществом. Так, например, у китайцев государство расценивается как *добродетель* [10. С. 34]. Грядущее утверждение концепта государства-цивилизации по мере развития исследований становится все более очевидным (в том числе на Западе [11]).

Одной из исторических проблем в развитии российской цивилизации является близость Европы, интенсивные контакты с которой приводили к перениманию европейских потребительских стандартов представителями правящего класса, подрывая аутентичную форму служилого государства, в котором каждое сословие должно было выполнять справедливую долю обязанностей. Начальный этап обострения конфликта между новой (нарождающейся) моделью мобилизационного государства и прежним восприятием князя и его дружины как военных наемников связан с эпизодами, когда новгородское купечество в минуты опасности призывало «сильного» князя в лице Александра Невского, а при ослабевании внешней угрозы начинало тяготиться его властью.

Политическая ситуация

Выгодное географическое положение Новгорода способствовало развитию внешней торговли, бывшей делом не только купцов, но и боярства, которое, будучи вовлечено в пушную торговлю, имело большую экономическую силу и корпоративную сплоченность. Удаленность от Киева, широчайшие связи с десятками стран (Византией, Волжской Булгарией, прикаспийскими странами, Готландом и всей Южной Прибалтикой), богатства новгородской земли укрепляли тенденции независимости. Вплоть до XIII в., пока у рубежей Новгородской земли не появились немецкие рыцарские ордена, Новгород не знал постоянной угрозы внешней опасности, и военные резервы боярства

могли расходоваться исключительно на охрану торговых караванов, тысячеверстных путей и отдаленных факторий-погостов [12. С. 424–426].

На протяжении XI века новгородское боярство много раз проявляло свою волю в отношении великих князей и тех князей-наместников, которые Киев присылал в Новгород. В последнюю четверть XI в. существенно изменилась летописная формула о начале княжения нового князя. Ранее упоминали: великий князь киевский «посади» князя в Новгороде. Затем стали писать: новгородцы «введоша» князя себе. Летопись запестрела фразами: «бежа князь», новгородцы «выгнаша князя», «показаша путь» князю [12. С. 427–428].

С опорой на дореволюционные [13; 14; 15; 16; 17] и современные [18] источники, восстановим хронику некоторых событий XIII в. на западных рубежах Руси,¹ когда под влиянием внешних обстоятельств вышеуказанная тенденция стала меняться на прямо противоположную, имея ввиду, что происходили они непосредственно вслед за нашествием Батые. Вассальная зависимость [18. С. 179], в которой отныне находились русские земли, еще долгое время не могла быть преодолена военным путем. Новгород, в отличие от других русских территорий оставшийся неразграбленным, получил в это время новые основания для осознания своей исключительности, одновременно становясь лакомой добычей для западных соседей, понимавших, что разоренная Русь уже не сможет предоставить прежней военной силы для защиты западных окраин [13. С. 280–281; 14. С. 643–645; 15. С. 164; 17. С. 57–58].

Хроника событий

В 1240 году состоялась молниеносная победа Александра Ярославовича над войском, собиравшимся в Швеции два с лишним года и выступившим под предводительством ярла Биргера, принеся ему славу Невского. После возвращения в Новгород Александр попытался побудить новгородскую верхушку занять более твердую позицию в отношении Ливонского Ордена, но новгородские бояре во главе с посадником Степаном Твердиславичем не поддержали молодого князя, и в ту же зиму он выехал со своей семьей и двором в Переяславль.

Тем временем усилиями прогерманской партии псковского боярства («чадь» которой была взята в заложники) немцы вошли в земли Пскова, а затем продвинулись дальше, постепенно подступая к Новгороду. Ввиду надвигающейся опасности новгородцы стали просить себе князя у Великого князя Ярослава, хотя прежде тяготились сильной княжеской властью и пытались избавиться от нее при малейшем ущемлении своих интересов и исчезновении внешней угрозы. Ярослав согласился, однако послал им не Александра,

¹ При этом будем опираться лишь на твердо установленные факты, опуская дискуссии между специалистами по поводу отдельных нюансов некоторых спорных моментов российской истории.

а следующего за ним сына Андрея, который не смог переломить ситуацию: к захватам немцев присоединились также дерзкие набеги чуди и литовских племен, в результате которых уводились люди, лошади, скот, что не давало возможности возделывать землю и было чревато голодом. В этих обстоятельствах сам Новгородский владыка Спиридон «с предними мужи» отправился во Владимир к Ярославу, умоляя отпустить к ним на княжение Александра [16. С. 37].

Александр со своим «двором» срочно прибыл к Святой Софии. Немедленно собралось войско из новгородцев, ижорцев, ладожан, карелов, которое, шествуя под знаменами князя, в скором времени заняло Копорье, пленив многих немцев. Позднее Александр освободил большую часть захваченных рыцарей, лишь некоторых привел с собой в Новгород и был «милостив вельми», но сурово покарал изменников вожан и чудь.

После этого он отправился к отцу, взял у него Суздальские полки и с братом Андреем вернулся в Новгород; далее Александр объявил поход на немцев, похвалявшихся «укорить словенский язык» и, не теряя времени на ожидание сбора новгородской рати, поспешил занять все дороги, ведущие ко Пскову. Невский появился под его стенами раньше, чем застигнутые врасплох противники смогли получить сведения о его сборах. Город был освобожден, немецкие наместники отправились закованными в Новгород, а шесть главных псковских изменников были казнены. Вслед за этим Александр вторгся во владения Ливонских рыцарей, примыкавшие ко Пскову, разгромив их войска.

Тевтонские рыцари были ошеломлены внезапной потерей Пскова и срочно стали собирать ополчение, с намерением раз и навсегда покончить с Александром. Итог противостояния был подведен в ходе битвы 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера.

Летом 1242 года, узнав о набегах литовцев, Александр выступил на встречу врагу, как всегда немногочисленность своего войска компенсируя быстротой и военным искусством. За один поход сам Александр, не раз подвергаясь опасности, рассеял со своей ратью до семи неприятельских отрядов, побил множество литовских князей. После такого удара литовцы не беспокоили князя больше двух лет, в течение которых он прожил сравнительно спокойно в Новгороде. Но в 1245 году они оправались и вновь стали совершать набеги, в результате которых сожгли окрестности Торжка и Бежецка и заняли Торопец. Александр, как прежде, молниеносно подошел к городу, отбил его у литовцев, множество которых было иссечено. Новгородцы, довольные победой, не хотели продолжать похода, но князь дальновидно рассудил, что нельзя оставлять возможность неугомному врагу в дальнейшем собрать силы. С одной своей дружиной он настиг и изрубил литовцев у озера Жизца. После короткой передышки в Витебске (у тестя) Александр встретил силы неприятеля близ Усвята и вновь разбил их. Эта серия ответных нападений привела к тому, что литовцы не осмеливались появляться в его владениях в течение нескольких лет.

В скором времени в Новгород прибыло чрезвычайное посольство от папы Иннокентия IV — знатнейшие вельможи, кардиналы Гольд и Гемент, с письмом от 8 февраля 1248 года, в котором папа настаивал на переходе Александра и его народа в католичество, утверждая, что покойный Ярослав обещал это его послу де Плано Карпини перед смертью в Татарии². Кардиналы, вручив послание, стали уговаривать князя отречься от православия, уверяя, что таким способом он сможет получить поддержку западных государей в борьбе с восточными ордами, но получили отказ.

В Риме, после получения отрицательного ответа Александра, началась новая кампания по организации враждебных действий против русской земли, с привлечением в коалицию ее соседей. В 1253 году Иннокентий IV послал приказание епископам и духовенству Ливонии проповедовать новый крестовый поход. В том же году рыцари подступили было ко Пскову, но были мужественно отбиты его жителями и поспешно отступили, узнав, что приближается войско новгородцев под предводительством Василия, сына Александра Невского. Новгородцы подошли к устью р. Нарвы в расположенные здесь немецкие владения и опустошили их, а псковичи погнались за отступающими немцами, принудили их к бою и окончательно разбили. Воинственные рыцари вынужденно просили о заключении мира, отказавшись от всех завоеваний в русских землях.

Кроме немцев католический клир настраивал против Руси объединителя литовских племен Миндовга. Еще в 1235 году он овладел русским городом Новогрудком, усилил свое могущество переходом в католичество, считая выгодным заручиться поддержкой папы (поскольку его сильно теснили немецкие рыцари), получил в награду королевский венец³. Постепенно Миндовг захватил раздробленные уделы полоцких князей и заменил тестя Александра (Бречислава) на своего племянника Тевтивила. В 1252 году, во время поездки Александра Невского в Орду для представления Сартаку, Миндовг отправился завоевывать Смоленскую землю, при этом его отряды начали опустошать и Новгородские владения. Находившийся в это время в Новгороде Василий, сын Александра, несмотря на крайнюю юность, выступил против литовцев под руководством опытных бояр, героически сразился с ними и наголову разбил, усмирив на время.

Но новгородцы не могли ужиться даже с сыном Александра Невского, и в 1255 году ему пришлось выехать от них в Торжок. Василий Татищев пишет, что «новгородцы взяша изо Пскова... Ярослава Ярославича тверскаго и посадиша его на княжение у себя в Новеграде, а князя Василия Александровича... выгнаша из Новгорода» [16. С. 50]. Узнав об этом, Александр послал свои войска к Новгороду, намереваясь, однако, смирить его без кровопролития.

² В действительности, францисканец, описывая смерть Ярослава, ни словом не обмолвился об этом обещании.

³ Позднее, осознав реальные последствия западной экспансии, вызвавшие антинемецкие восстания литовских племен, Миндовг вернулся к язычеству и объединился с Александром Невским против немецких рыцарей.

Подойдя к городу, князь потребовал выдачи посадника Анании, по его мнению, главного виновника произошедшего недоразумения; однако у Анании оказалась сильная партия, не желавшая его выдавать, и Александр, снизойдя к просьбам жителей, удовольствовался лишь смещением Анании с должности посадника.

Уже через год шведы в союзе с датчанами собрали под влиянием папы большие силы и стали строить крепость недалеко от устья Нарвы. Новгородцы срочно стали собирать свои войска и просили Александра прийти им на помощь. Узнав про это, шведы, оставив крепость недостроенной, срочно ретировались. Но Александр, прибыв со всеми своими полками в Новгород, приказал тотчас же выступить в поход, несмотря на суровую зиму. Цель похода князь скрывал, вероятно, из-за нежелания доказывать новгородской верхушке ее обоснованность. Когда рать достигла Копорья, князь объявил о походе в Финляндию, где с 1242 года стали утверждаться шведы, построив замок Тавастгус. Пройдя по Финляндии «из края в край», Александр добился того, что шведы осмелились вновь начать враждебные действия против русских земель лишь спустя тридцать семь лет.

Вернувшись из этого тяжелого похода, в 1257 году Александр отправился в Орду, где произошли большие перемены: Сартак был убит своим дядей Берке, объявившим себя преемником умершего Батыея, а ведать русской землей поручил своему вельможе Улавчию, собиравшемуся послать в русские земли отряд татар для сбора дани и составления переписи. В Орде князь сумел заключить очень значимый договор — внутреннее управление делами в русской земле и право вести войну и заключать мир было оставлено за русскими князьями. Но отклонить приезд татарских чиновников в Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли Александру не удалось. В скором времени князю пришлось снова ехать к Улавчию, т.к. тот требовал, чтобы и новгородцы платили дань. Александр был вынужден сам отправиться в Новгород с татарами, чтобы предотвратить конфликт, последствием которого неминуемо стало бы второе нашествие Орды на Русь. Известие об этом дошло до Новгорода, в городе вспыхнул мятеж. Когда подъехал Александр с послами, новгородцы, вручив послам подарки, объявили, что не хотят повиноваться хану и платить дань. Предвидя страшную месть татар, грозившую обрушиться прежде всего не на Новгород, а на земли, лежащие по пути к нему, Александр, скрепя сердце, сам сурово наказал зачинщиков мятежа, главных из них — отсечением руки, лишением глаз и других членов. К этим несвойственным русским обычаям наказаниям князь прибегнул для того, чтобы в случае надобности убедить татар, что виновные были тотчас же наказаны. И действительно, хан удовольствовался его объяснением и уведомлением, что новгородцы покорились. В Новгород приехали лишь два чиновника со своими семьями и подручными для переписи и сбора дани. Скоро новгородцы возмутились опять, и перепуганные ханские посланники стали просить у Александра защиты. Он немедленно приставил к ним охрану,

но беспорядки не утихали. Тогда князь прибегнул к последнему средству — выехал вместе с ханскими посланцами из города и объявил, что предает его гневу хана, а сам навсегда уезжает во Владимир, вследствие чего переписчики были приняты. После их отъезда и Александр покинул Новгород, оставив княжить своего сына Дмитрия.

Выводы

Сегодня, когда Российская Федерация оказалась в привычной с исторической точки зрения ситуации противостояния с коллективным Западом, необходимо вспомнить истоки модели государственного устройства, которая когда-то сформировалась и была проверена временем.

Проблема удержания территории была неизменно актуальной в течение всей российской истории. Россия, собственно, и расширялась по периметру для того, чтобы обеспечить внутренний мир. Противостоять внешней угрозе помогало обороноспособное государство, по возможности выполняющее регулятивные функции. Они включали в себя в том числе посильное участие различных земель в решении общегосударственных проблем, что могло восприниматься частью местной элиты как ущемление своих интересов.

На примере взаимоотношений Александра Невского и новгородской верхушки мы видим: 1) что боярство (опирающееся на опыт защиты исключительно личных интересов — охрана караванов и т.п.) воспринимает как должное помощь полков из иных русских земель для отражения внешней угрозы, но не желает нести общие тяготы данничества, которое пока не может быть преодолено военным путем, и 2) как было положено начало постепенному преодолению этой традиции.

Постоянное существование в режиме «вызов — ответ» привело к укоренению модели мобилизационного государства как сущностной характеристики российской цивилизации. В последующих публикациях будут отражены более поздние исторические эпизоды закрепления данного института, с целью глубокого осознания того факта, что в текущей политической ситуации у российской политической элиты есть все основания обратиться к испытанным временем алгоритмам решения внешнеполитических проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
2. *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.
3. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Академический проект, 2021. 800 с.
4. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
5. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 604 с.
6. *Хомяков А.С.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М.: Московский философский фонд, Издательство «Медиум», 1994. 480 с.

7. Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2002. 576 с.
8. Weiwei Zh. *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.
9. Kumar R. India: A 'Nation-state' or 'Civilization-state'? // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2002. Vol. 25. P. 13–32.
10. Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» как вызов глобализации // *Век глобализации*. 2022. № 1. С. 29–41.
11. Coker Ch. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019. 230 p.
12. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М.: Академический проект, 2016. 624 с.
13. Карамзин Н.М. *Предания веков*. М.: Правда, 1988. 768 с.
14. Нечволодов А.Д. *Сказания о Русской Земле. Книга I*. Санкт-Петербург: Издательство «Царское дело», 2003. 832 с.
15. Соловьёв С.М. *Об истории древней России*. М.: Просвещение, 1993. 544 с.
16. Татищев В.Н. *История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 5*. М.: Академический проект, 2017. 454 с.
17. Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами. М.: Панорама, 1991. 288 с. (Репринтное воспроизведение издания 1893 года).
18. Спицын Е.Ю. *Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв. : Полный курс истории России. Книга I*. М.: Концептуал, 2019. 440 с.

REFERENCES

1. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow: Algorithm; 2018. 560 p. (In Russ.).
2. Smirnov A.V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglasheniye k razmyshleniyu* [The Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection]. Moscow: YaSK Publishing House; 2021. 448 p. (In Russ.).
3. Toynbee A. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow: Akademicheskij proekt; 2021. 800 p. (In Russ.).
4. Tsymburskii V.L. *Ostrov Rossiya: Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty 1993–2006* [The Island of Russia]. Moscow: ROSSPEN; 2007. 544 p. (In Russ.).
5. Nikolsky N.M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow: AST Publishing House LLC; 2004. 604 p. (In Russ.).
6. Khomyakov A.S. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. *Raboty po bogosloviyu* [Works on Theology]. Moscow: Moscow Philosophical Fund, Medium Publishing House; 1994. 480 p. (In Russ.).
7. Kozhinov V.V. *Pobedy i bedy Rossii* [Victories and Troubles of Russia]. Moscow: Algorithm; 2002. 576 p. (In Russ.).
8. Weiwei Zh. *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation; 2012. 208 p.
9. Kumar R. India: A 'Nation-state' or 'Civilization-state'? *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2002;25:13–32.
10. Spiridonova V.I. «Tsivilizatsionnoye gosudarstvo» kak vyzov globalizatsii [“Civilization State” as a Challenge to Globalization]. *Vek globalizatsii* [Century of Globalization]. 2022;1:29–41 (In Russ.).
11. Coker Ch. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press; 2019. 230 p.
12. Rybakov B.A. *Kiyevskaya Rus' i russkiye knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and Russian Principalities of the XII–XIII Centuries]. Moscow: Academic project; 2016. 624 p. (In Russ.).
13. Karamzin N.M. *Predaniya vekov* [Traditions of the Ages]. Moscow: Pravda; 1988. 768 p. (In Russ.).

14. Nechvolodov A.D. *Skazaniya o Russkoy Zemle* [Legends about the Russian Land]. Book I. St. Petersburg: Publishing house “Tsarskoe Delo”; 2003. 832 p. (In Russ.).
15. Solovyov S.M. *Ob istorii drevney Rossii* [On the History of Ancient Russia]. Moscow: Education; 1993. 544 p. (In Russ.).
16. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen* [Russian History from the Most Ancient Times]. Vol. 5. Moscow: Academic project; 2017. 454 p. (In Russ.).
17. Khitrov M. *Svyaty blagovernyy velikiy knyaz' Aleksandr Yaroslavich Nevskiy* [Holy Noble Grand Duke Alexander Yaroslavich Nevsky. Detailed Biography with Drawings, Plans and Maps]. Moscow: Panorama; 1991. 288 p. (In Russ.).
18. Spitsyn Ye.Yu. *Drevnyaya i Srednevekovaya Rus' IX–XVII vv.* [Ancient and Medieval Russ IX–XVII Centuries: A Complete Course in the History of Russia]. Book I. Moscow: Conceptual; 2019. 440 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru)

Information about the author:

Svetlana G. Ilinskaya — PhD in Political Sciences, Leading Research Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37

EDN: DCKSPU

Научная статья / Research article

Общинная традиция в доромановской России

О.Ю. Яхшиян

Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, 99

✉ yakhshiyana@mail.ru

Аннотация. Понимание основных закономерностей политической истории России будет заведомо неполным без научного осмысления роли общины (земледельческой, посадской, крестьянской) в развитии отечественной государственности на каждом соответствующем ее этапе. Единство и непрерывность отечественной истории вплоть до советского периода включительно обеспечивалось воспроизводством общины в различных ее конкретно-исторических формах. С общинной традицией неразрывно связан выход из наиболее значимых точек бифуркации в истории России: возрождение отечественной государственности и после свержения ордынского ига, и в ходе преодоления Смуты начала XVII века. Статья посвящена рассмотрению общинной традиции как долговременного фактора истории отечественной государственности. Акцентируются связанные с общиной маркеры цивилизационной специфики России (отношение к частной собственности, соседский характер). Последовательно обосновывается взгляд на политогенез восточных славян и государственность земель домонгольской Руси как формирование и развитие системы соподчиненных общин. Выявляется включенность сословного самоуправления тяглых посадских и волостных миров в систему государственного управления Московской Руси в качестве низовой администрации.

Ключевые слова: общинная традиция, общинное самоуправление, крестьянская община, территориально-соседская и кровно-родственная общины, волостные и посадские миры, политогенез, система соподчиненных общин («земля»), система государственного управления

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Яхшиян О.Ю. Общинная традиция в доромановской России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 29–37. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37>

© Яхшиян О.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Community Tradition in Pre-Romanov Russia

Oleg Y. Yahshiyani

State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 109542

✉ yakshiyani@mail.ru

Abstract. The understanding of the basic laws of the political history of Russia will be obviously incomplete without a scientific understanding of the role of the community (agricultural, rural, peasant) in the development of national statehood at each appropriate stage. The unity and continuity of the national history up to and including the Soviet period was ensured by the reproduction of the community in its various concrete historical forms. The way out of the most significant points of bifurcation in the history of Russia is inextricably linked with the communal tradition: the revival of the national statehood both after the overthrow of the Horde yoke, and during the overcoming of the Troubles of the beginning of the XVII century. The article is devoted to the consideration of community tradition as a long-term factor in the history of national statehood. The markers of the civilizational specificity of Russia associated with the community (attitude to private property, neighborly character) are emphasized. The view of the politogenesis of the Eastern Slavs and the statehood of the lands of pre-Mongol Russia as the formation and development of a system of subordinate communities is consistently substantiated. The inclusion of the estate self-government of the tyagly posadsky and volost worlds in the system of state administration of Moscow Russia as a grassroots administration is revealed.

Keywords: communal tradition, communal self-government, peasant community, territorial-neighborly and blood-related communities, volost and village worlds, politogenesis, system of subordinate communities (“land”), public administration system

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Yahshiyani O.Y. Community Tradition in Pre-Romanov Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):29–37. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-29-37>

Введение

В русской общественно-политической мысли уже довольно давно, со времени первых баталий славянофилов и западников, община дискутируется и осмысливается как самобытность, как цивилизационная особенность. Невозможно отрицать устойчивость общинного быта, землепользования и самоуправления как базовых характеристик повседневной жизни абсолютного большинства русского народа на протяжении практически всей отечественной истории, за вычетом нескольких последних десятилетий XX века и позднее. В среде русского крестьянства из века в век упорно воспроизводилось общинно-надельное землевладение с категорическим ментальным неприятием частно-индивидуальной собственности на землю. Из века в век воспроизводилось мирское (общинное) самоуправление с практикой решения всех вопросов на сходе, единогласием, системой выборных и поочередно замещаемых должностей, круговой порукой, равноправием общинников (глав дворов). В этом, собственно, и состоит великая русская общинная традиция:

общинно-надельное землепользование, трудовое право на землю, самоуправление, ментальные установки на равенство, взаимопомощь, неприятие частной собственности и индивидуализма. Именно эта традиция породила оригинальную версию социалистической идеологии — русский общинный социализм.

В современном российском научном и общественном дискурсе преимущественно признается, хотя и далеко не всегда с энтузиазмом, общинная традиция как цивилизационная специфика. При этом ее содержание как набор вполне определенных установок и ценностей редко артикулируется. Об этом по понятным соображениям стараются не думать и не говорить либералы. Показательно, что и консерваторы-традиционалисты стараются не поднимать на щит общинную традицию, хотя в контексте отечественной истории эта традиция — всем традициям традиция. Большинство профессионалов, историков и обществоведов объясняют русскую цивилизационную общинность совокупным действием нескольких факторов «большой длительности» (Ф. Бродель). Живучесть русской общины объясняется, во-первых, особенностями развития аграрного социума в специфических природно-климатических и географических условиях с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Во-вторых — особенностями суверенного государственно-политического развития в условиях постоянных внешних угроз, нередко — экзистенциального характера. В-третьих, православие в России на протяжении веков культивировало свойственные общинному сознанию установки и ценности. В этой связи характерно полушутливое разъяснение понятия «соборность», предложенное известным славянофилом А.С. Хомяковым: «русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить» [1. С. 209].

Отношение к частной собственности — существенный маркер цивилизационной специфики. Уравнительный принцип наделения каждого крестьянского двора земельным участком под пашню (наделом) при безусловности коллективного распоряжения всеми общинными угодьями — несомненная установка русской крестьянской ментальности и обычного права. Практически для всех «крестьянских» веков нашей истории — это и константа, и аксиома. Индивидуальная крестьянская собственность на землю насаждалась аграрной реформой П.А. Столыпина и, невозможно это отрицать, в целом отторгалась русской деревней, которая осталась преимущественно общинной до революции 1917 года и стала практически стопроцентно общинной после нее. На западе Европы уже в эпоху раннего средневековья фиксируется община-марка, соседское сообщество крестьян (непосредственных производителей), для которого, в отличие от предшествующей общины древних германцев, уже была характерна частная собственность (аллод) главы семьи-двора на пахотную землю с наследованием по принципу майората в сочетании с общинным владением пастбищами, лесами, лугами и другими угодьями (альменда). По утверждению академика С.Д. Сказкина, русская община на всем протяжении своего существования сохранила принцип

периодического уравнильного передела, тогда как в общине-марке пахотная земля являлась собственностью главы малой семьи, переходящей по наследству [2. С. 64].

Другой существенный маркер цивилизационной специфики — у славян кровнородственная община, в которой сообщество и организация с иерархией выстраиваются по принципу кровного родства, с опережением по фазе сменилась соседской (территориальной) [3. С. 13]. Общая закономерность политогенеза предполагает переход к доминированию территориально-соседских связей над кровно-родственными в рамках большого сообщества, и специфика славян в этом процессе просматривается и в изначально соседском характере самой первичной, низовой общины — селения, и в соседском (территориальном) характере связей между соседними общинами (селениями) и формирующимся центральным селением. Преобладание территориально-соседского принципа общинной организации характерно для оседлых земледельческих племен. А у племен кочевых, скотоводческих или военно-торговых принцип кровного родства по ходу политогенеза не только не вытесняется и не ослабевает, но и напротив, нередко играет государствообразующую роль. Территориальная община славян была обычно открыта для приема выходцев из других племен на положении свободных и равных, тогда как кровно-родственная — не допускала равенства и внутри семьи, а представители чужого «роду-племени» могли попасть в нее только в качестве неполноправных [4. С. 54]. Для территориально-соседской общины славян характерно равенство общинников (домохозяев) и семей (дворов), самоуправление и «советное» начало. В ней заправлял совет всех общинников. А в кровно-родственной общине, как отмечал славянофил К.С. Аксаков, не было настоящей свободы, самоуправления и совещательности. Для нее характерно полное подчинение сородичей авторитету и власти родового старейшины (патриарха) [5. С. 389]. Неравенство, иерархия неизбежны в общинных системах, выстраивающихся по принципу кровного родства. А суть общинного самоуправления у славян точно и образно передал византийский автор VI века — они не управляются одним человеком, издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим [6. С. 6].

Цель, материалы и методы

Цель настоящей статьи — на основе обобщения достижений исторической науки выявить общинную традицию как долговременный фактор политической истории России. Обращаясь к материалам по истории отечественной государственности до начала XVII столетия, предполагается рассмотреть политогенез восточных славян и государственность земель домонгольской Руси как формирование и развитие системы соподчиненных общин, а сословное самоуправление тяглых волостных и посадских общин (миров) — как низовой, локально-территориальный уровень вертикали государственного управления Московского (Русского) государства. В качестве основного метода

исследования применяется системный подход, ориентирующий в данном случае на выявление и интерпретацию роли и места общинного самоуправления в политической системе конкретного этапа (периода) в истории российской государственности. Теоретико-методологическим основанием исследования является цивилизационный подход к проблеме, предполагающий рассмотрение общинной традиции в истории русской государственности до начала XVII века как политическое проявление специфики русской цивилизации.

Обсуждение и выводы (Русь домонгольская)

Исторически наша общинная традиция восходит к территориально-соседской земледельческой общине восточных славян. На основе этой общины в процессе политогенеза формировались архаичные восточнославянские протогосударства, земли-волости, более известные нам со школьной скамьи как союзы племен. Слово «земля», как и слово «волость», как правило — в сочетании с этнонимом (напр., поляне), а позднее — с названием центрального селения-города (напр., Киев), использовалось, судя по летописи, для названия практически уже государственных восточнославянских объединений (напр., Полянская или Киевская земля). Земля представляла собой систему соподчиненных общин, связанных между собой через «старшую» («стольную») общину центрального селения-города, которая осуществляла власть и консолидировала архаичную вертикаль протогосударственного управления [7. С. 306]. Земская (именно от слова «земля» в указанном смысле) вертикаль выстраивалась от периферийных окраинных селений к пригородам («младшим» городам), а от них — к «старшему» городу, центральной общине. А значит — и снизу вверх, с известным делегированием полномочий центральной общине. Судя по всему, это была и система даннических отношений (в смысле уплаты дани-налога): сельская округа «тянула» к «младшему» городу, а затем все вместе — к «старшему», возглавляющему систему соподчиненных общин [7. С. 158–159]. В рамках такой земской государственности высшей властью обладало вече — собрание «старшей» общины. Бесценное летописное свидетельство подтверждает и изначальный характер института вече, и его повсеместное распространение в землях домонгольской Руси, и соподчинение общин в рамках конкретной земли: «...новгородцы изначала, а также и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости как на совет сходятся на вече, и что решат старшие, то и пригороды принимают...» [8. С. 231].

На уровне земли намечается и зародыш публичной власти, постепенно уходящий в отрыв от общинного самоуправления — княжеско-дружинная корпорация. Однако земская элита (бояре, «лучшие люди») от общины не отрывалась и обеспечивала воспроизводство и эффективность самоуправления как отдельных общин, так и всей земли в целом. Действовала развитая система выборных должностных лиц (тысяцкий, посадник, «старцы градские» и т.п.), подконтрольных собраниям избирателей. По мнению С.В. Перевезенцева, такая земская власть — исторически сформировавшаяся

и наиболее целесообразная (органичная) форма организации для восточных славян, построенная на принципе выборности снизу вверх [3. С. 15].

В IX веке этот органичный политогенез — в рамках земли — был деформирован пришествием кровно-родственного военно-торгового народа русь, который стремился взять под контроль основные торговые пути, проходившие через районы расселения восточных славян. В итоге деятельности русов в поколении Олега, Игоря и Ольги на землях (в т.ч. — и на фундаменте земель как архаичных политий) восточных славян возникло и устоялось довольно рыхлое государственное образование, которое стали называть Русской землей, Русью. При этом земская структура управления у восточных славян сохранилась и воспроизводилась, взаимодействуя с внешней властью Рюриковичей, утвердившихся к началу XI века в качестве князей практически во всех «старших» (стольных) городах домонгольской Руси. Сословное деление в ту эпоху практически еще не сложилось, соответственно и различие сельских и городских общин не носило сословного характера. Свободные общинники, проживавшие и в городах, и в сельской местности («люди», в ед. числе в «Русской правде» используется форма «людин»), составляли абсолютное большинство населения земель (княжеств) домонгольской Руси. Вне общинных структур и общинного регулирования, по большому счету, в древнерусском обществе оставались, с одной стороны, князья и дружинники, а с другой — различные категории несвободного населения.

Обсуждение и выводы (Русь Московская)

После катастрофы монголо-татарского нашествия и в условиях золотоордынского ига государственность в северо-восточных русских землях восстанавливалась не снизу, а сверху. Уже не как земля — система соподчиненных общин с развитым и политически активным городским самоуправлением, а как военно-служилая сословная монархия с санкционированной ханом княжеской властью. Осознав, что занятие княжеского стола отныне санкционируется не народом, собравшимся на вече, а ордынским «царем», северо-восточные Рюриковичи постарались не допустить реанимации политического потенциала общинного самоуправления. Да и сами города, многие из которых подверглись полному разорению с поголовным истреблением жителей в ходе Батыева нашествия, нуждались хоть в какой-то защите от монголов и видели ее только в князе, который мог бы выстроить отношения с Ордой и обеспечить относительную «тишину». После городских восстаний второй половины XIII века попытки реанимации института вече рассматривались монголо-татарами как достаточный повод к карательному походу. Именно монголы прежде всего были заинтересованы в подавлении вечевой традиции [9. С. 217], а в перспективе от этого политически выигрывали Рюриковичи северо-восточных княжеств. Над резко ослабевшим, деморализованным и задавленным общинным самоуправлением городов (посад) и сельской округи

(волость) нависли усилившаяся княжеская власть и управление в виде института княжеского (позднее — Государева) двора.

Формирование сословий в Московской Руси шло по принципу раскладки обязательной государевой службы или государева тягла (комплекс даней и натуральных повинностей). Совокупность этих сословий, служилых и тяглых составило понятие «вся земля» [10. С. 146]. Тяглые люди были приписаны либо к городским общинам (посаду), либо к волостным крестьянским мирам. Самоуправление таких общин, соответственно, было и территориальным, местным, и сословным, посадским или крестьянским. Это самоуправление было интегрировано в систему государственного управления в качестве низового местного уровня. Такая практика была проявлением общей закономерности, характерной для аграрно-традиционного общества. Община, как правило, является территориальной организацией непосредственных производителей, податных сословий, выполняющих известные обязанности по отношению к государству. А общинное самоуправление закономерно встраивается в вертикаль государственной власти в качестве ее низового сословно-представительного звена. Подчеркивая эту характерную слитность коронной администрации в ее низовом звене и выборных властей общинных миров, Л.В. Данилова верно объясняет это явление необходимостью компенсировать слабость и неразвитость государственного аппарата [7. С. 311]. В нашем случае это обстоятельство объективно отягощалось условиями развития России как общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Обеспечение государственного управления на своей территории и применительно к своей сословной группе в России понималось как сословная обязанность и посадского, и крестьянского самоуправления. Обязанность выборных должностных лиц общинного самоуправления нести службу по местному государственному управлению в городах и слободах, в волостях и селениях понималась как повинность, часть тягла. Историки обращают внимание на эту специфику: в странах Западной Европы политическая централизация сопровождалась освобождением сословий, а в Московском государстве этот процесс был неразрывно связан с прикреплением населения к службам и повинностям (тяглу) [11. С. 46].

В структуре уезда с уездным центром — как правило, бывшим стольным городом прежнего княжества — и волостями с волостными центрами крестьянское общинное самоуправление обеспечивало волостной уровень управления полностью или почти полностью (там, куда назначался «коронный администратор» — волостель, как правило, из числа местных уездных дворян). В городе управление обеспечивалось самоуправлением посада. В целом государственное управление в уезде строилось по принципу сословного представительства и на основе взаимодействия коронной администрации (наместника или воеводы) с выборными должностными лицами местной дворянской корпорации («служилого города»), местного духовенства, посада и волостей. С середины XVI века назначаемых из центра наместников

заменили избираемые из числа местных служилых людей губные старосты. Волостные миры были связаны между собой и с посадской общиной уездного центра и обеспечивали вместе с местными дворянами и духовенством всеобщее представительство на уровне уезда.

В структуре волостного самоуправления черносошных (государственных) крестьян действовали сходы и выборные должностные лица — старосты, сотские и десятские. Самоуправление крестьянской общины действовало и под «крышей» частно-феодалного землевладения, причем не утрачивая административно-публичных функций и статуса. Даже и в крепостной деревне под надзором помещика или его управляющего крестьянский мир сохранял привычное самоуправление [4. С. 60].

Заключение

На живую традицию общинного самоуправления опирался институт Земских соборов (советов всей земли), историю которых принято вести с Собора примирения 1549 г. Общинное самоуправление обеспечило и формирование земских ополчений в годы Смуты. Таким образом, в истории отечественной государственности до воцарения Романовых общинная традиция убедительно просматривается в политиях домонгольской Руси — как самоуправление земли, институты которого (вече, боярский совет и др.) взаимодействовали (зачастую — как сила, более влиятельная) с князьями, а в Московском государстве — как территориально-сословное самоуправление посадских и волостных тяглых миров, встроенное в систему государственной администрации в качестве ее низового звена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
2. *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века // Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973. 454 с.
3. *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. М.: Академический проект, 2018. 571 с.
4. *Кузьмин А.Г.* Самоуправление в России // Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М.: «Русская панорама», 2005. 336 с.
5. *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Издательство «Культура», 1993. 761 с.
6. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие. М.: «Проспект», 1999. 592 с.
7. *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
8. Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Сост., авторы примечаний и указателей А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин; вступительная статья и перевод А.Г. Кузьмина. Арзамас, 1993. 383 с.
9. *Андреева Л.А.* Монархическая государственность в России // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедия / ред. Кол.: Мчедлов М.П. и др. М.: Республика, 2001. 544 с.

10. Графский В.Г., Ефремова Н.Н., Карпец В.И. и др. Институты самоуправления: историко-правовое исследование // М.: Наука, 1995. 301 с.
11. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. / отв. ред. Н.Г. Королева. Кн. 1: 1864–1904. М.: Наука, 2005. 428 с.

REFERENCES

1. Pipes R. *Rossija pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta; 1993. 421 p. (In Russ.).
2. Skazkin S.D. Ocherki po istorii zapadnoevropejskogo krest'janstva v srednie veka. *Izbrannye trudy po istorii*. [Essays on the History of the Western European Peasantry in the Middle Ages. *Selected Works on History*]. Moscow: Nauka; 1973. 454 p. (In Russ.).
3. Perevezentsev S.V. *Russkaja istorija: s drevnejshih vremen do nachala XXI veka* [Russian History: From Ancient Times to the Beginning of the XXI Century]. Moscow: Academic Project; 2018. 571 p. (In Russ.).
4. Kuzmin A.G. *Samoupravlenie v Rossii. Marodery na dorogah istorii* [Self-government in Russia. *Looters on the Roads of History*]. Moscow: “Russian panorama”; 2005. 336 p. (In Russ.).
5. Shapiro A.L. *Russkaja istoriografija s drevnejshih vremen do 1917 g.* [Russian Historiography from Ancient Times to 1917]. Moscow: Publishing House “Culture”; 1993. 761 p. (In Russ.).
6. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *Hrestomatija po istorii Rossii s drevnejshih vremen do nashih dnei. Uchebnoe posobie* [A Textbook on the History of Russia from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: “Prospect”; 1999. 592 p. (In Russ.).
7. Danilova L.V. *Sel'skaja obshhina v srednevekovoj Rusi* [Rural Community in Medieval Russia]. Moscow: Nauka; 1994. 318 p. (In Russ.).
8. *Povesti vremennyh let (Lavrent'evskaja letopis')*. Sost., avtory primechanij i ukazatelej A.G. Kuz'min, V.V. Fomin; vstupil'naja stat'ja i perevod A.G. Kuz'mina [Tales of Bygone Years (Lavrent'evskaja letopis'). Ed. by A.G. Kuzmin, V.V. Fomin]. Arzamas; 1993. 383 p. (In Russ.).
9. Andreeva L.A. *Monarhicheskaja gosudarstvennost' v Rossii. Rossijskaja civilizacija: Jetnokul'turnye i duhovnye aspekty: Jenc. Slovar'*. Red. Kol.: Mchedlov M.P. i dr. [Monarchical Statehood in Russia. *Russian Civilization: Ethno-cultural and Spiritual Aspects*. Ed. by Mchedlov M.P. et al.]. Moscow: Republic; 2001. 544 p. (In Russ.).
10. Grafsky V.G., Efremova N.N., Karpets V.I. et al. *Instituty samoupravlenija: istoriko-pravovoe issledovanie* [Institutes of Self-Government: Historical and Legal Research]. Moscow: Nauka; 1995. 301 p. (In Russ.).
11. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918: v 2 kn.* Otv. red. N.G. Koroleva [Zemstvo Self-government in Russia, 1864–1918: in 2 books. Ed. by N.G. Koroleva. Book 1: 1864–1904]. Moscow: Nauka; 2005. 428 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Яхшиян Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0003-0097-5193) (e-mail: yakhshiyana@mail.ru).

Information about the author:

Oleg Y. Yakhshiyana — PhD in History, Associate Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0097-5193) (e-mail: yakhshiyana@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-38-45

EDN: DPR IPL

Research article / Научная статья

Potential of Using the Network Approach in the Studies of the Russian Statehood in the pre-Romanov Period

Victor A. Osipov

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

✉ vityaosipov@gmail.com

Abstract. This article aims to consider the possibility of using the network approach in domestic research on the foundations of the formation of statehood in the pre-Roman period of Russian political history. The paper pays special attention to the situation, existing methods and principles of the network approach in the context of the problem under consideration, as well as their applicability, taking into account the time frame and the amount of data available for analysis.

Keywords: network approach, methodology, analysis, foundations of the state, Russia, pre-Romanov period

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Acknowledgements: The research was prepared at the expense of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Project FSSF-2022-0015 “Fundamentals of Russian Statehood: a political analysis of the history of the formation of the Russian state in the Pre-Romanov period”).

Article history:

The article was submitted on 25.12. 2022. The article was accepted on 12.01.2023.

For citation:

Osipov V.A. Potential of Using the Network Approach in the Studies of the Russian Statehood in the Pre-Romanov Period. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):38–45. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-38-45>

Introduction

Radical changes in the internal, regional and global political space in 2022 were expectedly followed by a shift in the focus of attention and the processes of updating scientific research aimed inward/at oneself in the context of Russian science. In parallel with this, there is an increase in social and state requests for such research, which, in general, indicates an attempt at public-state reflection based on the scientific community. As part of this process, researchers are tasked

© Osipov V.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

with a deep and comprehensive review, analysis and comparison of the historical contexts of our national political history and the history of state building. Moreover, in addition to a fairly high interest in the political processes of the last centuries, the subject field is intensively filled with problems and questions during the pre-Roman history of our country, including within the framework of the project program “DNA of Russia”. Under these conditions, one way or another, the question arises of choosing the most effective approaches, methods and techniques, which is an integral part of the development of research strategy and design. In this regard, this article is aimed at a comprehensive presentation of the current state of the network approach in domestic socio-political sciences, for evaluation and consideration by researchers in the process of forming the theoretical and methodological foundation of the study.

Consideration of the issue of the formation of Russian statehood in the pre-Romanov period imposes a number of restrictions on the range of applicable modern scientific methods and analysis techniques. On the one hand, this is due to the relationship between remoteness in time and a decrease in the number of surviving written and material sources of socio-political and economic orientation, as well as to the peculiarities of interpreting the results obtained and their scaling. On the other hand, this adds to the limitations of the network approach itself, and even more so network analysis, which is extremely dependent on access to data on communication between stakeholders and on the nature of their connections, not to mention the conduct of longitudinal studies. Nevertheless, as will be described below, there are many examples of the use of a network approach to the historical periods of development of individual countries, which made it possible to gain new knowledge or refute previous assumptions about the objects under study. Thus, in this work, we are faced with two main tasks — to consider the range of already used methods of network theory and, based on an assessment of the characteristics of the object of study, draw conclusions regarding their applicability.

Network approach

In 2008 The American Council on Foreign Relations (CFR) and Office of the Director of National Intelligence published their fourth iteration of global trends research “Global Trends 2025: A Transformed World” with the paragraph entitled “A World of Networks”. The authors emphasize what a great power comes to international organization and NGOs gathering resources and stakeholders into flexible and open structures with common goal. Furthermore, they note that “a new set of social actors—super-empowered individuals and even criminal networks—increasingly will influence outcomes” [1]. New actors, game rules, the level of uncontrollability and the possibility of using new information technologies for criminal purposes cause understandable concern among authorities and those in power now.

Of course, the network concept emerged and developed in socio-political science and public administration expert community discourse long before 2008.

R. Rhodes, D. Marsh, C.L. Crumley [2], T. Borzel [3] and many others have made a great impact to the development of the network approach and its implementation. At first, they needed to distinguish policy networks and other form of social communication using different definitions of the term. For example, T. Berzel describes it as “set of relatively stable relationship which are of non-hierarchical and interdependent nature linking a variety of actors, who share common interests with regard to a policy and who exchange resources to pursue these shared interests acknowledging that co-operation is the best way to achieve common goals” [4]. As a result, we got an ideal model of communication and governance — not only elements and links between them but the new vision of alternative way of social organization. The biggest problem was just the gap between the network and hierarchical structures. For state, the situation is complicated by the difficulties of adaptation, systemic delays inherent in social systems and political reactionism.

As for studying of historical contexts network approach finds itself in a difficult position especially for in the Russian scientific field.

There are some Persistent misconceptions:

- Network — exclusively Internet, social networks of the XXI century;
- Network communication is a phenomenon exclusively of the XX–XXI centuries;
- Network analysis is an inaccessible, complex, expensive method.

Position of the network approach

- Methodological (meso level);
- Interdisciplinary (STS, ANT);
- Geographic.

Method

Speaking of the method, the study can be divided into three consecutive steps:

- First, we looked for cases in which many participants were involved in solving a common problem and one of the participants had to be a state or other powerful hierarchical structure. At this stage, we used the methods of included observation, content analysis, case studies and interviews.

- Next, we analyzed selected cases through the prism of a network and communication approach and the concept of political networks.
- After the first two steps, we recorded cases of non-standard behavior and disruptions in the network, caused in our opinion by the internal differences of the participants, guided by different principles of management and behavior patterns. To capture these differences, we tried using different approaches such as multi-level governance in networks, hybrid approach combining hierarchy and network.

Technological basis:

- Programs for the formation of a database (content analysis, analysis of digital resources, statistical);
- Network analysis programs;
- Data visualization programs.

Detecting new structure

The starting point for the study was Setting goals:

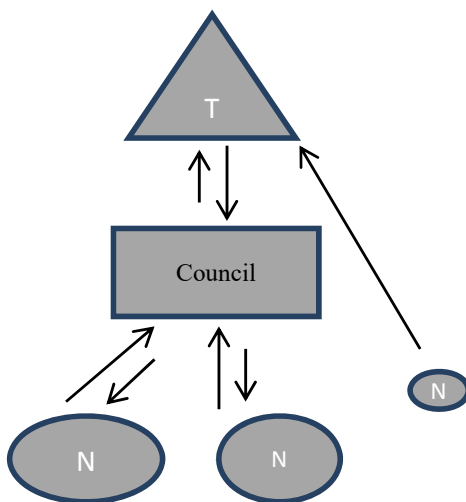
- As part of the Mission of Science — +-obtaining new knowledge, testing existing, debunking myths. (The problem of rewriting history);
- Identification of the network nature of relationships and network structures;
- Search for answers, confirmation of theories within the current discussion field;

Since the middle of the 20th century, the network approach has been actively used in political science research. The main directions of network research are:

- The emergence and formation of the ancient Russian state;
- The period of the baptism of Rus’;
- Feudal fragmentation;
- Rus’ during the Tatar-Mongol yoke;
- Russian Tsardom and the Expansion of Rus’ to the East;
- Time of Troubles and the transitional period between the kingdoms from the Rurikovich to the Romanovs.

As part of the study of the historical period of development of the Russian state that we are considering, special attention is drawn to the use of a network approach in political anthropology, research on power relations, the adoption of certain political decisions or features of the political structure of peoples. All these aspects are systemically important for networking. The analysis of that field revealed a complex system of relationships between the network of participants, including Councils of princes, boyars, zemstvo congresses. A certain correlation was found between the nature of these relationships and effectiveness. The main goals of this network are to make political and state decisions. The most difficult problem here was a lack of information on a grass-roots level. Work in the new mode led to the formation of new processes:

- The process of mitigating or dispersing the vertical impact;
- The process of vertical distribution of network relationships.

Fig. 1. Public council institution from Tsar to nobles.

Source: own research, 2022

Understanding of behavior

If you ask a political anthropologist [5] about state in the frame of variability of social evolution he wouldn't be so confident about the lack of alternative development with increasing complexity of society. But as we can see after the era of great geographical discoveries, the transit of European statehood and then the achievements of uniformity of state structure already in the era of globalization and nation-states, the position of state power seems to be the only available option. But the World of Networks is like shuffling new cards into a deck and putting them on the table by the new rules. Obviously, states do not want to give up their nature and internal organization completely, so there are two ways: adapt accepting its partial changes or to do what mankind does best — adapt the environment. Those are the new alternatives for political evolution.

The use of network approach:

- To see the improving the quality of decision making.
- Improving the effectiveness of the work of authorities. This has largely affected the diversification and emergence of new forms of political and non-political participation of citizens.

There is one problem with such an approach — reforms often go hand in hand with dissatisfaction of citizens and instability, at least for some political forces. That can push a state to another path — adaptation of the environment for itself, with the preservation and sometimes even strengthening of the hierarchy and centralization. That often leads to a situation with only a nominal or visible presence of several equal participants in the political process or the rules of the game, supposedly regulating a flexible system of decision-making and management, which is often necessary, for example, in case of artificial legitimation in case of growth of protest moods; involves the underdevelopment of network culture, the use of manipulative technologies, etc.

During this step there is an attempt to comprehend and describe relations between networks and hierarchy, which in the first place requires the choice of the correct methodology and scientific approach or several approaches to the study of the identified problem. The main requirement for the choice was to consider the complexity and heterogeneity of the nature of these socio-political relations, combining formal and informal horizontal ties and hierarchical ties of varying stiffness.

For the few years, we have been researching a methodological field and doing a comparative analysis of the various approaches and their heuristic potential within the framework of the subject field.

Three large groups of approaches were formed: the first one reveals the essence of the phenomenon of network interaction, typifies and describes them (network theory, the concept of political networks, cybernetics graph theory, network analysis and others, communication theory); it the second group there are approaches to the study of the modern state, its structure and functioning (general theory of state and law, the theory of politics and political management, the theory of political systems and system analysis of politics and etc.), and finally the third group covers

and describes the features of communication directly between the hierarchical structures of the state and the network structures of society, offers analytically and prognostic tools for a given subject field (Multi-level management, hybrid approach, good governance concept, Heterarchy concept and others).

The last group is possibly important for the research, since the scientific basis for the study and analysis of both political networks and the modern government is largely formed as we can see it in the modern theoretical researches [1], and the time has come for their synthesis, using non-reductionist approaches and taking into account the environment.

Conclusions and recommendations

Conclusions. As we can see networks have started playing a crucial role for the mankind not only in 21st century. First, network approach is A non-reductionist communicative approach aimed at overcoming the limitations of the systemic and structural-functional approaches, obtaining and objectifying new knowledge. But the process of networks' development was not the same in different spheres of human life. The most enabling environment for networking is where people are ready for cooperation based on trust and common interests or goals on a horizontal level. But the reality and the environment are often far beyond the ideal models. Strict hierarchy, lack of resource parity, different interests and goals are usual for public administration's sphere and politics. It forms a special subject field which requires adequate methodological base, concepts and analytical tools.

A state due to its structural and system aspects is in a peculiar situation. Social reality is changing faster than a political subsystem. With the network approach we can observe how our state looked like in the past. Evidently, it was a world of networks and a world with networks.

In our opinion, the network approach allows us to raise a wide range of research issues, due to both the duration of the period under review and the level of problems from external state relations to internal relations between principalities, peculiarities of court life and political and administrative decision-making.

The main limitation of the network approach is the availability and accessibility of data and information sources.

Recommendations for researchers.

We suggest using the following information base:

- Results of archaeological research;
- Results of studies of Archaeogenetics (Analysis-DNA), radiocarbohydrate, paleomagnetic and other types of analysis [6].
- Anthropological research;
- Translations of texts.

On the step of content-analysis we suggest using following software for content analysis: Dedoose. For the more information about using this software refer to our previous publications on the subject [7; 8].

REFERENCES

1. *Global trends 2025: A transformed World. The US National Intelligence Council*. 2008. URL: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf (accessed: 20.12.2022).
2. Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. *Policy Network in British Government*. Oxford: Clarendon Press; 1992:85–86. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198278528.003.0001>
3. Crumley C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Archeological Papers of the American Anthropological Association*. 1995;6(1):1–5. <https://doi.org/10.1525/ap3a.1995.6.1.1>
4. Borzel T.A. Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*. 1998;76:253–273. <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
5. Konroy N.V. *Network Analysis in Anthropology: History and Modernity. Innovations in Anthropology: New Directions, Objects and Methods in Russian Anthropological Research*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 2015:35–58 (In Russ.).
6. Margaryan A., Lawson D.J., Sikora M. et al. Population Genomics of the Viking World. *Nature*. 2020;585:390–396. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2688-8>
7. Sherstobitov A.S., Osipov V.A., Zaripov N.A. The Issues and Outlook of the Network Approach to Policy Analysis: Development of the Theory and Methods or the Frustrated Search for the ‘Golden Calf’? *Political Science*. 2021;4:60–95. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.03> (In Russ.).
8. Osipov V.A. Content Analysis Within the Framework of a Network Approach to the Study of the Foundations of Russian Statehood in the pre-Romanov Period. *RUDN Journal of Public Administration*. 2022;9(4):384–390. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-4-384-390> (In Russ.).

Information about the author:

Victor A. Osipov — PhD in Political Science, Assistant of the Department of Public Administration of the RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3643-9280) (e-mail: vityaosipov@gmail.com).

Возможности использования сетевого подхода в исследованиях государственности России в доромановский период

В.А. Осипов

Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ vityaosipov@gmail.com

Аннотация. Данная статья ставит своей целью рассмотрение возможности использования сетевого подхода в отечественных исследованиях основ становления государственности в доромановский период российской политической истории. В работе особое внимание уделяется положению, существующим методам и принципам сетевого подхода в контексте рассматриваемой проблематики, а также их применимости, с учетом временных рамок и количества доступных для анализа данных.

Ключевые слова: сетевой подход, методология, анализ, основы государства, Россия, доромановский период

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование подготовлено за счет средств Минобрнауки РФ (проект FSSF-2022-0015 «Основы российской государственности: политологический анализ истории становления российского государства в доромановский период»).

История статьи:

Поступила в редакцию: 25.12. 2022. Принята к публикации: 12.01.2023.

Для цитирования:

Osipov V.A. Potential of Using the Network Approach in the Studies of the Russian Statehood in the Pre-Romanov Period // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 38–45. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-38-45>

Информация об авторе:

Осипов Виктор Анатольевич — кандидат политических наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID-ID: 0000-0002-3643-9280) (e-mail: vityaosipov@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-46-57

EDN: EDTOUU

Научная статья / Research article

Древние истоки современного государственного управления (на материалах Еврейской Библии)

А.А. Ковалев , С.Л. Катанандов

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43

 kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается определенное несоответствие теории государственного управления и деклараций в данной области реальному положению дел в современном государстве. Цель исследования — поиск истоков государственного управления в текстах Еврейской Библии, а также сравнение современных принципов государственного управления с библейскими с целью демонстрации актуальности политически ориентированных текстов древнего религиозного памятника. В качестве научных методов в данном исследовании использовались сравнительный анализ, ретроспективный анализ, а также системный метод. В работе использовались тексты Священного Писания, а также подходы отечественных и зарубежных ученых к пониманию данных текстов в контексте изучения основ государственного управления. Сравнительное исследование современных принципов государственного управления и тех основ государственности, которые были описаны в Еврейской Библии, позволяет продемонстрировать их преемственность. Авторы приходят к выводу, что, если не брать во внимание божественную версию прекращения существования государственности древних евреев на длительное время, то можно констатировать, что именно нарушение принципов государственной организации и разрушило древнее государство. Но политически грамотно сложившийся менталитет народа и политическая культура позволили эту государственность возобновить спустя тысячелетия. Таким образом, организация государственного управления, согласно Еврейской Библии, при грамотной адаптации к современным реалиям способна хотя бы отчасти решить проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: Священное Писание, государственность, государственное управление, политико-религиозное наследие, власть, принципы государственного управления, проблемы государственного управления, преемственность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 10.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

© Ковалев А.А., Катанандов С.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ковалев А.А., Катанандов С.Л. Древние истоки современного государственного управления (на материалах Еврейской Библии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 46–57. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-46-57>

The Ancient Origins of Modern Public Administration (Based on the Materials of the Hebrew Bible)

Andrey A. Kovalev , Sergey L. Katanandov

North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
57/43 Sredny ave. V.O., St. Petersburg, Russian Federation, 199178

 kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. Currently, there is a certain discrepancy between the theory of public administration and declarations in this area to the real state of affairs in the modern state. The purpose of the study is to search for the origins of public administration in the texts of the Hebrew Bible, as well as to compare modern principles of public administration with biblical ones in order to demonstrate the relevance of politically oriented texts of an ancient religious monument. Comparative analysis, retrospective analysis, as well as the system method were used as scientific methods in this study. The work used the texts of the Holy Scriptures, as well as the approaches of domestic and foreign scientists to understanding these texts in the context of studying the basics of public administration. A comparative study of modern principles of public administration and those foundations of statehood, which were described in the Hebrew Bible, allows us to demonstrate their continuity. The authors come to the conclusion that, if we do not take into account the divine version of the cessation of the existence of the statehood of the ancient Jews for a long time, it can be stated that it was the violation of the principles of state organization that destroyed the ancient state. But the politically well-developed mentality of the people and political culture allowed this statehood to resume after millennia. Thus, the organization of public administration, according to the Hebrew Bible, with proper adaptation to modern realities, can at least partially solve problems in this area.

Keywords: Holy Scripture, statehood, public administration, political and religious heritage, power, principles of public administration, problems of public administration, continuity

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Kovalev A.A., Katanandov S.L. The Ancient Origins of Modern Public Administration (Based on the Materials of the Hebrew Bible). *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):46–57. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-46-57>

Введение

Изучение государственного управления является как ретроспективной, так и перспективной темой исследования. Дело в том, что государственное управление как институт оформилось одновременно с появлением института государства. Соответственно, где появляется государство, там возникает

и проблема эффективной организации управления им. То есть государственное управление — довольно древний социальный институт. Но при этом исследование его актуальности никогда не угасает, так как меняется социально-политическое устройство, геополитические тенденции, исчезают и появляются новые государства и нации, а институт государственного управления приспосабливается к этим изменениям, то есть требует постоянного совершенствования и развития.

Опираясь на изложенные выше характеристики института государственного управления, необходимо провести исследование, которое бы позволило в некоторой степени разрешить назревшие остроактуальные проблемы института государственного управления во всем мире, обратившись к его базовым принципам, истоки которых стоит искать в древнем религиозном памятнике, достоянии всего человечества — Ветхом Завете.

Проблема исследования — несоответствие теории государственного управления и деклараций в данной области реальному положению дел в современном государстве. Также важным аспектом выступает определение степени справедливости, компетентности, профессионализма объектов современного государственного управления.

Изучение библейских текстов не теряет актуальность веками. В рамках данного исследования будут рассмотрены труды как зарубежных, так и отечественных авторов, которые изучали проблему освещения вопросов государственного управления в текстах Еврейской Библии и демонстрировали их актуальность в современности.

Так, среди зарубежных ученых следует выделить таких исследователей, как Р. Альтер, Е.Н. Гладден, Л. Гринспун, Э. Дэвис, Э.Ф. Дэвис, Э. Онгаро, Д.Л. Райт, Д. Стерн, А. Фаразманд, У.Б. Хилдрет, К. Шмид. Среди отечественных авторов необходимо назвать следующих ученых: Ю.Е. Биккина, С.Н. Братановский, А.А. Горохов, В. Горохов, Д.В. Деменчук, Е.Ю. Жигульская, Д.Г. Константинов, В.В. Кудинов, Л.В. Кудряшова, В.И. Маршев, Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, А.Б. Смирнов, А. Страхов, П.Е. Суслонов, С.В. Тихомиров, Д. Усольцев.

Данное исследование позволит дополнить теоретическую базу на тему освещения государственного управления в текстах Еврейской Библии, а также провести сравнительный анализ принципов современного государственного управления и государственного управления времен Еврейской Библии и доказать их преемственность.

Итак, ключевыми проблемами современного государственного управления являются правовые пробелы в вопросах регулирования деятельности властных органов и должностных лиц; недемократические способы управления государством; некоторая несогласованность взаимодействия центра и регионов; некомпетентность и безответственность госслужащих; коррупция [1]. Целью данного исследования является не всесторонняя проработка всех выделенных проблемных аспектов, а осуществление поиска истоков государственного управления в текстах Еврейской Библии и проведение сравнения

современных принципов государственного управления с библейскими с тем, чтобы продемонстрировать актуальность вечных истин, наполненных мудростью и справедливостью.

***

Истоки теории и практики государственного управления имеют древнюю историю. Уже в наиболее ранних разделах Еврейской Библии (в «Пятикнижии» пророка Моисея, XIV в. до н.э.) освещался достаточно широкий круг важнейших областей, раскрывающий вопросы государственного управления. В дальнейшем эта тема развивается шире в более поздних текстах Еврейской Библии.

Ветхий Завет создавался на протяжении всей ранней истории иудеев, однако в дальнейшем он был признан Священной книгой и мусульманами, и христианами, которые до настоящего времени почитают Ветхий Завет и живут согласно его принципам. Актуальной Еврейская Библия остается и в вопросах, связанных с государственным управлением. Еврейская Библия представляет собой сокровищницу политического материала, но с трудом поддается анализу в современных терминах. Поэтому требуется определенная адаптация текстов политической тематики.

Большинство аналитиков приходит к выводу, что это компиляции, собранные из нескольких устных и письменных источников. Некоторые части текста, возможно, были написаны еще в период Давида и Соломона [2]. Материал был добавлен, отредактирован и переиздан в течение следующей тысячи лет.

Еврейская Библия содержит в себе много политически значимого материала. Некоторые эпизоды, по-видимому, были составлены для того, чтобы заставить режим выглядеть хорошо. В некоторых случаях библейские книги отражают противоположные точки зрения на спорные вопросы [3]. То есть тексты Еврейской Библии не являются идеологически нейтральными, и их толкования порой бывают диаметрально противоположными. Это необходимо учитывать всем, кто желает использовать эти тексты в целях исторической реконструкции.

Историчность Еврейской Библии также ставится под большое сомнение [4]. Ведь описания политических событий рассеяны между эпизодами и лишены последовательности.

Отсутствие систематического анализа в Еврейской Библии из-за ее литературного характера создает проблемы в процессе изучения библейских эквивалентов таких современных политических идей, как лидерство, власть, режим или справедливость. Тем более что там отсутствует систематическое обсуждение абстрактных понятий или институтов политических режимов [5].

Разнообразие политических моделей поведения и норм, обнаруживающееся в Еврейской Библии, соответствует времени ее создания. Ее авторы и составители были озабочены своим собственным выживанием в условиях

постоянного вторжения извне и иностранного господства. Израильтяне стремились править сами, но обычно ими управляли другие. Непростые международные отношения требовали от израильских лидеров развитие способности мыслить, выражать себя и вести себя гибко [6].

Еврейская Библия определяет государственное управление как заботу о том, как управляется государство и провозглашает его значимость. При этом природа Еврейской Библии выражает терпимость к разнообразию в повествовании, с нюансами значения в зависимости от интерпретации, а также прагматическую заботу о том, чтобы работать во имя выживания общины и ее образа как народа Всемогущего. С этой точки зрения Еврейская Библия является учебником для студентов и практиков в сфере государственного управления.

В Еврейской Библии важное место занимает отношение к власти и властной иерархии. Второй раздел «Пятикнижия» («Исход») пророка Моисея гласит, что верховенство во властной иерархии всегда принадлежит верховной власти, то есть царю. При этом на заре истории верховная власть приписывалась самому Богу. Религиозные тексты гласили: «Люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и заповеди Его во все дни» (Втор. 11).

Всевышний не напрямую управлял людьми, он даровал людям свои законы и заповеди и требовал от людей их неукоснительного исполнения. А в качестве «доверенных лиц» Всевышнего на земле выступали пророки, вожди (цари), патриархи, судьи, старейшины и ряд других должностных лиц, которые привлекались к управлению государственными делами [7]. Изначально Древним Израилем правили судьи, последним был пророк Самуил. После завершения его правления сам народ попросил у него поставить над ним царя. Так у Древнего Израиля появился первый царь Саул. Таким образом, представительство Бога на земле было заменено на реальную земную власть в лице царя. И именно ему подчинялась вся система управления в государстве. При этом назначение царя всегда происходило с одобрения народа после объявления выбора Всевышнего.

Образование еврейского государства произошло под влиянием следующих факторов: 1. религия как консолидирующее начало; 2. внешняя угроза, исходившая от соседних народов; 3. необходимость в развитии экономики, в первую очередь, для содержания и оснащения профессиональной армии [8].

Итак, обращаясь к текстам Еврейской Библии, стоит отметить, что в ней имеется четкое разграничение по полномочиям тех или иных должностных лиц, которые составляют управленческую иерархию, где каждая низшая ступень подчиняется высшей ступени. При этом именно Бог определял систему государственного управления на земле.

Ключевыми полномочиями царя, по мнению народа, должны быть руководство государством, судейство в отношении народа и исполнение функций верховного главнокомандующего [9], выражаясь современным языком. При этом сам Всевышний констатировал: «они отвергли Меня, чтоб

Я не царствовал над ними» (1 Цар.8:7). Это значит, что у народа есть право выбора, то есть свобода, которую признает сам Бог. Но при этом Бог предупредил, что вся ответственность за подобное решение также полностью ложится на народ. Так возникло государство, основанное на принципах договорной теории, всесторонне развитой только в эпоху Нового времени. По сути «завет» — это и есть договор с юридической точки зрения. При этом и Бог, и народ выступают как равные стороны этого договора (Завета), имея взаимные права и обязанности.

Однако Бог, говоря с народом через пророка Самуила, предупредил иудеев, что царская власть способна их разочаровать, что царь может совершать ошибки, узурпировать данную ему власть, вводить новые порядки (например, собирать налоги). Также управляемые всегда будут для правителя рабами, ведь это монархия [10]. И в самом Ветхом Завете цари изображаются как простые смертные со своими человеческими слабостями и пороками. В результате многочисленных нечестий со стороны царя и его народа древние евреи были наказаны лишением земли обетованной, а также наличием постоянной угрозы, исходящей от соседних племен [11].

Главным мотивом деятельности царя в вопросах государственного управления всегда должно быть благосостояние и процветание всего народа. Царь должен заботиться о своей стране и своих подданных, быть для них примером, решать все вопросы, ориентируясь на Тору, а также отбросить корыстный интерес в процессе управления государством [12]. Царь для народа — это прежде всего защитник, который правит справедливо.

Еврейская Библия раскрывает также, говоря современным языком, систему сдержек и противовесов. Речь идет о Синедрионе, совете старейшин из числа мудрых евреев, которые могли вершить суд над самим царем, а также следить за праведностью и справедливостью такого правления и его итогов.

Говоря о взаимодействии светской и духовной властей, Священное Писание свидетельствует, что духовная власть подчинялась светской власти. Ведь именно царь назначал священников, а Божий храм являлся полноценным социальным институтом [13].

Система государственного управления, описанная в Священном Писании, развивалась по мере развития самого государства. Например, в период правления царя Соломона, когда количество завоевательных и оборонительных войн значительно сократилось, наступил благоприятный период для развития внутригосударственных дел, в их числе совершенствование и усложнение системы государственного управления, развитие бюрократического аппарата и строительство комплексов административных зданий [14].

При этом стоит отметить, что царь не правил в одиночку. У него была целая система советников. Этот институт был необходим для облегчения работы царя и снятия с него некоторой доли ответственности. На низших слоях управленческой иерархии находились непосредственные исполнители воли царя, должностные лица, назначаемые высшей властью [15]. При этом

мудрость правителей ценилась больше других добродетелей: «Царь разумный — благосостояние народа» (Прем. 6:1).

В основе государственного управления лежал закон, которому должны были подчиняться все без исключения, включая царя. При этом царь, согласно Библии, не должен сторониться советов при осуществлении государственного управления [16]. Однако и от слепого и непродуманного следования советам также остерегалась, так как сам советник мог действовать в корыстных интересах. Так, в книге «Притчей Соломоновых» сказано: «Удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою» (Притч. 25).

Важным принципом государственного управления в Древнем Израиле было милосердие и справедливые законы, а государственная служба велась исключительно для повышения благосостояния народа и для удовлетворения его интересов, но не для личного обогащения должностных лиц. Еврейская Библия содержит в себе строгие запреты на незаконные подарки, казнокрадство (нецелевое расходование государственного бюджета), мздоимство (взятки). Все эти действия прямо дискредитировали власть и нарушали закон.

При обсуждении Еврейской Библии уместно использовать такие общие термины, как «государственное управление», «управление» и «политика». Использование более конкретных и современных терминов «организационная теория» или «менеджмент» [17] в данном случае не совсем уместно. Но при этом библейские материалы имеют отношение к современным проблемам с властью и авторитетом, вопросам социальной справедливости, легитимности оппозиции и т.д. Еврейская Библия не дает конкретные ответы на обозначенные вопросы, но она может задать направление поискам этих ответов.

Еврейская Библия — это учебник по современному государственному управлению, но она имеет ряд ограничений. Это скорее учебник по ценностям, имеющим политическое значение, чем детали организации и практики. В Библии можно найти несколько тем, которые затрагивают современные проблемы управления. Видное место, например, занимает забота об ограничении правительства в отношении индивидуальной и общественной свободы, что характеризует, в свою очередь, профессионализм представителей власти.

Современное государственное управление признается социальным институтом и обладает всеми свойствами и характеристиками социального института [18]. При внимательном прочтении библейских текстов становится очевидным, что многие современные достижения государственного управления на самом деле имеют древние корни, берущие свое начало несколько тысячелетий назад. Но при этом, безусловно, нужно осознавать, что прежде всего Ветхий Завет — религиозный памятник, и включение анализа текстов Еврейской Библии в процесс изучения современной системы государственного управления не может происходить непосредственно и напрямую. Тема государственного управления раскрывается в Библии во многом интуитивно и зафиксирована там фрагментарно. Однако в настоящее время цивилизованное человечество уже осознанно возвращается к истокам [19].

В первую очередь государственное управление призвано обеспечить безопасность народа и способствовать удовлетворению его потребностей в области социальных, политических, экономических, культурных и иных сфер деятельности [20]. Важное место здесь занимает участие самого народа в процессе отправления государственного управления. Так формируется гражданское общество. Характерным признаком здесь является эффективная деятельность местного самоуправления [21].

Итак, современные принципы государственного управления имеют древний источник, которым является Священное Писание. Поэтому уместно провести сравнение по ключевым принципам государственного управления в современном понимании и теми характеристиками вопросов управления государством, которые описаны в Еврейской Библии. Среди них следует выделить следующие принципы:

- принцип *разделения властей* повышает профессионализм и компетентность государственных органов и должностных лиц. Ветхий Завет также признает ценность этого принципа;
- принцип *комплементарности* устанавливает непрерывность в структуре власти, когда управленческие функции распределяются равномерно между ее уровнями [22]. Еще на заре становления древнеиудейской государственности превозносилось служение общему делу, это делало Божественные заветы неотъемлемой частью всего механизма управления древним государством;
- принцип *субсидиарности* создает устойчивую последовательность между управленческими уровнями государственной власти. В библейских текстах описывается принцип строгого иерархического устройства древнего государства, то есть наряду с высшим уровнем был и низший [23]: «Ты же усмотри [себе] из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь [их] над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками [и письмоводителями]» (Исх.18:21);
- принцип *суверенности* дарует независимость от других государств. Как только древние евреи получили царя, они получили и государственность, то есть суверенность, независимость;
- принцип *демократизма* обеспечивает свободное участие граждан в процессе государственного управления [24]. Священное Писание гласит, что у древних евреев было право выбора обратиться к Богу для назначения кандидатуры царя, а также право эту кандидатуру утвердить либо отвергнуть;
- принцип *гомогенности* устанавливает консолидирующую функцию центральной власти по отношению к региональному уровню и подчинение всех уровней власти Конституции [25]. Ветхий Завет гласит, что именно царь как верховная власть был объединяющим началом и примером для народа в вопросах соблюдения Божественных Заветов (прототип Конституции), которые должен был знать наизусть.

Еврейская Библия — это не четкое руководство к действию в вопросах государственного управления или любой другой политической проблемы. Однако среди уроков современного управления, которые можно найти в Еврейской Библии, есть ценность нюансов и тонкостей, а также забота о благоговении и справедливости.

Заключение

Ключевые признаки государства как политико-правового образования сформировались несколько тысячелетий назад и были зафиксированы в текстах Ветхого Завета. К таким признакам относятся налогообложение, властная иерархия (управляющие — управляемые), договор как способ образования государства, система выборов как элемент гражданского общества, система сдержек и противовесов (институт царских советников, старейшин Синедрона), законы и необходимость их соблюдать всем без исключения независимо от должности и социального положения.

Еврейская Библия «не прямолинейна» и не очевидна для современного государственного управления, но полезна и актуальна при внимательном анализе. Именно поэтому перспективы дальнейших исследований на заданную тему весьма многообещающие. Они должны быть направлены на поиск ответов в текстах Еврейской Библии на вопросы разрешения проблем государственного управления современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кудинов В.В., Меньшенина Н.Н.* Современные проблемы государственного и муниципального управления // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». ФГАОУ ВПО «УрФУ», департамент ГМУ, кафедра управления общественных отношений, 2015. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015015388> (дата обращения: 29.01.2023).
2. *Stern D.* *The Jewish Bible: A Material History.* University of Washington Press, 2018.
3. *Davies E.W.* *Narrative Ethics in the Hebrew Bible: Moral Dilemmas in the Story of King David.* T&T Clark, 2021.
4. *Schmid K.* *A Historical Theology of the Hebrew Bible.* Walter William B. Eerdmans Publishing Company, 2019.
5. *Greenspoon L.* *Jewish Bible Translations: Personalities, Passions, Politics, Progress.* U of Nebraska Press, 2020.
6. *Olyan S.M., Wright J.L.* *Supplementation and the Study of the Hebrew Bible.* SBL Press, 2018.
7. *Маршев В.И.* История управленческой мысли: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. Москва: Проспект, 2016.
8. *Горохов А.А.* Проблема формирования государства в Древнем Израиле (вторая половина XI — первая половина X в. до н.э.) в отечественной и зарубежной историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 27–40.
9. *Жигульская Е.Ю.* Ветхий Завет и основы государственности // Современная наука. 2011. № 4. С. 21–25.
10. *Жигульская Е.Ю.* Ветхий Завет: истоки и особенности государственного управления // Государственный советник. 2014. № 2. С. 22–27.

11. Усольцев Д., Страхов А. Учение о власти в Ветхом Завете // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2020. № 14. С. 125–144.
12. Alter R. *The Hebrew Bible: A Translation with Commentary*. W.W. Norton & Company, 2018.
13. Gladden E.N. *A History of Public Administration: Volume I: From the Earliest Times to the Eleventh Century*. Routledge, 2019.
14. Горохов В. Проблема формирования политического института монархии в Древнем Израиле (по данным современной зарубежной историографии) // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 161–172.
15. Davis E.F. *Opening Israel's Scriptures*. Oxford University Press, 2019.
16. Биккина Ю.Е., Суслонов П.Е. Антиномия христианского понимания права и государства: евразийский взгляд на проблему // Человек, религия, право: безопасность личности, общества и государства: материалы региональной научно-практической конференции, 26 мая 2006 г. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2006. С. 121–137.
17. Ongaro E. *Philosophy and Public Administration: An Introduction*. Edward Elgar Publishing, 2020.
18. Кудряшова Л.В. Основы государственного и муниципального управления. В 2-х частях. Ч.1: Основы государственного управления. Томск: ФДО, ТУСУР, 2015.
19. Alter R. *The Art of Bible Translation*. Princeton University Press, 2019.
20. Константинов Д.Г. Понятие, принципы и содержание государственного управления // Молодой ученый. 2019. № 34 (272). С. 161–163.
21. Братановский С.Н., Деменчук Д.В. Принципы государственного управления // Гуманизация образования. 2018. № 6. С. 20–28.
22. Farazmand A. *Handbook of Comparative and Development Public Administration*. CRC Press, 2019.
23. Лопухин А.П. Законодательство Моисея: исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея с приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения; Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2005.
24. Hildreth W.B., Miller G.J., Rabin J. *Handbook of Public Administration*. Routledge, 2018.
25. Попов Л.Л., Мугачев Ю.И., Тухомиров С.В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение; под ред. Л.Л. Попова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

REFERENCES

1. Kudinov V.V., Men'shenina N.N. *Sovremennye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [Modern Problems of State and Municipal Management]. *Materialy VII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum»*. FGAOU VPO «UrFU», departament GMU, kafedra upravlenija obshhestvennyh otnoshenij; 2015. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015015388> (accessed: 29.01.2023) (In Russ.).
2. Stern D. *The Jewish Bible: A Material History*. University of Washington Press; 2018.
3. Davies E.W. *Narrative Ethics in the Hebrew Bible: Moral Dilemmas in the Story of King David*. T&T Clark; 2021.
4. Schmid K. *A Historical Theology of the Hebrew Bible*. Walter William B. Eerdmans Publishing Company; 2019.
5. Greenspoon L. *Jewish Bible Translations: Personalities, Passions, Politics, Progress*. U of Nebraska Press; 2020.
6. Olyan S.M., Wright J.L. *Supplementation and the Study of the Hebrew Bible*. SBL Press; 2018.
7. Marshev V.I. *Istorija upravlencheskoj mysli: uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchajushhihsja po jekonomicheskim special'nostjam* [The History of Managerial Thought: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in Economic Specialties]. Moscow: Prospekt; 2016 (In Russ.).

8. Gorohov A.A. Problema formirovanija gosudarstva v Drevnem Izraile (vtoraja polovina XI — pervaja polovina X v. do n.je.) v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [The Problem of the Formation of the State in Ancient Israel (the Second Half of the XI — First Half of the X Century BC) in Domestic and Foreign Historiography]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014;4(46):27–40 (In Russ.).
9. Zhigul'skaja E.Ju. Vethij Zavet i osnovy gosudarstvennosti [The Old Testament and the Foundations of Statehood]. *Sovremennaja nauka*. 2011;4:21–25 (In Russ.).
10. Zhigul'skaja E.Ju. Vethij Zavet: istoki i osobennosti gosudarstvennogo upravlenija [The Old Testament: The Origins and Features of Public Administration]. *Gosudarstvennyj sovetnik*. 2014;2:22–27 (In Russ.).
11. Usol'cev D., Strahov A. Uchenie o vlasti v Vethom Zavete [The Doctrine of Power in the Old Testament]. *Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii*. 2020;14:125–144 (In Russ.).
12. Alter R. *The Hebrew Bible: A Translation with Commentary*. W.W. Norton & Company; 2018.
13. Gladden E.N. *A History of Public Administration: Volume I: From the Earliest Times to the Eleventh Century*. Routledge; 2019.
14. Gorohov V. Problema formirovanija politicheskogo instituta monarhii v Drevnem Izraile (po dannym sovremennoj zarubezhnoj istoriografii) [The Problem of the Formation of the Political Institution of the Monarchy in Ancient Israel (According to Modern Foreign Historiography)]. *Hristianskoe chtenie*. 2012;1:161–172 (In Russ.).
15. Davis E.F. *Opening Israel's Scriptures*. Oxford University Press; 2019.
16. Bikkina Ju.E., Suslonov P.E. Antinomija hristianskogo ponimaniya prava i gosudarstva: evrazijskij vzgljad na problem [Antinomy of the Christian Understanding of Law and the State: A Eurasian View of the Problem]. *Chelovek, religija, pravo: bezopasnost' lichnosti, obshhestva i gosudarstva: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 26 maja 2006 g. Ekaterinburg: Izdatel'stvo RGPPU; 121–137 (In Russ.).
17. Ongaro E. *Philosophy and Public Administration: An Introduction*. Edward Elgar Publishing; 2020.
18. Kudrjashova L.V. *Osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. V 2-h chastjah. Ch.I: Osnovy gosudarstvennogo upravlenija* [Fundamentals of State and Municipal Management. In 2 parts. Part I: Fundamentals of Public Administration]. Tomsk: FDO, TUSUR; 2015 (In Russ.).
19. Alter R. *The Art of Bible Translation*. Princeton University Press; 2019.
20. Konstantinov D.G. Ponjatie, principy i sodержanie gosudarstvennogo upravlenija [The Concept, Principles and Content of Public Administration]. *Molodoj uchenyj*. 2019;34(272):161–163 (In Russ.).
21. Bratanovskij S.N., Demenchuk D.V. Principy gosudarstvennogo upravlenija [Principles of Public Administration]. *Gumanizacija obrazovanija*. 2018;6:20–28 (In Russ.).
22. Farazmand A. *Handbook of Comparative and Development Public Administration*. CRC Press; 2019.
23. Lopuhin A.P. Zakonodatel'stvo Moiseja: issledovanie o semejnyh, social'no-jekonomicheskikh i gosudarstvennyh zakonah Moiseja s prilozheniem traktata: Sud nad Iisusom Hristom, rassmatrivaemyj s juridicheskoy tochki zrenija; Vavilonskij car' pravdy Ammurabi i ego novootkrytoe zakonodatel'stvo v sopostavlenii s zakonodatel'stvom Moiseevym; pod redakciej i s predislovie V.A. Tomsinova [The Legislation of Moses: A Study on the Family, Socio-economic and State Laws of Moses with the Appendix of the Treatise: The Trial of Jesus Christ, Viewed from a Legal Point of View; The Babylonian king of Truth Ammurabi and His Newly Discovered Legislation in Comparison with the Legislation of Moses; edited and with a preface by V.A. Tomsinov]. Moscow: Zercalo; 2005 (In Russ.).
24. Hildreth W.B., Miller G.J., Rabin J. *Handbook of Public Administration*. Routledge; 2018.
25. Popov L.L., Migachev Ju.I., Tihomirov S.V. *Gosudarstvennoe upravlenie i ispolnitel'naja vlast': sodержanie i sootnoshenie*. Pod red. L.L. Popova [Public Administration and Executive Power: Content and Correlation. Ed. by L.L. Popov]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2011 (In Russ.).

Информация об авторах:

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-7760-5732) (e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru).

Катанандов Сергей Леонидович — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: katanandov-sl@ranepa.ru).

Information about the authors:

Andrey A. Kovalev — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7760-5732) (e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru).

Sergey I. Katanandov — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: katanandov-sl@ranepa.ru).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-58-69

EDN: EDJTZA

Научная статья / Research article

Состояние и перспективы развития человеческого капитала ЛНР/ДНР и его влияние на экономику Донбасса

С.Ю. Белоконев , А.Н. Зубец

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

 ANZubets@fa.ru

Аннотация. Авторами рассматривается понятие человеческого капитала в его современном понимании. Показано, что высокий человеческий капитал не обеспечивает значимых темпов экономического развития, но дает возможность повысить уровень благополучия граждан, ВВП на душу населения, размеры высокотехнологической составляющей экспорта, а также экспорта услуг. Проведен анализ человеческого капитала и человеческого потенциала для территорий Новороссии, присоединенных к России в 2022 году. На основе анализа данных социологических опросов показано, что они обладают достаточно высоким человеческим потенциалом: жители 4 новых субъектов Российской Федерации отличаются высоким уровнем счастья, им свойственны развитые традиционные и трудовые ценности, работа занимает в их жизни значимое место. Имеется высокий уровень неприятия правонарушений. Однако при этом исследование выявило невысокий уровень межличностного доверия.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, ДНР, ЛНР, ценностные ориентации, трудовые ценности, мотивация к труду

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.11.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Белоконев С.Ю., Зубец А.Н. Состояние и перспективы развития человеческого капитала ЛНР/ДНР и его влияние на экономику Донбасса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 58–69. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-58-69>

The State and Prospects of Human Capital Development of the LPR/DPR and Its Impact on the Economy of Donbass

Sergei Yu. Belokonev , Alexei N. Zubets

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, Russian Federation, 125468

 ANZubets@fa.ru

Abstract. The authors analyze the concept of human capital in its modern understanding. The article shows that high human capital does not provide significant rates of economic development but makes it possible to increase the welfare of citizens, GDP per capita, the volume of high-tech exports, as well as exports of services. The authors analyze human capital and human potential of the territories of LPR and DPR that joined Russia in 2022. It is shown that the regions have a fairly high human potential: residents of 4 new subjects of the Russian Federation are distinguished by a high level of happiness, they are characterized by developed traditional and labor values, work occupies a significant place in their lives. There is a high level of rejection of offenses. However, the study revealed a low level of interpersonal trust.

Keywords: human capital, human potential, LPR, DPR, value orientations, labor values, motivation to work

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.11.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Belokonev S.Yu., Zubets A.N. The State and Prospects of Human Capital Development of the LPR/DPR and Its Impact on the Economy of Donbass. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):58–69. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-58-69>

Проблема обеспечения устойчивого повышения качества жизни определяется несколькими основными факторами. К ним относятся, во-первых, необходимый объем инвестиций, во-вторых — инновационная активность граждан, и в-третьих, готовность населения максимально использовать собственный потенциал для обеспечения собственного развития. Сегодня совершенно очевидно, что социальные и культурные особенности поведения людей имеют решающее значение для обеспечения экономического роста. Уровень образования и профессиональные навыки, физическое здоровье, готовность учиться, осваивая новые знания и навыки, стремление к постижению мира и тяга к культурным ценностям, широта мировоззрения и интересов, желание повышать качество своей жизни, готовность и умение строить эффективные компромиссные, взаимоприемлемые отношения на производстве и в быту, креативность, инициативность и умение преодолевать различные препятствия характера — без этих особенностей населения (в частности — производственного персонала) обеспечить рост предприятий и экономическое развитие страны в целом не представляется возможным.

Совокупность перечисленных особенностей поведения населения принято называть «человеческим капиталом». Иногда в его составе выделяют

культурный, эмоциональный, социальный капиталы, представляющие собой подмножества из перечисленного выше массива характеристик поведения человека.

Первоначально понятие человеческого капитала подразумевало способности населения к труду в узком понимании (здоровье, навыки и умения) [1]. Человеческий капитал рассматривался как способность сотрудника принести прибыль на производстве, то есть как один из нескольких производственных факторов. Однако в дальнейшем понятие человеческого капитала расширилось, к производительности труда были добавлены социальные навыки, культурные и познавательные интересы человека. Таким образом, понятие человеческого капитала было доведено до сегодняшнего перечня составляющих, включающего высокое качество жизни во всех его проявлениях, которое среди прочего обеспечивает возможность воспроизведения квалифицированной и высокоэффективной рабочей силы.

С середины 90-х годов XX века в исследованиях человеческого капитала ученых заинтересовал социально-культурный и демографический контекст, способствующий формированию различных полезных качеств сотрудников, и в более общем плане — обеспечению экономического роста. Было установлено, что помимо собственно профессиональных навыков большое значение имеют способность к работе в команде и к принятию решений. Среди прочего было показано, что школьные отметки учеников, включая сюда и младшую школу, в большой степени определяют экономический рост. Ученые показали, что для экономического роста важно не столько количество лет, проведенных человеком в системе образования, сколько его качество, наполнение, методы обучения, способности и навыки учеников. Крайне важны социальные, познавательные и культурные навыки, не относящиеся прямо к усвоению знаний, при этом критически важным для формирования личности является создание социальных и познавательных навыков в возрасте до 10 лет, и огромную роль в формировании человеческого капитала здесь играет семья. Так что при становлении развитой личности инвестиции, сделанные в самом раннем возрасте, гораздо более значимы, чем последующие вложения в образование. В связи с этим в исследованиях человеческого капитала последнее время все большее внимание уделяется не столько образованию и навыкам, сколько социальному и культурному капиталу (социальным навыкам коммуникации, способностям принимать оправданные решения, организовывать эффективное взаимодействие людей в группах, распределять приоритеты в работе и т.д.). Как следствие, в исследованиях человеческого капитала все больше интерес к свойствам человеческой личности и их влиянию на экономическое развитие общества — ценностям, удовлетворенности работой и уровню счастья.

Еще одно современное направление исследований человеческого капитала стоит в учете уровня равенства как условия формирования производительной и эффективной личности, способной обеспечить повышение качества жизни как для себя, так и для общества в целом. Сегодня понятие

человеческого капитала расширяется до понятия «человеческого потенциала», включающего в себя мотивацию, ценности, мировоззренческие и поведенческие особенности, влияющие на его эффективность [2].

Исследования, проведенные в последнее время, в том числе и в Финансовом университете при Правительстве России, показали, что человеческий капитал совершенно необходим для достижения высокого благосостояния и качества жизни. Размер накопленного человеческого капитала определяет уровень благополучия людей, то есть возможность долгосрочного развития экономики до тех пор, пока не будет достигнут целевой высокий уровень развития и потребления. Кроме этого, высокий уровень развития человеческого капитала дает возможность развивать высокотехнологическую индустрию, рассчитанную на экспорт производимой продукции в другие страны мира. Тем самым он обеспечивает странам мира дополнительные возможности для экономического развития высокотехнологичных отраслей экономики, а также обеспечивает населению рабочие места с высоким уровнем оплаты труда и высокими требованиями как квалификации сотрудников. В дополнение к этому высокий объем накопленного человеческого капитала необходим для того, чтобы расширять экспорт услуг взамен товарного экспорта.

Именно с позиций оценки человеческого капитала необходимо анализировать экономические возможности территорий Новороссии, недавно вошедших в состав России.

30 сентября 2022 года Президент России В.В. Путин подписал совместно с руководством ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей договоры о вхождении этих территорий в состав России качестве новых регионов. 2 октября Конституционный суд признал эти документы соответствующими Конституции России. После этого Госдума и Совет Федерации единогласно ратифицировали договоры и приняли проекты федеральных конституционных законов о вхождении новых территорий в состав России и образовании в составе РФ новых субъектов.

По оценке Минэкономразвития, Донецкая и Луганская народные республики, а также Запорожская и Херсонская области имеют диверсифицированные экономики, в том числе в сфере тяжелой промышленности, сельского хозяйства, транспортной инфраструктуры и энергетики. Валовой региональный продукт этих территорий в течение пяти лет достигнет порядка 3 трлн рублей. Принятие новых регионов в состав России позволит обеспечить прирост в части черной металлургии — на 20 %, по запасам угля — на 6 %, в части урожая зерновых — на 10 % [3]. Однако наиболее ценное приобретение, полученные Россией — это население Новороссии, влившееся в число россиян. По данным статистики, это 6,2 млн человек. Сегодня население новых четырех российских регионов заметно меньше, чем заявленная статистическая цифра. Оценочно численность населения новых четырех субъектов Российской Федерации по состоянию на ноябрь 2022 не превышает 3,5 миллиона человек. Большое число жителей уехали в поисках работы и безопасного места жительства, часть территории Россия пока не контролирует.

Поэтому одна из основных задач, которые сегодня стоят перед российскими властями, это обеспечение полного контроля над новыми субъектами РФ, а также создание благоприятных условий для возвращения уехавших, так как переход к полноценному развитию этих земель будет служить существенно приращению российского человеческого капитала.

Основой для его рассмотрения могут послужить данные международного проекта World Values Survey (Международный обзор ценностей) [4], выполняемый интернациональным коллективом ученых по 40 странам мира, включая сюда Россию и Украину, с 90-х годов XX века по настоящее время. Последняя, 7 волна проекта, охватывает период с 2017 по 2020 год, предыдущая, шестая — с 2010 по 2014 год. Так что последние данные по четырем территориям вполне актуальны и позволяют понять ценностные и поведенческие ориентации населения.

Исследование показало, что более двух третей населения Новороссии на протяжении последнего десятилетия относят себя к числу счастливых людей. Кроме того, более половины населения были полностью или в основном довольны жизнью, несмотря на высокие показатели, надо отметить, что уровень счастья и удовлетворенности жизнью в России в границах до 2022 года были несколько выше, чем на территории Новороссии. Это свидетельствует о социальных и экономических проблемах, которые испытывали эти регионы до присоединения к России.

Таблица 1 / Table 1

Доля взрослого населения территории, которые считают себя полностью или в основном счастливыми, в 2011–2020 гг.
The proportion of the adult population of the territories who consider themselves completely or mostly happy in 2011-2020

Территории / Territories	Доля тех, кто считает себя полностью или в основном счастливыми / The proportion of those who consider themselves completely or mostly happy	Доля тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью / The proportion of those who are completely or mostly satisfied with their lives
ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	73,5 %	50,1 %
ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	69,6 %	50,3 %
Запорожская область / Zaporozhye region	73,5 %	50,3 %
Херсонская область / Kherson region	77,2 %	61,7 %
Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022	79,6 %	64,6 %

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей
 Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

Исследование также показало, что основными ценностями для жителей Новороссии были семья, друзья, отдых и работа. Выше всего оценивали место работы в своей жизни жители Херсонской области, религии — жители ДНР. Россия в границах до 2022 года мало отличается от территорий Новороссии по оценке значимости семьи, друзей, отдыха, работы и религии. В то же время жители России в старых границах заметно выше оценивают место политики в своей жизни, чем жители Новороссии.

Таблица 2 / Table 2

**Ценностная ориентация населения новых регионов России в 2011–2020 гг.
Value orientation of the population of the new regions of Russia in 2011-2020**

Территории / Territories	Доля тех, кто считает для себя важными или очень важными: / The proportion of those who consider for themselves important or very important:					
	Family	Friends	Leisure	Politics	Work	Religion
ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	100,0 %	94,5 %	88,1 %	16,6 %	79,7 %	54,7 %
ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	99,1 %	86,4 %	85,2 %	30,3 %	70,1 %	68,9 %
Запорожская область / Zaporozhye region	97,8 %	81,4 %	72,6 %	18,2 %	81,2 %	35,8 %
Херсонская область / Kherson region	96,7 %	96,7 %	87,4 %	21,0 %	86,4 %	58,1 %
Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022	98,0 %	83,0 %	78,6 %	32,1 %	77,4 %	47,5 %

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей
Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

При оценке широты мировоззрения людей большое значение имеет соотношение уровня свободы и внешнего социального контроля, которое человек хотел бы видеть в своей жизни. При этом приоритет свободы выбора над контролем является показателем более развитого общества, способного к экономическому развитию и достижению высокого уровня благополучия. Из следующей таблицы видно, что население Новороссии в значительном большинстве выступает в пользу свободы при выборе в паре «свобода

выбора — внешний социальный контроль». Это говорит о том, что население данных территорий является вполне самостоятельным, инициативным и готовым брать на себя ответственность за принимаемые решения в части организации своей жизни, а также трудовой деятельности. В наибольшей степени сторонниками свободы выбора являются жители Херсонской области, что делает человеческий капитал, накопленный на этой территории, одним из наиболее ценных приобретений, полученным при территориальном расширении России.

Таблица 3 / Table 3

**Выбор в пользу свободы в паре
«свобода выбора — внешний социальный контроль»
в новых регионах России в 2011–2020 годах
The choice in favor of freedom in the dichotomy
“freedom of choice — external social control”
in the new regions of Russia in 2011-2020**

Территории / Territories	Доля тех, кто предпочитает свободу при выборе между свободой и внешним контролем / The proportion of those who prefer freedom when choosing between freedom and external control
ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	60,2%
ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	62,9%
Запорожская область / Zaporozhye region	59,4%
Херсонская область / Kherson region	79,4%
Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022	64,3%

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей
Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

Если говорить о свойствах привычек поведения, которые надо привить детям, то здесь лидируют трудолюбие, чувство ответственности, а также терпимости и уважения к другим людям. В части трудолюбия здесь, как и в прочих случаях, лидирует Херсонская область. То же самое касается и других человеческих качеств, которые нужны среди прочего для ведения бизнеса — независимости, бережливости и экономности, а также воображения и самовыражения. В России в границах до 2022 года, как видно из таблицы, ценность таких человеческих свойств, как воображение и самовыражение, выше, чем в любом из новоприсоединенных регионов. Но это совершенно не умаляет ценности человеческого капитала, который Россия получила за счет расширения территории и присоединения Новороссии.

Таблица 4 / Table 4

**Доля тех, кто считает,
что детям необходимо прививать различные привычки**
**The proportion of those who believe
that children need to be instilled with different habits**

Привычки / Habits	ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	Запорожская область / Zaporozhye region	Херсонская область / Kherson region	Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022
Хорошие манеры / Good manners	62,4 %	70,7 %	59,5 %	67,5 %	58,4 %
Независимость / Independence	35,5 %	37,8 %	36,2 %	51,1 %	36,4 %
Трудолюбие / Industriousness	82,6 %	86,5 %	84,3 %	86,8 %	80,9 %
Чувство ответственности / Sense of responsibility	68,9 %	83,0 %	75,1 %	62,2 %	73,4 %
Воображение / Imagination	12,3 %	6,8 %	12,4 %	15,8 %	16,6 %
Терпимость и уважение к другим людям / Tolerance and respect for other people	65,0 %	70,8 %	61,9 %	64,3 %	60,6 %
Бережливость, экономия денег и вещей / Thrift, saving money and things	53,4 %	49,5 %	49,6 %	57,4 %	49,6 %
Решительность, настойчивость / Determination, perseverance	37,9 %	33,2 %	41,9 %	37,3 %	43,2 %
Религиозная вера / Religious faith	10,1 %	14,6 %	8,9 %	13,2 %	12,7 %
Бескорыстие / Unselfishness	20,0 %	15,0 %	13,8 %	16,7 %	19,7 %
Послушание / Obedience	35,3 %	38,2 %	34,1 %	48,1 %	28,0 %
Самовыражение / Selfexpression	19,4 %	25,7 %	25,0 %	31,7 %	32,1 %

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей
Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

Еще одна важная составляющая эффективного человеческого капитала — это межличностное доверие, без которого невозможно построение современной экономики. Действительно, доверие индивида к своему социальному окружению позволяет отказаться от сложных юридических процедур, защищающих права участников различных сделок и предприятий. Межличностное доверие облегчает создание гибких производственных цепочек, стартапов, инновационных проектных коллективов и иных организационных форм современной экономической среды. Поэтому так важен уровень доверия людей к своему социальному окружению в российских регионах.

К сожалению, не все регионы Новороссии, присоединенные к России, отличаются высоким уровнем межличностного доверия. Как видно из следующей таблицы, доверие к своему социальному окружению выше всего в Донецкой народной республике, а в Херсонской области, например уровень доверия заметно ниже, чем в регионах «старой» России в границах до 2022 года. На эти проблемы в менталитете следует обратить внимание и предпринять меры для их коррекции при дальнейшей интеграции Новороссии состав России.

Таблица 5 / Table 5

**Доверие к своему социальному окружению
по новым регионам России в 2011–2020 годах**
Trust in your social environment in new regions of Russia in 2011–2020

Территории / Territories	Доля тех, кто считает, что / The proportion of those who believe that	
	Большинству окружающих можно доверять / Most people around you can be trusted	Большинство людей стараются быть честными / Most people try to be honest
ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	20,0 %	43,7 %
ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	30,8 %	49,8 %
Запорожская область / Zaporozhye region	23,7 %	27,5 %
Херсонская область / Kherson region	12,6 %	33,1 %
Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022	27,0 %	50,8 %

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей

Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

При оценке человеческого капитала большое значение имеет оценка моральной «гибкости» — готовности людей совершать различные правонарушения или отступления от общественно признанных норм. Это поступки, относящиеся к числу уголовных или административных правонарушений, а также отступления от общественной морали или морально сомнительные поступки. Исследование показало, что среди жителей Новороссии сильное неодобрение вызывают взятки, родительское насилие над детьми, кражи, насилие в отношении других людей, самоубийства, а также террористическая деятельность (см. табл. 6). Таким образом, население новых российских регионов отличается достаточно высоким уровнем моральных ценностей, необходимых для нормального функционирования общественных институтов.

Таблица 6 / Table 6

**Доли тех, кто считает нарушение общественных норм приемлемыми,
по новым регионам России в 2011–2020 годах**
**The proportion of those who consider violations of social norms acceptable,
by new regions of Russia in 2011-2020**

Нарушения / Violations	ЛНР (б. Луганская область Украины) / LNR (former Luhansk region of Ukraine)	ДНР (б. Донецкая область Украины) / DPR (former Donetsk region of Ukraine)	Запорожская область / Zaporozhye region	Херсонская область / Kherson region	Россия в границах до 2022 года / Russia within the borders until 2022
Взятки / Bribes	1,9 %	2,9 %	9,6 %	7,2 %	9,0 %
Избиение детей родителями / Beating children by parents	4,2 %	1,6 %	6,6 %	13,8 %	7,8 %
Кража имущества / Theft of property	1,4 %	2,1 %	8,1 %	4,2 %	7,3 %
Мошенничество с налогами / Tax fraud	7,6 %	5,4 %	17,4 %	12,7 %	19,4 %
Насилие в отношении других людей / Violence against other people	1,3 %	0,3 %	7,1 %	8,9 %	6,0 %
Отказ от платы за проезд в общественном транспорте / Refusal to pay for public transport	19,6 %	13,8 %	37,3 %	14,2 %	34,0 %
Претензии на государственные пособия, на которые вы не имеете права / Claims for government benefits to which you are not entitled	14,9 %	4,7 %	23,3 %	4,1 %	21,2 %
Развод / Divorce	58,5 %	33,4 %	66,5 %	58,8 %	55,9 %
Самоубийство / Suicide	1,8 %	2,3 %	17,5 %	7,7 %	10,0 %
Смертная казнь / Death penalty	53,0 %	32,9 %	42,4 %	13,7 %	36,4 %
Терроризм как политическое, идеологическое или религиозное средство / Terrorism as a political, ideological or religious mean	0,0 %	1,4 %	12,0 %	14,6 %	7,3 %
Эвтаназия / Euthanasia	42,5 %	40,4 %	69,2 %	41,8 %	37,8 %

Источник: расчеты авторов по данным Международного обзора ценностей
Source: authors' calculations based on the data of the International Review of Values

Выводы

Сегодня совершенно очевидно, что человеческий капитал представляет собой один из основных факторов экономического роста и благополучия населения. В узком понимании человеческий капитал — это знания,

навыки, а также уровень физического здоровья граждан, позволяющие поддерживать высокую производительность труда. В широком понимании в человеческий капитал включает в себя, помимо здоровья, знаний и навыков мотивацию и готовность к развитию, эмоциональные способности, используемые для установления продуктивных отношений с социальным окружением, которые в сумме обеспечивают высокую производительность труда и воспроизводство квалифицированной рабочей силы. В этой связи оценка человеческого капитала (или человеческого потенциала) новых субъектов Российской Федерации представляет собой важную и необходимую задачу.

Анализ, проведенный на данных Международного исследования ценностей за 2011—2020 годы показал, что четыре субъекта РФ, созданные на вновь присоединенных территориях, обладают значительным человеческим потенциалом. Более двух третей населения Новороссии на протяжении последнего десятилетия относят себя к числу счастливых людей. Кроме того, более половины населения полностью или в основном довольны жизнью. Основными ценностями для жителей Новороссии являются семья, друзья, отдых и работа, что также следует отнести к положительным факторам накопления человеческого капитала. В паре «свобода выбора — внешний контроль» жители Новороссии с большим отрывом предпочитают достаточно высокий уровень свободы выбора. К числу наиболее важных особенностей характера, которые, по мнению жителей Новороссии, надо прививать детям, относятся трудолюбие, чувство ответственности, а также терпимость и уважение к в другому другим людям. В то же время надо отметить, что далеко не на всех территориях Новороссии население отличается высоким уровнем межличностного доверия, другой стороны, среди жителей Новороссии сильное неодобрение вызывают взятки, родительское насилие над детьми, кражи, насилие в отношении других людей, самоубийства, а также террористическая деятельность.

Исследование показало, что территории исторической Новороссии мало отличаются по ценностным ориентациям от населения России в границах до 2022 года. Кроме этого, надо отметить, что в Херсонской области, например, имеется значительный потенциал предпринимательской деятельности, который может способствовать развитию малого предпринимательства на всей территории страны. Таким образом, совершенно очевидно, что присоединение новых территорий к Российской Федерации будет способствовать увеличению человеческого капитала, и как следствие — развитию экономики страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономика. Толковый словарь. Блэк Дж. Общая редакция: Осадчая И.М. М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2000. 479 с.
2. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156.

3. Линник М. В Минэкономразвития оценили экономический потенциал новых регионов России // Российская Газета. 05.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/05/v-minekonomrazvitiia-ocenili-ekonomicheskij-potencial-novyh-regionov-rossii.html> (дата обращения: 25.10.2022).
4. WVS Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 25.10.2022).

REFERENCES

1. *Jekonomika. Tolkovyj slovar'. Bljek Dzh. Obshhaja redakcija: Osadchaja I.M.* [Economy. Explanatory Dictionary. J. Black. General edition: Osadchaya I.M.]. Moscow: “INFRA-M”, Publishing house “The Whole World”; 2000. 479 p. (In Russ.).
2. Anikin V.A. Chelovecheskij kapital: stanovlenie koncepcii i osnovnye traktovki [Human Capital: The Formation of the Concept and the Main Interpretations]. *Economic Sociology*. 2017;18(4):120–156 (In Russ.).
3. Linnik M. V Minjekonomrazvitija ocenili jekonomicheskij potencial novyh regi-onov Rossii [The Ministry of Economic Development Assessed the Economic Potential of the New Regions of Russia. *Rossiyskaya Gazeta*. 05.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/05/v-minekonomrazvitiia-ocenili-ekonomicheskij-potencial-novyh-regionov-rossii.html> (accessed: 25.10.2022) (In Russ.).
4. *WVS Database*. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 25.10.2022).

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Зубец Алексей Николаевич — доктор экономических наук, доцент, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ (ORCID ID: 0000-0003-4300-2797) (e-mail: ANZubets@fa.ru).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — PhD in Political Sciences, Scientific Director of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Alexei N. Zubets — Doctor of Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4300-2797) (e-mail: ANZubets@fa.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85

EDN: EDGGYZ

Научная статья / Research article

Государственная политика РФ в сфере добровольчества: институциональные основания

К.А. Федоренко , И.В. Мирошниченко

Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

 KFedorenko@artek.org.ru

Аннотация. В статье выявляются содержательные характеристики и результаты эволюции институциональных оснований государственной политики РФ в сфере добровольчества. Авторы выделяют четыре этапа в формировании и развитии институциональных основ регулирования и развития института добровольчества: этап имплементации западных норм и опыта (1990–1995 гг.); этап формирования правовых норм регулирования добровольческой деятельности и ориентация добровольчества на выполнение значимых социальных функций (1995–2005 гг.); этап интеграции добровольческой деятельности в долгосрочные программы развития государства и расширение практик добровольческой (волонтерской) активности (2006–2018 гг.); этап закрепления национальных приоритетов в сфере добровольчества и оформление его как единой системы гражданской деятельности и межсекторного взаимодействия (2018 г. — по настоящее время). Авторы приходят к выводу, что в современных российских условиях создана национальная модель развития добровольчества, которая интегрирует идеологические, правовые, социальные, политико-управленческие и экономические ее компоненты; обеспечивает тесное взаимодействие добровольческих структур и органов публичной власти. Перспективы институционального развития добровольчества связаны с оформлением и генерализацией практик, складывающихся в условиях социально-политических кризисов на основе общероссийской гражданской идентичности. Они ориентированы на массовое участие граждан различных возрастов, мотивированное гуманистическими и гражданскими побуждениями.

Ключевые слова: добровольчество, государственная политика Российской Федерации, правовое регулирование сферы добровольчества, институциональные практики добровольческой деятельности

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 10.10.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Федоренко К.А., Мирошниченко И.В. Государственная политика РФ в сфере добровольчества: институциональные основания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 70–85. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85>

© Федоренко К.А., Мирошниченко И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

State Policy of the Russian Federation in the Field of Volunteerism: Institutional Foundations

Konstantin A. Fedorenko , Inna V. Miroshnichenko

Kuban State University,
149 Stavropol str., Krasnodar, Russian Federation, 350040

 KFedorenko@artek.org.ru

Abstract. The article reveals essential characteristics and results of institutional foundations evolution of the Russian Federation public policy in the field of volunteering. The authors identify four stages in formation and development of institutional framework for regulation of the institution of volunteerism: the stage of implementation of Western norms and experiences (1990–1995); the stage of creating of legal norms for regulation of volunteering and orientation of volunteerism to the performance of significant social functions (1995–2005); the stage of integrating volunteering into long-term state development programs and expanding the practice of volunteer activity (2006–2018); the stage of consolidating national priorities in the field of volunteerism and formalizing it as a unified system of civic activities and intersectoral interaction (2018 — to date). The authors conclude that a national model for development of volunteerism has been already created in modern Russia. This model integrates ideological, legal, social, political, managerial and economic components; ensures close interaction between volunteer structures and public authorities. Prospects for institutional development of volunteerism are associated with formalization and generalization of practices that take shape in conditions of socio-political crises based on Russian civic identity. They are focused on mass participation of citizens of various ages, motivated by humanistic and civic motives.

Keywords: volunteerism, public policy of the Russian Federation, legal regulation of volunteering sphere, institutional practices of volunteering

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.10.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Fedorenko K.A., Miroshnichenko A.V. State Policy of the Russian Federation in the Field of Volunteerism: Institutional Foundations. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):70–85. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-70-85>

Введение

Добровольчество в современной России с каждым годом приобретает все большее значение в общественной жизни, что связано с комплексом факторов. Во-первых, формирование социальных добровольческих движений регионального и национального характера, которые на основе проблемного (общероссийское движение взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ) или профессионального подхода (Всероссийское волонтерское движение «Волонтеры-медики», общероссийское движение «Волонтеры культуры», практики корпоративного волонтерства и др.) способствуют развитию различных гражданских солидарностей. Во-вторых, увеличивающаяся популярность некоммерческих организаций добровольческого характера в институциональной структуре гражданского общества и возрастание их роли в решении социальных проблем общества. В-третьих, актуализация потребностей

участия в добровольческой деятельности у российских граждан, что обусловлено их альтруистическими (приносить людям добро, быть полезными, нужными в социальной среде) и прагматическими мотивами (приобретать надпрофессиональные навыки и новый жизненный опыт, расширять социальные контакты и увеличивать социальный капитал, внести свой вклад в решение социальной проблемы, нарастить свой репутационный и символический капитал). При этом важно подчеркнуть, что большинство волонтеров — представители молодежи (33,34 % — до 18 лет, 30,85 % — от 18–24 лет), а средний возраст типичного представителя добровольческого сообщества — 24 года [1].

Влияние различных факторов на масштабность и разнообразие практик добровольчества обуславливает практическую необходимость в институциональном регулировании и организационном управлении данной деятельностью, которая бы, с одной стороны, соответствовала достижению государственных приоритетов развития РФ, с другой, — на системной основе позволило использовать ресурсный потенциал добровольчества не только в решении социальных проблем и в производстве общественных благ, но и формировать новые социальные солидарности, способствующие консолидации российского общества, укреплению общероссийской гражданской идентичности. Научное осмысление содержания и результатов формирования в постсоветский период принципиально новых институтов реализации и регулирования добровольческой деятельности, позволит выявить основные этапы институционализации добровольчества в РФ, оценить современное состояние его институциональной основы и перспектив развития.

Добровольчество как институт развития современного общества: концептуальные и методологические основания исследования

Исследования добровольчества в междисциплинарном поле социально-гуманитарных наук обусловлены историко-географическим контекстом и институциональными формами проявления данного явления [2; 3; 4; 5; 6], которое при научном осмыслении получило разнообразные научные интерпретации и объяснительные модели [7; 8; 9; 10; 11], с учетом социально-экономических, социокультурных, социально-психологических, сетевых, политико-правовых компонентов исследования добровольчества. Для современного отечественного научного дискурса характерно понимание добровольчества в контексте институциональной трансформации гражданского общества, которое на различных этапах развития современной России приобретает различные функциональные возможности, наращивает ресурсный потенциал социальных солидарностей и способствует решению ряду социально-экономических и социально-политических задач в соответствии с государственными приоритетами [12; 13; 14; 15; 16; 17].

Ряд авторов отмечают крайнюю дифференциацию предметного поля в исследовании добровольчества (в зарубежной литературе — волонтерства),

которая складывается в системе координат «свобода воли, вознаграждение, связь с бенефициарами и организационная включенность» [18], что препятствует выработке комплексной объяснительной модели и единой аналитической рамки [18; 19] и предполагает определение сущностных характеристик добровольчества в «оптике» конкретного эмпирического исследования.

В данной работе авторы предлагают синтетическое определение добровольчества, под которым понимается широкий спектр общественно полезных практик, осуществляемых на безвозмездной основе гражданами [20], объединенных в различные организационные формы (некоммерческие организации или неинституционализованные сообщества) под влиянием субъективных (ценности, мотивация индивидов, система социализации и сложившейся социокультурным комплексом в обществе) и объективных факторов (сфера добровольческой деятельности, наличие дефицита определенных социальных благ) [19], что способствует развитию социальных солидарностей и производству «связующего» социального капитала в обществе [21; 22; 23].

Для анализа процессов институционализации добровольческой деятельности используется неинституциональный подход. Согласно данному подходу становление институтов происходит на основе отбора успешных практик взаимодействия акторов в какой-либо сфере и закрепления тех социальных последствий, которые приносят выгоды участникам [24]. При этом распределение благ может быть неравномерным. Акторы, имеющие необходимые ресурсы, устанавливают и корректируют «правила игры», после чего происходит их генерализация (признание обществом). Как правило, изначально неформальные правила впоследствии формализуются путем принятия необходимых правовых норм. Таким образом, институционализация позволяет, с одной стороны, регламентировать взаимодействия в той или иной области общественной жизни, с другой, сохранять потенциал для дальнейших трансформаций (при изменении условий взаимодействия правила могут также изменяться).

В качестве основного метода исследования используется традиционный анализ документов, необходимый для выявления основных этапов эволюции добровольчества и ее отражения в правовых нормах и практиках регулирования.

Этапы институционализации добровольчества в постсоветской России

Первый этап развития добровольчества в 1990-х гг. в значительной мере связан с реализацией неправительственных программ [12] международного характера, которые включали в механизмы обучения деятельности в коммерческой сфере и формирование практик благотворительного менеджмента. Эти процессы отражали тенденцию об имплементации международного законодательства, а также установление международных контактов между волонтерскими организациями. При этом происходят попытки адаптировать

западный опыт к российским условиям, в частности, начинает распространяться само понятие «волонтер» как синоним «добровольца».

На втором этапе происходит первое институциональное закрепление базовых оснований добровольчества на законодательном уровне. В виде принятия Федерального закона от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Закон закреплял такое понятие как добровольная деятельность, участниками которой являются благотворители, добровольцы, благополучатели [25]. При этом участниками добровольческой деятельности признавались физические и юридические лица, которые осуществляли благотворительную деятельность.

Для третьего этапа характерно развитие системного подхода к добровольчеству на государственном уровне, что проявляется в его интеграции с долговременными программами общественного развития. Отказ радикально-либерального подхода в государственной политике позволяет в большей степени использовать потенциал самоорганизации граждан для участия в добровольческой деятельности. Институционализация новых начал развития происходит на основе ряда последовательных шагов, осуществляемых государством совместно с организациями гражданского общества.

Так, 2006 год был объявлен Годом Благотворительности, что должно было не просто привлечь больше внимания к благотворительной деятельности, но и способствовать изменению ее восприятия гражданами как формы гражданского участия, а не только активности отдельных меценатов. В этом же году была принята Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации [26], которая как одно из важнейших направлений закрепляла молодежное волонтерство через программу «Доброволец России». В 2009 году была утверждена «Концепция содействию развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» [27]. Одной из основных задач, обозначенной в данном документе, было обеспечение роста поддержки в обществе и расширения участия граждан в благотворительной и добровольческой деятельности. Особое внимание уделяется развитию инфраструктуры добровольческой системы, что включает в себя формирование и поддержку региональных и муниципальных центров добровольчества.

Важным драйвером развития добровольчества становится проведение в России крупнейших спортивных соревнований: Олимпийских и Паралимпийских зимних игр в Сочи в 2014 году, а в дальнейшем и Чемпионата мира по футболу ФИФА в 2018 году. Подготовка к ним включала в себя развитие нормативно-правовой базы добровольческой деятельности. В частности, было определено, что волонтерами являются граждане Российской Федерации и иностранные граждане, участвующие на основании гражданско-правовых договоров в организации и (или) проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий без предоставления указанным гражданам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность [28]. Однако в дальнейшем

это создало некоторое противоречие в юридическом толковании понятий «волонтер» (отнесено к деятельности, связанной с проведением спортивных мероприятий) и «доброволец» (отнесено к благотворительной деятельности). В дальнейшем это противоречие было устранено: путем внесения поправок в законодательство эти понятия были признаны синонимичными.

В процессе подготовки к указанным соревнованиям особое место в деятельности их оргкомитетов заняли проблемы организации работы значительного количества волонтеров: разработка методики оценки и подготовки волонтеров, организация и проведение обучающих семинаров как для самих волонтеров, так и для руководящего состава, создание системы мониторинга и вовлечения большего количества волонтеров в спортивные мероприятия. Это позволило получить опыт и в будущем интегрировать его в работу волонтерских центров не только на федеральном, но и на региональном и местном уровнях.

Современный этап развития добровольчества в России связан с развитием федерального законодательства и имплементацией его норм в институты и практики добровольческой деятельности.

Таким образом, периодизацию становления национальной модели добровольческой деятельности можно представить в следующем виде:

- первый этап (начало 1990-х — 1995 год): имплементация западных норм и опыта;
- второй этап (1995 год — 2005 год): формирование правовых норм регулирования добровольческой деятельности и ориентация добровольчества на выполнение значимых социальных функций;
- третий этап (2006 год — 2018 год): интеграция добровольческой деятельности в долгосрочные программы развития государства и расширение практик как добровольческой (волонтерской) активности;
- четвертый этап (с 2018 года по настоящее время): закрепление национальных приоритетов в сфере добровольчества и оформление его как единой системы гражданской деятельности и межсекторного взаимодействия.

Институциональные основы добровольчества в РФ на современном этапе

Законодательные изменения регулирования добровольческой деятельности отражаются, прежде всего, в создании новых редакций базового закона, который с 2018 г. носит название «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [25] (действующая редакция закона была утверждена в ноябре 2022 г.).

Важным новшеством стало введение нового Раздела III.1, в котором перечислены условия и порядок осуществления добровольческой деятельности. Закон содержит расширенный список основных прав и обязанностей участников волонтерской деятельности. Например, добровольцы

теперь могут не только получать поддержку в виде питания, средств индивидуальной защиты, оплаты проезда или уплаты страховых взносов, но и в виде психологической помощи или компенсации вреда жизни и здоровью, который понес доброволец при осуществлении (волонтерской) деятельности. Более того, добровольцы могут получать информационные, консультативные или методологические услуги от организаторов волонтерской деятельности, а также имеют право на получение вознаграждения в рамках программ всех уровней.

Еще одним нововведением стало закрепление права государственных и муниципальных органов власти привлекать волонтеров к добровольческой деятельности. Кроме этого, закон 2018 года расширяет полномочия органов власти в сфере волонтерства. Например, органами государственной власти субъектов осуществляется разработка и исполнение государственных программ, проведение мероприятий, связанных с волонтерством или содействие в реализации муниципальных программ, которые направлены на поддержку добровольчества. Органы МСУ наделяются такими полномочиями, как реализация муниципальных программ и регламентация взаимодействия с организаторами добровольческой деятельности.

Обновленный закон закрепил положение о создании единой информационной системы, которая способствует совершенствованию функционирования системы волонтерства и поможет в реализации государственной политики в сфере добровольчества на всех уровнях власти. В данной системе содержатся сведения о волонтерах, организаторах добровольческой деятельности и самих волонтерских организациях. Ее платформой является электронный портал dobro.ru [29].

Также в 2018 г. была принята Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года [30]. Она конкретизирует основные направления реализации добровольческой деятельности (образование, здравоохранение, гражданско-патриотическое воспитание и др.). Ее важной составляющей является положение о взаимодействии государственных структур и некоммерческих организаций с корпоративным сектором, в частности, для масштабирования корпоративных добровольческих проектов.

На основе утвержденных правовых норм происходит систематизации развития добровольчества на региональном уровне. В 2016 году Агентством стратегических инициатив (АСИ) был разработан Стандарт поддержки добровольчества [31], который рекомендован для реализации волонтерской деятельности в регионах во взаимодействии с органами исполнительной власти. Стандарт направлен на популяризацию лучших практиках государственной поддержки добровольчества, регламентацию взаимодействия региональных органов государственной власти с СО НКО, волонтерскими организациями, открытие ресурсных центров подготовки волонтеров, предоставление субсидий и грантов добровольческим организациям, оказание информационной поддержки и популяризации волонтерства и ряд

других мер по поддержке добровольческой деятельности на региональном и местном уровне.

Институциональное закрепление государственных приоритетов в развитии добровольчества произошло и на уровне реализации национальных проектов [32]. Одним из ключевых направлений федерального проекта «Социальная активность» [33] в структуре национального проекта «Образование», которое курируется Федеральным агентством по делам молодежи, является поддержка добровольческого движения. Среди мероприятий федерального проекта «Социальная активность» наиболее вовлечение молодежи получил конкурс «Доброволец России». Конкурс добровольческих проектов направлен на развитие инициатив молодежи, их дальнейшую поддержку и тиражирование. В субъектах РФ в рамках региональной части федерального проекта «Социальная активность» проводится всероссийский конкурс «Регион добрых дел», в рамках которого определяются лучшие региональные практики поддержки добровольчества. По результатам конкурса в 2022 году определены 25 регионов-победителей, которые представили 137 социальных проектов поддержки добровольчества: школьного, студенческого, трудоспособного населения, «серебряного» добровольчества. На реализацию проектов регионы-победители получают субсидии из средств федерального бюджета в размере от 9 до 4 млн рублей. Так, на развитие региональной системы добровольчества, вовлечение граждан, поддержку и проведение мероприятий добровольческой направленности в Ростовской области (субъект РФ, набравший наибольшее количество баллов по итогам конкурса) выделено 8,7 млн руб. [34].

Указанные институциональные изменения в сфере поддержки и регулирования добровольчества оказывают непосредственное позитивное влияние на динамику основных показателей, по которым оценивается его развитие. Так, по данным Росстата, в 2018 году количество волонтеров, участвующих в деятельности СО НКО, оценивалось в 2,9 млн. В 2019 году их количество в России превысило отметку в 4 миллиона [35]. Несмотря на некоторый спад численности добровольцев СО НКО, связанный с пандемией COVID-19, на конец 2021 г. их насчитывалось 3 878,4 тыс. человек [36]. Около 66 миллионов человек получили помощь от СО НКО в сфере социальной политики, спорта, культуры и образования. По данным ВЦИОМ, число граждан России, вовлеченных в добровольческую деятельность, стало в два раза больше: с 20 % в 2019 году до 40 % в 2021 [37]. Общее количество волонтеров в декабре 2019 года В.В. Путин оценил как «более 15 миллионов человек» [38].

Таким образом, на законодательном уровне в настоящий момент институционализируется национальная модель добровольческой деятельности, основанная на межсекторном партнерстве и гарантиях многоуровневой государственной поддержки и регулирования. Это обеспечивает как количественный, так и качественный рост активности добровольческого движения.

Перспективы развития институциональных оснований добровольчества

Как уже отмечалось, формирование каких-либо общественных институтов предполагает дальнейшую институционализацию взаимодействия между акторами в случае перераспределения ресурсов или значительных изменений во внешней среде. Вследствие этого представляется необходимым рассмотреть перспективы и возможные направления данного процесса.

Драйвером для развития новых практик добровольчества стали кризисные ситуации, связанные с пандемией COVID-19 и специальной военной операцией на Украине. Так, в связи с первой из них мы могли наблюдать изменение паттернов добровольческого участия, повлекшее за собой вовлечение в эту деятельность большого количества граждан, обычно не вовлеченных в добровольчество. Их усилия были консолидированы СО НКО по таким направлениям, как помощь отдельным категориям нуждающихся (обеспечение продуктами питания, товарами первой необходимости и средствами защиты); поддержка учреждений здравоохранения и медицинских работников; психологическая помощь; юридическая помощь; информационная поддержка и др. [39].

На федеральном уровне всероссийским общественным движением «Волонтеры-медики» была запущена акция #Мывместе [40]. В результате ее проведения около 4,6 миллионов граждан страны получили помощь от волонтеров, среди них 3 миллионам были доставлены продуктовые наборы, 575 тысячи получили товары первой необходимости и лекарства. Информационную консультацию, в том числе юридическую и психологическую помощь, получили более 1 миллиона человек [41].

В ходе СВО как государственными, так и общественными субъектами был инициирован ряд акций, нацеленных на поддержку действий нашего государства на Украине и оказание помощи вынужденным переселенцам, жителям новых российских территорий, участникам спецоперации (Всероссийский марафон «Русская весна», акция «ОрленокЗа» и др.). Их целью также стало привлечение к участию в различных форматах добровольческой деятельности широкого круга граждан (в первую очередь молодых), для которых участие в ней не является характерным.

На наш взгляд, эти тенденции отражают распространение такого вида добровольчества как ситуативное, или антикризисное.

Еще одним направлением, где требуется наращивание институционального потенциала, является интеграция корпоративного волонтерства в общероссийскую систему добровольческого участия. В настоящее время оно направлено в основном на вовлечение в волонтерские практики сотрудников коммерческих компаний, преимущественно крупных, и реализацию корпоративных проектов. При этом бизнес-структуры имеют развитые организационные ресурсы, в том числе и для координации и репрезентации подобной деятельности. В этом контексте можно отметить функционирование Национального совета по корпоративному волонтерству [42] и проекта

«Корпоративное волонтерство» [43], ежегодно проводящего Московский международный форум по данной тематике.

Однако на современном этапе развития компании рассматривают волонтерство скорее как ресурс собственного развития, к примеру, командообразования, формирования корпоративного духа, улучшения внутренних коммуникаций и т.д. Внешние задачи по решению социальных проблем упоминаются спикерами от корпораций существенно реже [44]. Также пока что остается слабо затронутой в общественном дискурсе и добровольческих практиках тематика взаимодействия бизнеса и НКО.

Выводы

В настоящее время в Российской Федерации сформирована система добровольческой деятельности с развитой институциональной системой, которая включает в себя специализированную инфраструктуру, развитую правовую систему, механизмы регулирования и стимулирования добровольческой активности. ее формирование стало итогом эволюционного развития новых начал добровольчества в постсоветский период и целенаправленных усилий государственных органов и некоммерческих организаций по созданию нормативной и организационной базы его поддержки. Рассматривая этапы институционализации данной системы, мы оценивать происходящие изменения как результат межсекторного взаимодействия акторов — прежде всего государственных структур и НКО. Постепенно усиливающееся влияние государства как субъекта регуляции и стимулирования добровольческой деятельности приводит к формализации правил и достаточно высокому уровню унификации подходов к добровольчеству.

В настоящее время вполне обоснованно сделать вывод о создании национальной модели развития добровольчества, которая обеспечивает тесное взаимодействие волонтерских структур и органов государственной власти и местного самоуправления. Немаловажно, что она позволяет интегрировать различные аспекты добровольческой деятельности: идеологические (идейное и моральное обоснование добровольчества), правовые (детализация прав и возможностей основных участников), социальные (достижение общественно значимых эффектов), политико-управленческие (использование добровольчества при реализации государственных программ), экономические (расширение ресурсной базы и повышение экономической эффективности). В целом, институционализация добровольчества в его нынешнем виде создает основу для расширения его роли как одного из главных механизмов формирования гражданской ответственности россиян.

Перспективы институционального развития добровольчества связаны с оформлением и генерализацией практик, складывающихся в условиях социально-политических кризисов. Они ориентированы на массовое участие граждан различных возрастов, мотивированное гуманистическими и гражданскими побуждениями. В этом контексте добровольчество может

стать движителем гражданского объединения в условиях глобальных геополитических изменений. Как проблему необходимо отметить некоторое отставание сотрудничества НКО с бизнес-структурами по развитию добровольческой деятельности. Дальнейшая интеграция корпоративного добровольчества в складывающуюся систему добровольческой деятельности повысила бы устойчивость национальной модели ее реализации и позволило бы получить дополнительные материальные и организационные ресурсы. В этом направлении существует значительный потенциал для развития институциональных оснований добровольчества в РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитика волонтерства // Добро.ru. URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения 16.01.2023).
2. *Anheier H.K., Salamon L.M.* Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // Civil Society Working. 2001. Paper 10. URL: https://eprints.lse.ac.uk/29049/1/CSWP_10_web.pdf (accessed: 16.01.2023)
3. *Devereux P.* International Volunteers: Cheap Help or Transformational Solidarity Toward Sustainable Development. PhD Thesis. Murdoch University, 2010. 407 p.
4. *Hustinx L., Snaan R., Handy F.* Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. № 40. P. 410–434.
5. *Overgaard C.* Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2019. Vol. 48. № 1. P. 128–145.
6. *Wilson J., Musick M.* Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work // American Sociological Review. 1997. Vol. 62. № 5. P. 694–713.
7. *Алексеева Г.Г.* Методологические подходы к исследованию волонтерства // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 8. С. 31–34. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.5>
8. *Кузьминчук А.А.* Модели институционального регулирования социальной общности волонтеров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 55–63.
9. *Кудринская Л.А.* Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции: дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2006. 302 с.
10. *Певная М.В.* Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 174–180.
11. *Певная М.В.* Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77.
12. *Горлова Н.И.* Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2019. 290 с.
13. *Беляева Л.А., Зеленев И.А., Прохода В.А.* Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 825–838. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838>
14. *Семенова И.Ю.* Волонтерство (добровольчество) как элемент механизма гражданского общества и правового государства // *Oeconomia et Jus*. 2019. № 1. С. 73–79.
15. *Косыгина К.Е.* Российское добровольчество: тенденции и характеристики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 165–174.
16. *Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н.* Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 2. С. 47–56. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5>

17. Ульянова Е.В. Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 178. С. 85–92. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92>
18. Невский А.В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Т., 11. № 1. С. 32–48. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624>
19. Hustinx L., Snaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2010. № 40. P. 410–434.
20. Tilly C., Tilly Ch. Capitalist Work and Labor Markets // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. New York: Russell Sage Foundation, 1994. P. 283–312.
21. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
22. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
23. Eliasoph N. The Politics of Volunteering. London: Polity Press, 2013. 190 p.
24. Норм Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
25. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон № 135-ФЗ от 11.08.1995 г // Правовая база ГАРАНТ. URL: http://base.garant.ru/5759130/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/#block_5 (дата обращения 16.01.2023).
26. О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ № 1760-р от 18.12.2006 г. Правовая база ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/>. (дата обращения 16.01.2023).
27. О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ № 1054-р от 30.07.2009 г // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90313/ (дата обращения 16.01.2023).
28. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон № 329-ФЗ от 4.12.2007 г // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения 16.01.2023).
29. Добро пожаловать в мир волонтерства // Добро. ru. URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения 16.01.2023).
30. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552050511> (дата обращения 16.01.2023).
31. Волонтерство // Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/social_leaders/volunteers/ (дата обращения 16.01.2023).
32. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 16.01.2023).
33. Паспорт федерального проекта «Социальная активность». Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» № 3 от 07 декабря 2018 г // Официальный сайт Комитета по образованию администрации ЗГМО. URL: http://www.uozima.ru/doc/nat_pr/fed.uroven/FP_Social_activ.pdf (дата обращения 16.01.2023).
34. Протокол заседания Экспертной комиссии Всероссийского конкурса лучших региональных практик поддержки волонтерства «Регион добрых дел» 2022 года // Роспатриотцентр — Официальный сайт Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи. URL: <https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/daf/daf1edc04256745debbfb5a412599ca3.pdf> (дата обращения 16.01.2023).
35. Росстат: волонтеров в России стало на миллион больше — официальный сайт Агентства Социальной Информации // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/08/05/rosstat-volontjorov-stalo-na-million-bolshe/> (дата обращения 16.01.2023).

36. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2021 г // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/aa4732845c1ea400c075cfb75f99fdcc/Doklad_2022.pdf (дата обращения 16.01.2023).
37. Число вовлечённых в волонтерскую деятельность граждан РФ выросло вдвое // Медийно-сервисный интернет-портал «Рамблер». URL: <https://news.rambler.ru/sociology/46405215-chislo-vovlechennyh-v-volonterskuuyu-deyatelnost-grazhdan-rf-vyroslo-vdvoe/> (дата обращения 16.01.2023).
38. Международный форум добровольцев // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62248> (дата обращения 16.01.2023).
39. Вклад НКО в борьбу с пандемией: российский контекст // Центр оценки общественных инициатив Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/05/18/1549499510/%D0%9D%D0%A%D0%9E%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%2013-05%2002.pdf> (дата обращения 16.01.2023).
40. #МЫВМЕСТЕ // Добро. ru. URL: <https://dobro.ru/project/31720> (дата обращения 16.01.2023).
41. Участники акции «Мы вместе» помогли более чем 4,6 млн человек // Информационный портал газеты Известия. 25.12.2020. URL: <https://iz.ru/1104619/2020-12-25/uchastniki-akcii-my-vmeste-pomogli-bolee-46-mln-chelovek> (дата обращения 16.01.2023).
42. Национальный совет по корпоративному волонтерству. URL: <https://nccsv.ru/> (дата обращения 16.01.2023).
43. Корпоративное волонтерство. URL: <https://corpvolunteers.ru/> (дата обращения 16.01.2023).
44. Корпоративное волонтерство и бизнес: частный опыт, перспективы внедрения и социальная значимость // Межрегиональная общественная организация Ассоциация Менеджеров. URL: <https://amr.ru/press/news/detail/korporativnoe-volonterstvo-i-biznes-chastnyy-opyt-perspektivy-vnedreniya-i-sotsialnaya-znachimost/> (дата обращения 16.01.2023).

REFERENCES

1. Analitika volonterstva [Volunteering Analytics]. *Dobro.ru*. URL: <https://dobro.ru/analytics> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
2. Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons. *Civil Society Working*. 2001;10. URL: https://eprints.lse.ac.uk/29049/1/CSWP_10_web.pdf (accessed: 16.01.2023).
3. Devereux P. *International Volunteers: Cheap Help or Transformational Solidarity Toward Sustainable Development*. PhD Thesis. Murdoch University; 2010. 407 p.
4. Hustinx L., Cnaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2010;40:410–434.
5. Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2019;48(1):128–145.
6. Wilson J., Musick M. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work. *American Sociological Review*. 1997;62(5):694–713.
7. Alekseeva G.G. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu volonterstva [Methodological Approaches to The Study of Volunteering]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2018;8:31–34. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.5> (In Russ.).
8. Kuzminchuk A.A. Modeli institutsional'nogo regulirovaniya sotsial'noi obshchnosti volonterov [Institutional Regulation Models of Volunteers as A Social Community]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015;2(35):55–63 (In Russ.).
9. Kudrinskaya L.A. *Dobrovol'cheskii trud: opyt teoreticheskoi rekonstruktsii* [Volunteer Work: The Experience of Theoretical Reconstruction]: D.Sc. (Sociology) Thesis. Moscow; 2006. 302 p. (In Russ.).

10. Pevnaya M.V. Distsiplinarnye i metodologicheskie podkhody k issledovaniyu volonterstva [The Research of Volunteering: Disciplinary and Methodological Approache]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2013;2(113):174–180 (In Russ.).
11. Pevnaya M.V. Upravlenie rossiiskim volonterstvom: sushchnost' i protivorechiya [Management of Russian Volunteering: The Essence and Contradictions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;12:69–77 (In Russ.).
12. Gorlova N.I. *Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Formation and Development of the Institute of Volunteering in Russia: History and Modernity]. Moscow: D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage; 2019. 290 p. (In Russ.).
13. Belyaeva L.A., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Dobrovol'chestvo v Rossii: istoriya razvitiya i sovremennye ustanovki molodezhi [Volunteering in Russia: History and Attitudes of The Contemporary Youth]. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*. 2021;21(4):825–838. <https://doi.org/210.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838> (In Russ.).
14. Semenova I.Y. Volonterstvo (dobrovol'chestvo) kak element mekhanizma grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Volunteering (Voluntary Service) As an Element in Mechanism of a Civil Society and A Law-Governed State]. *Oeconomia et Jus*. 2019;1:73–79 (In Russ.).
15. Kosygina K.E. Rossiiskoe dobrovol'chestvo: tendentsii i kharakteristiki [Russian Volunteering: Trends and Characteristics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki*. 2019;4(56):165–174 (In Russ.).
16. Prokazina N.V., Bobyl'iova N.Yu., Hatnyuk N.N. Realizatsiya dobrovol'cheskogo (volonterskogo) potentsiala v Rossii [Realization of Voluntary (Volunteer) Capacity in Russia]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 2019;5(2):47–56. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5> (In Russ.).
17. Ulyanova E.V. Osobennosti institutsionalizatsii volonterskogo dvizheniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Peculiarities of Volunteer Movement Institutionalization in Modern Russian Society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2019;24(178):85–92. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92> (In Russ.).
18. Nevskii A.V. Sotsiologiya volonterstva: opredelenie granits issledovaniya [Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of Research]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2020;11(1):32–48. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624> (In Russ.).
19. Hustinx L., Cnaan R., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2010;40:410–434.
20. Tilly C., Tilly Ch. Capitalist Work and Labor Markets. *The Handbook of Economic Sociology*. Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. New York: Russell Sage Foundation; 1994:283–312.
21. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. 1995;6(1):65–78.
22. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster; 2000. 541 p.
23. Eliasoph N. *The Politics of Volunteering*. London: Polity Press; 2013. 190 p.
24. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Foundation of the Economic Book “Nachala”; 1997. 180 p. (In Russ.).
25. *O blagotvoritel'noi deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh: Federal'nyi zakon № 135-FZ ot 11.08.1995 g.* [On Charitable Activities and Charitable Organizations: Federal Law No. 135-FZ of 11.08.1995]. Pravovaya baza GARANT. URL: http://base.garant.ru/5759130/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/#block_5 (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
26. *Strategii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 1760-r ot 18.12.2006 g.* [On the Strategy of the State Youth Policy in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1760-r of 18.12.2006]. Pravovaya baza GARANT. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).

27. *Kontseptsii sodeistviya razvitiyu blagotvoritel'noi deyatel'nosti i dobrovol'chestva v Rossiiskoi Federatsii: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 1054-r ot 30.07.2009 g.* [On the Concept of Promoting the Development of Charitable Activities and Volunteerism in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1054-r dated 30.07.2009]. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90313/ (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
28. *O fizicheskoi kul'ture i sporte v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon № 329-FZ ot 04.12.2007 g.* [On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007]. Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
29. Dobro pozhalovat' v mir volonterstva [Welcome to the World of volunteering]. *Dobro.ru*. URL: <https://dobro.ru/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
30. *Kontseptsiya razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva) v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda* [The Concept of the Development of Volunteerism in the Russian Federation until 2025]. Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov «Kodeks». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552050511> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
31. Volonterstvo [Volunteering]. *Agentstvo strategicheskikh initsiativ*. URL: https://asi.ru/leaders/initiatives/social_leaders/volunteers/ (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
32. *O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta RF № 474 ot 21.07.2020 g.* [On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of 21.07.2020]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
33. Pasport federal'nogo proekta «Sotsial'naya aktivnost'». Prilozhenie k protokolu zasedaniya proektnogo komiteta po natsional'nomu proektu «Obrazovanie» № 3 ot 07 dekabrya 2018 g. [Passport of the Federal Project “Social Activity”. Appendix to the Minutes of the Meeting of the Project Committee on the National Project “Education” Dated December 07, 2018 No. 3]. *Ofitsial'nyi sait Komiteta po obrazovaniyu administratsii ZGMO*. URL: http://www.uozima.ru/doc/nat_pr/fed.uroven/FP_Social_activ.pdf (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
34. Protokol zasedaniya Ekspertnoi komissii Vserossiiskogo konkursa luchshikh regional'nykh praktik podderzhki volonterstva «Region dobrykh del» 2022 goda [Minutes of the Meeting of the Expert Commission of the All-Russian Competition of the Best Regional Practices of Volunteering Support “Region of good Deeds” 2022] *Rospatriottsentr — Ofitsial'nyi sait Rossiiskogo tsentra grazhdanskogo i patrioticheskogo vospitaniya detei i molodezhi*. URL: <https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/daf/daf1edc04256745debbfb5a412599ca3.pdf> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
35. Rosstat: volonterov v Rossii stalo na million bol'she — ofitsial'nyi sait Agentstva Sotsial'noi Informatsii [Rosstat: There Are a Million More Volunteers in Russia — The Official Website of the Social Information Agency]. *Agentstvo strategicheskikh initsiativ*. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/08/05/rosstat-volontjorov-stalo-na-million-bolshe/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
36. Doklad o deyatel'nosti i razviti sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii za 2021 g. [Report on the Activities and Development of Socially Oriented Non-profit Organizations in the Russian Federation for 2021]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/aa4732845c1eaa00c075cfb75f99fdcc/Doklad_2022.pdf (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
37. Chislo vovlechennykh v volonterskuyu deyatel'nost' grazhdan RF vyroslo vdvoe [The Number of Citizens of the Russian Federation Involved in Volunteer Activities Has Doubled]. *Mediinoservisnyi internet-portal «Rambler»*. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/46405215-chislo-vovlechennykh-v-volonterskuyu-deyatelnost-grazhdan-rf-vyroslo-vdvoe/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
38. Mezhdunarodnyi forum dobrovol'tsev [International Volunteer Forum]. *Ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo Prezidenta Rossii*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62248> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).

39. Vklad NKO v bor'bu s pandemiei: rossiiskii kontekst [The Contribution of NGO's in Fight with Pandemics: Russian Context]. *Tsentr otsenki obshchestvennykh initsiativ Instituta prikladnykh politicheskikh issledovaniy NIU VShE*, 2020. URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/05/18/1549499510/%D0%9D%D0%9A%D0%9E%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%2013-05%2002.pdf> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
40. #MYVMESTE. *Dobro. ru*. URL: <https://dobro.ru/project/31720> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
41. Uchastniki aktsii «My vmeste» pomogli bolee chem 4,6 mln chelovek [The Participants of The Action “We Are Together” Helped More than 4.6 Million People]. *Informatsionnyi portal gazety Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/1104619/2020-12-25/uchastniki-aktcii-my-vmeste-pomogli-bolee-46-mln-chelovek> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
42. *Natsional'nyi sovet po korporativnomu volonterstvu* [National Council for Corporate Volunteering]. URL: <https://nccv.ru/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
43. *Korporativnoe volonterstvo* [Corporate Volunteering]. URL: <https://corpvolunteers.ru/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
44. Korporativnoe volonterstvo i biznes: chastnyi opyt, perspektivy vnedreniya i sotsial'naya znachimost' [Corporate Volunteering and Business: Private Experience, Prospects for Implementation and Social Significance]. *Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya Assotsiatsiya Menedzherov*. URL: <https://amr.ru/press/news/detail/korporativnoe-volonterstvo-i-biznes-chastnyy-opyt-perspektivy-vnedreniya-i-sotsialnaya-znachimost/> (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).

Информация об авторах:

Федоренко Константин Альбертович — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-4863-2835) (e-mail: KFedorenko@artek.org.ru).

Мирошниченко Инна Валерьевна — доктор политических наук, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-2650-6662) (e-mail: mirinna78@mail.ru).

Information about the authors:

Konstantin A. Fedorenko — Postgraduate Student, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4863-2835) (e-mail: KFedorenko@artek.org.ru).

Inna V. Miroshnichenko — Doctor of Political Science, Head of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2650-6662) (e-mail: mirinna78@mail.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-86-101

EDN: DROPUI

Научная статья / Research article

Институциональные изменения в Российской империи во время правления Александра II и их влияние на экономические процессы

Д.А. Алексеенко ✉, А.В. Иванов, И.О. Кореньков

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

✉ aleksdan101@yandex.ru

Аннотация. Объектом данного исследования являются «Великие реформы», приведшие к институциональным изменениям в России во время правления Александра II. Ставится проблемный вопрос: как замена устаревших институтов Российской империи новыми при Александре II повлияло на экономику? Из-за сохраняющейся дихотомии по отношению к результатам реформ Александра II выдвигается гипотеза: помимо влияния новых институтов, внедренных в период «Великих реформ», усилия преобразований не было направлено на полную ликвидацию отживших институтов. Для проверки гипотезы формулируется основная цель исследования: отразить институциональные изменения в России в период правления Александра II и их влияние на экономику было сохранено. В качестве теоретической базы исследования был выбран ряд концепций отечественных и зарубежных ученых: концепция институтов Дугласа Норта, рассмотренная на примере его трудов «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» [1] и «Институты и экономический рост: историческое введение» [2]; теория долгосрочного технико-экономического развития Сергея Юрьевича Глазьева, отраженная в статье «Современная теория длинных волн в развитии экономики» [3] и книге «Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах» [4]. Данная подборка обусловлена тем, что положения институционализма и концепции технологических укладов позволяют наиболее полно ответить на проблемный вопрос исследования. В работе использовался следующий комплекс методов: общенаучные методы, такие как логический анализ, синтез, сравнение, систематизация имеющейся научной литературы по теме исследования; конкретно-научные теоретические методы: анализ литературы по выбранному историческому периоду (реформы Александра II), сбор статистических данных (в первую

очередь экономических показателей), анализ проводимых в указанный исторический период преобразований в различных сферах общественной жизни и их результатов. Результатом исследования стало отражение институциональных изменений в экономике Российской империи и перехода страны к «новому технологическому укладу».

Ключевые слова: институциональные изменения, Великие реформы, крепостное право, экономика, Александр II, Романовы, технологический уклад, институты

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.11.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Алексеевко Д.А., Иванов А.В., Кореньков И.О. Институциональные изменения в Российской империи во время правления Александра II и их влияние на экономические процессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 86–101. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-86-101>

Institutional Changes in the Russian Empire During the Reign of Alexander II and Their Impact on Economic Processes

Danil A. Alekseenko ✉, Alexei V. Ivanov, Ilya O. Korenkov

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, Russian Federation, 125468

✉ aleksdan101@yandex.ru

Abstract. The object of this study is the “Great Reforms”, which led to institutional changes in Russia during the reign of Alexander II. A problematic question is posed: how did replacing the obsolete institutions of the Russian Empire with new ones under Alexander II affect the economy? Because of the persisting dichotomy with regard to the results of Alexander II’s reforms, a hypothesis is put forward: in addition to the impact of the new institutions introduced during the period of the “Great Reforms”, the efforts of the transformations were not aimed at the complete elimination of outdated institutions. To test the hypothesis, the main objective of the study is formulated: to reflect the institutional changes in Russia during the reign of Alexander II and their impact on the economy. The theoretical framework of the study includes a number of concepts of domestic and foreign scholars: Douglas North’s concept of institutions, which is exemplified by his works “Institutions, Institutional Change and Economic Functioning” [1], “Institutions, Institutional Change and Economic Performance” [2] and “Institutions and Economic Growth: Historical Introduction” [2]; Sergey Yu. Glazyev’s theory of long-term technical and economic development, reflected in the article “Modern Theory of Long Waves in Economic Development” [3] and the book “Russia in the New Technological and World Economic Patterns” [4]. This selection is due to the fact that the provisions of institutionalism and the concept of technological modes give the most complete answer to the problem question of the research. The work used the following set of methods: general scientific methods, such as logical analysis, synthesis, comparison, systematization of the available scientific literature on the topic of research; specific scientific theoretical methods: literature analysis on the selected historical period (the reforms of Alexander II), collection of statistical data (primarily economic indicators), analysis of the transformations in various spheres of social life and their results conducted in the specified historical period. The result of the study was the reflection of institutional changes in the economy of the Russian Empire and the country’s transition to a “new technological mode”.

Keywords: institutional changes, Great Reforms, serfdom, economy, Alexander II, Romanovs, technological order, institutions

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.11.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Alekseenko D.A., Ivanov A.V., Korenkov I.O. Institutional Changes in the Russian Empire During the Reign of Alexander II and Their Impact on Economic Processes. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):86–101. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-86-101>

Российская экономика в 2022 году переживает тяжелые последствия проведения СВО, выражаемые в усилении инфляции, снижении оборотов торговли, сокращении притока инвестиций. Участие в военном конфликте всегда будет вызовом для политических и экономических институтов страны: они проходят испытание, насколько они устойчивы и эффективны в изменяющихся условиях. Но так как история циклична, мы можем найти параллели между современной перестраивающейся экономикой и экономикой Российской империи после Крымской войны 1853–1856 гг. Наша страна также, как и сейчас, была вовлечена в противостояние с Западным миром, что повлекло системный финансовый кризис, сокращение уровня жизни, снижение оборотов торговли. И тогда, и сегодня нельзя назвать экономику государства полностью подготовленной к предстоящим испытаниям. Изменения институтов, необходимые для перестройки экономики, не были проведены вовремя, что привело к подписанию мира с коалицией западных стран на условиях противников, а Крымская война стала «спусковым крючком» для начала череды реформ в Российской империи потому, что она вызвала переутомление всей экономики страны. Основным вызовом для страны и во время правления Александра II и в настоящее время стал вызов технологический. Отставание проявлялось в слаборазвитой технологии парового двигателя, которая, по концепции С.Ю. Глазьева, являлся рупором развития второго технологического уклада [4]. Это в первую очередь сказалось и на ходе Крымской войны, где парусный флот Российской империи заметно уступал паровому флоту Великобритании и Франции. Таким образом, институциональные изменения в Российской империи при Александре II были направлены преодоление этого технического отставания.

Основой экономики Российской империи являлось сельское хозяйство, в котором было занято большинство населения страны. В начале XIX века крестьянство составляло около 96 % от всего населения, в конце — около 86 %. Население Российской империи составляло на момент Крымской войны около 70 млн человек, из них около 63 млн было населением крестьянским. Сама численность крепостного населения составляла около 23 млн человек [5. С. 51]. Соответственно, то, что происходило в сфере сельского хозяйства, отражалось и на всех остальных. До начала военных действий

хлебный сбор составил 169 млн четвертей в 1852 году, в годы войны он оказался не таким большим. В 1853 году — 137 млн четвертей, в 1854 — 130 млн четвертей, 1855 году — 88 млн четвертей, что считалось исключительным неурожаем [6. С. 118]. Следствием сильного неурожая в 1855 году стало резкое увеличение цен на крупы для населения. По данным «Извлечения»: «Цена на рожь с 1855 к 1856 году изменилась с 3,63 рубля до 5,76, на пшеницу — с 5,58 до 8,88 руб. на овес — с 2,52 до 4,42 руб. [7. С. 104]. Для крестьянского населения это стало тяжелым испытанием. Правительство отпустило крестьянам из центральных продовольственных магазинов около 1,5 млн четвертей зерна, но в сравнении со средним объемом сбора урожая за предыдущие годы (130 млн) это не могло удовлетворить потребности населения в хлебе. Таким образом, институт привязки экономики страны к сельскому хозяйству в годы Крымской войны не мог быть эффективным. Объем сбора урожая был непостоянным — в 1855 году был резкий неурожай, что еще больше усилило усталость Российской империи от войны.

Резко увеличились расходы государственного бюджета: в 1853 году они составляли около 276 млн рублей, а в последующие годы они резко возросли — в 1854 году — 349 млн, в 1855 году — 467 млн, в 1856 году — 468 млн [8]. За 1852–1857 годы дефицит бюджета составил 772 млн рублей, что в 3 с половиной раза превышало средний уровень доходов в стране. Такой объем денежных средств нужно было покрывать за счет внутреннего государственного долга. еще в 1856 году Ю.А. Гагемейстер отмечал, что существует только 3 способа покрытия государственного бюджета: увеличение сбора налогов, выпуск бумажных денег и займы [9. С. 51]. Первый способ царское правительство не могло использовать, так как он возможен только при высоком уровне благосостояния населения, а новые поборы в текущее время привели бы только к росту крестьянских восстаний. Кроме того, во время войны налоги уже были увеличены, что привело к недоимкам. Доходы казны от взимания прямых податей уменьшились с 18,5 млн руб. в 1852 г. до 14,9 млн руб. в 1855 г., оброчной подати государственных крестьян за те же годы — с 31,6 млн до 28,4 млн руб. [6. С. 121]. В свою очередь третий способ тоже не мог покрыть огромный дефицит бюджета: внешние займы были почти недоступны из-за позиции Великобритании и Франции, внутренние займы не могли быть большими из-за бедности России капиталами из-за сохраняющейся системы крепостного землевладения и общины. Таким образом, только второй способ — выпуск бумажных кредитных билетов — мог стать основой покрытия государственного дефицита. Для России это был скорее один из явных институтов покрытия дефицита, но насколько он мог быть эффективен? Число кредитных билетов увеличилось с 303 млн рублей до 753 млн рублей, следствием чего стало обесценивание рубля на внутреннем рынке.

Также для покрытия дефицита бюджета использовались кредитные казенные учреждения. Государство по сути обладало монополией в банковском секторе, так как казенные учреждения давали ставку около 4 %. Соответственно, все возможные капиталы вкладывались в эти банки, из которых государства

заимствовало сумму для покрытия дефицита. Для решения краткосрочных проблем, связанных с дефицитом, это выгодный институт, но в долгосрочной перспективе он проигрывает, так как эти средства не вкладывались в развитие промышленности Российской империи.

В совокупности бюджетный дефицит в размере 772 млн руб. покрывался путем использования средств казенных кредитных учреждений (228, 8 млн руб., выпуска кредитных билетов (403,1 млн руб.), билетов государственного казначейства (36 млн руб., выручки от долгосрочных государственных долгов (92, 3 млн руб. и Комиссии погашения государственных долгов (12,3 млн руб. [6. 125]. Отметим, что покрытие бюджетного дефицита привело к увеличению государственного долга. Общая сумма государственного долга России с 1 января 1852 г. по 1 января 1862 г. возросла с 732,2 млн до 1264,3 млн руб., [6. 125]. Таким образом, ситуация в финансовой сфере требовала от правительства Александра II решительных действий.

Необходимость в реформах была обусловлена в том числе и экономическим состоянием страны, ее промышленным отставанием от ведущих держав Европы. Крупнейшим и основополагающим институтом в этот период в Российской империи было крепостное право. Именно крестьяне составляли существенную часть российского общества. Изменение экономического строя, развитие промышленности, рост благополучия населения невозможны без экономически активного слоя общества — предпринимательства, промышленный рывок и развитие в стране осуществляются при их непосредственном оформлении и деятельности [10]. Несмотря на то, что еще с 18 века активно формировался предпринимательский класс как среди дворянства, так и среди крестьян, существующее разделение на сословия не способствовало должному формированию массы экономически активных представителей.

Фактически «прикрепленность» крестьян к земле и зависимость от дворян как не позволяла более активному взаимодействию города и села, так и не подразумевала активные рыночные горизонтальные экономические связи в обществе. Новый царь Александр II был сторонником изменений в государстве сверху, нежели снизу. Основная работа по реформе была проведена в Министерстве внутренних дел, при участии способных чиновников во главе с заместителем министра Николаем Милютиным, принимал участие и славянофил, землевладелец Юрий Самарин. При обсуждении в Государственном совете реформы был консервативный настрой, однако по требованию Александра II претворение в жизнь реформы было ускорено, и 19 февраля 1861 г. император подписал Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости».

Был изменен институт владения землей. Устанавливалась процедура, при которой крестьяне могли стать владельцами земли. Крестьяне по реформе стали считаться «временнообязанными», получали полную

гражданскую правоспособность. Личное имущество крестьян, в том числе и дома, придомовые постройки, иное движимое имущество являлось их собственностью. Теперь бывшие крепостные крестьяне имели собственность, могли защищать свои права в суде, а также заниматься предпринимательством. Подобное крупное структурное изменение в России требовало дальнейшего реформирования системы и всех сфер жизни общества. Без судебной реформы 1864 г., которая подразумевала состязательность сторон, гласность и внедрение других новых элементов судопроизводства, дальнейшая институционализация новшеств была бы невозможна (с сохранением пережитков прошлого). Эта и другие реформы способствовали изменению жизни крестьян, а также формированию их нового мировоззрения. Благодаря изданным в рамках крепостной реформы документам у крестьян формировалось новое жизненное, в том числе и политическое, социальное, экономическое пространство, что создавало предпосылки для оформления бывших крестьян в полноценных активных субъектов рыночных отношений.

Однако отмена крепостного права не представляет собой решение всех проблем того времени, так как крестьяне жили в крестьянских общинах, а институт общин по реформам не уничтожился и сохранялся вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г. были учреждены сельские общества, в которые входили бывшие помещичьи крестьяне. Община сохраняла за собой право распределения лесных и полевых наделов среди членов общества, а также сохраняла принцип круговой поруки. В связи с этим выход из общин был непростым занятием, ведь община следила и управляла выполнением налоговых обязательств крестьян. Отмена крепостного права — освобождала помещичьих крестьян от личной зависимости, однако сохранялась привязанность крестьян к земле. Именно общинный институт, пусть он был и особенностью цивилизационного пути России, тормозил развитие капиталистических отношений в стране. Эту проблему также пытался решить Петр Аркадьевич Столыпин во время правления Николая II, но также не сумел сломить этот институт.

В своей концепции институциональных изменений Д. Норт описывает процессы раскрепощения крестьян в Европе. Начиная с XIV века шло сокращение населения в Европе из-за череды болезней и войн, менялось соотношение сил между крестьянами и землевладельцами: количество последних явно уступало количеству крепостных. В итоге землевладельцы стали сдавать землю в аренду крестьянам, а не просто пользоваться их трудом за пользование землей. Это привело к постепенным инкрементным изменениям в европейских обществах [1. С. 124]. Д. Норт пишет, что инкрементные изменения — это постепенное изменение социальных контрактов в обществе, то есть реформы и эволюция общественных отношений; в противовес им существуют дискретные изменения — резкие скачки в общественных отношениях,

например, революции и завоевания [1. С. 116]. Отмена крепостного права в России — это инкрементное изменение, которое произошло значительно позже освобождения крестьянства в Европе. Воля дворянского сословия в облегчении положения крепостных прослеживается с XVIII в., а во времена Николая I в 1833 г. было запрещено продавать крестьян на публичных торгах, разлучать членов одного семейства при продаже. Дворяне стремились разрешить крестьянский вопрос путем реформ, однако они были осуществлены не в полном объеме, чтобы полноценно изменить социально-экономический уклад. Несмотря на дискретный характер Манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» сам вопрос не был решен моментально. Нерешенный аграрный вопрос в начале XX века стал одной из причин дискретных изменений в России, то есть следует вывод, что недостаток времени для институционализации частной собственности в среде крестьян в том числе привел к резким дискретным изменениям в российском обществе.

Проблема наполнения казны конца 1850 — начала 1860 гг. требовала своевременного и грамотного реагирования на возникшие вызовы от правительства и министерства финансов: отмена крепостного права, создание нового типа экономики Российской империи, сохранение подушной подати (налога одинакового размера с подлежащего налогообложению по переписи человека) — налога, характерного для феодальных отношений. В 1860 г. был учрежден Государственный банк, который выполнял роль единственного центрального и государственно-правительственного банка. Учреждение центрального банка было необходимо для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы. Также по Уставу от 1862 г. банк вел учет векселей и других процентных бумаг, принимал вклады, производил ссуды и имел другие функции, характерные для центральных банков.

Одной деятельности Государственного банка и увеличения кредитных и учетных операций было недостаточно. Уже с 1864 г. стали основываться частные коммерческие учреждения: Частный и Международный банки в Санкт-Петербурге, Купеческий и Учетный банки в Москве и другие. Данная практика распространилась и на остальной территории империи. Учредителями являлись крупнейшие и известные торговцы и промышленники: род Морозовых, И.Ф. Мамонтов и другие.

Изменения в финансовой сфере позволили активному развитию банков акционерного типа. Новообразованный Госбанк не щадил средств для поощрения подобных инициатив — вложения во все виды коммерческих банков были большими. Например, кредит Московскому купеческому банку от Госбанка в разы превосходил его акционерный капитал. Обширное введение института коммерческих банков приведет к развитию экономики, промышленности и, в частности, железнодорожной отрасли. Однако банкротства крупных акционерных банков (Московского ссудного банка) в 1870-е гг.

из-за махинаций в обращении акций и кредитных операциях приведут к необходимости законодательного закрепления прав вкладчиков в коммерческие банки, а также к введению запрета совмещения госслужащими должностей в акционерных обществах.

Ключевая особенность «Великих реформ» — законодательные изменения в сфере предпринимательства. Провозглашенное равенство перед законом сословий ломало существовавшие барьеры для ведения торговых операций и других занятий. Положение «О пошлинах за право торговли и других промыслов», принятое 8 января 1863 г., меняло количество купеческих гильдий с трех до двух, ликвидировало разряд торгующих крестьян. Это преобразование позволяло стать купцом любому подданному Российской империи за исключением евреев, военных и госслужащих, религиозных служащих. Заниматься оптовой торговлей позволял статус купца первой гильдии (стоимость гильдейского свидетельства составляла 565 руб., статус же купца второй гильдии (стоимость свидетельства — от 40 до 120 руб.) — торговать в розницу и осуществлять деятельность, связанную с фабрично-заводским делом [11. С. 156].

Активное развитие предпринимательства послужило созданию Русского технического общества (1866 г.), Общества для содействия промышленности и торговле (1868 г.) и других организаций [11. С. 159]. Целью подобных организаций, объединяющих деятелей промышленности, являлось распространение новых исследований, технологий и помощь во внедрении новшеств в практическое пользование и развитие промышленности.

Торгово-промышленная деятельность во время Крымской войны имела признаки застоя из-за сокращения объемов внешней торговли, недостаточного объема урожая зерновых культур. С 1853 по 1855 гг. число рабочих на промышленных предприятиях уменьшилось с 481 тыс. до 459,6 тыс. человек, падало производство и в других отраслях экономики [6. С. 130]. В 1855 г. оживились коммерческие отношения из-за военных заказов, повышения инфляции, повышения активности на бирже, увеличения спроса на товары. Государственные военные заказы частным предприятиям по повышенным ценам стимулировали развитие предприятий и повышение прибыли.

Теперь поговорим об экономических результатах структурных преобразований, проведенных в период правления Александра II, и какое влияние они оказали на дальнейшее развитие Российской империи.

I. Торговля и транспорт

Одним из результатов реформ Александра II стала «железнодорожная лихорадка», начавшаяся в 1860-х годах и принесшая небывалую выгоду экономике России.

Так, если в 1861 году протяженность железных дорог составляла 1,5 тыс. верст (1600 км), то уже к концу правления Александра II их размер можно было оценить в более чем 22 000 (≈23 500 км), т.е. за 20 лет железная

сеть увеличилась в 14 раз [11. С. 163]. Также вырос и объем грузов, перевозимых по железным дорогам: за период 1868–1881 года он вырос с 439 млн пудов (7,2 млрд кг) до 2532 млн пудов (41,5 млрд кг) [12]. Наблюдается рост почти в 6 раз.

Невозможно переоценить важность данных цифр для развития капиталистических отношений в период правления Александра II. Во-первых, железные дороги способствовали связыванию центральных районов страны и окраин, что в свою очередь приводило к развитию внутреннего и внешнего рынка. Во-вторых, именно в сфере железнодорожного строительства возникли крепкие капиталистические отношения, так как практически все железные дороги принадлежали акционерным обществам на правах концессии. Однако стоит отметить, что в этом отношении уже в правление Александра III был сделан шаг назад, так как государственный долг владельцам железных дорог достиг небывалых высот (около 1 млрд руб.), что вынудило государство выкупать их у частных обществ. Однако несмотря на это железные дороги остались ключевым фактором в развитии различных отраслей промышленности и регулировании торгового обращения.

Возвращаясь к теме транспорта, стоит упомянуть о структурных изменениях в области судоходства, и в первую очередь это связано с широким внедрением паровых двигателей. С 1868 года по 1884 год количество пароходов увеличилось вдвое — с 646 до 1246. Также если говорить о коммерческом флоте России, то с 1868 года, когда он состоял из 51 парохода и 700 парусных судов, уже к 90-м годам в его составе остались лишь пароходы (~500 штук) [12. С. 555].

Подводя итог по транспортной отрасли экономики, нужно сказать о том, что Россия полноценно вступила во второй технологический уклад, для которого характерно: повсеместное внедрение паровых двигателей, развитие тяжелой промышленности (вагоностроение), вслед за чем произошли значительные институциональные сдвиги — развитие частного предпринимательства, увеличение спроса в вольнонаемном рабочем труде.

II. Рост городов (урбанизация)

Важным последствием проводимых реформ стал рост городов и процента городского населения вследствие развития промышленного производства и исход крестьян из села в город. Так, с 1863 по 1897 годы число городов с населением более 50 тысяч жителей увеличилось втрое, а городское население увеличилось вдвое (на 97 %), пока сельское остановилось на отметке в 48,5 % [12. С. 560]. Еще одной важной тенденцией того времени стало становление крупных городских индустриальных центров, численность которых росла быстрее городов в целом (к 1890-м годам более 50 % городского населения проживало в крупных центрах, для сравнения в начальный период реформ Александра II эта доля составляла всего лишь 27 %).

III. Развитие промышленности

Развитие промышленности в результате реформ Александра II стоит рассматривать на примере перехода от мелкого товарного производства к мануфактурному, а того в свою очередь к фабричному производству.

Распространение капиталистических отношений и господство крупной машинной индустрии было невозможно без предпосылок, возникших еще до правления Александра II и раскрывшихся лишь после отмены крепостного права, развития транспорта и т.д. Зачатки капитализма существовали и при мелком товарном производстве (мастерские с наемными рабочими), и при мануфактурном производстве (формирование крупного капитала), однако их сдерживал ручной характер труда. Данное препятствие было устранено в результате развития фабричного производства, для которого был свойственен машинный характер труда.

Развитие фабричной промышленности отражается в большом количестве отраслей и росте их производства: это текстильная, химическая, горная, нефтяная промышленности, металлургия, производство питательных продуктов, обработка древесины, акцизные производства.

Как наиболее яркие свидетельства перехода к новому технологическому укладу и широкого распространения новых технологий следует выделить фабричное производство, горную и нефтяную промышленности. Рассматривая фабричное производство в области производства питательных продуктов, следует отметить рост числа паровых мельниц — в 1866 году это число составляло 126, ближе к 1890 — уже 649. Рост достаточно внушительный (более чем в 5 раз) [12. С. 480].

Пример горной промышленности — это лучшее свидетельство преемственности новых институтов и технологий. До начала реформ Александра II крупнейшим и практически единственным центром горной промышленности был Урал, где давно укоренилось крепостное право, которое вкупе с отсталыми технологиями, основанными на ручном труде, привело к замедлению железной промышленности. Так, за период с 1718 года по 1867 год добыча чугуна увеличилась всего лишь с 6,5 млн пудов до 17,6 млн пудов (за неполные 150 лет производство увеличилось всего в 2,7 раз [12. С. 485].

Ситуация изменилась с разработкой месторождения на Юге России, куда потоком стекались вольнонаемные рабочие, иностранные компании, инженеры. Здесь с самого начала сформировались капиталистические отношения, внедрялись новые технологии (те же паровые двигатели), благодаря чему всего лишь за период с 1867 по 1887 год доля выплавки чугуна на Юге выросла с 0 до 11 процентов. Если же посмотреть на эту долю уже в 1897 году, то она составляла внушительную цифру в 40 процентов [12. С. 489].

Таким образом, благодаря таким институциональным и технологическим преимуществам, как капиталистические отношения, основой которых является вольнонаемный труд, активное привлечение иностранного капитала и внедрение машинного производства (паровые машины), Россия смогла существенно нарастить выплавку чугуна и выйти в мировые лидеры (за период

с 1867 по 1887 год рост с 17 до 37 млн пудов чугуна, это больше, чем за предыдущие 150 лет! Если же посмотреть в более далекое будущее, то в 1897 году выплавка чугуна составила 114 млн пудов) [12. С. 489].

Последним интересным с точки зрения структурных изменений примером служит нефтяная промышленность. В период реформ Александра II ведущую роль играла бакинская нефть, добыча которой с 60-х годов по 1880 год выросла с 550 тыс. пудов до 21,5 млн пудов, и впоследствии эта цифра растет в геометрической прогрессии, достигнув в 1902 году 637 млн пудов [12. С. 491]. Таким образом, вместе с закреплением второго технологического уклада в России, который связывается с развитием железнодорожной промышленности и внедрением таких технологий как паровые двигатели и машины, зарождаются предпосылки для последующих технологических укладов (ключевой фактор четвертого технологического уклада — нефтехимия).

Исходя из вышеперечисленных фактов, следует сделать вывод о том, что экономический эффект реформ Александра II в области промышленности заключается не только в росте показателей производства в различных отраслях, но и в явном переходе от первого технологического уклада ко второму и появлению первых предпосылок третьего и четвертого (появление тяжелой и нефтяной промышленности). При этом сохраняется влияние старых производств, таких как текстильная промышленность.

В контексте институциональных изменений неуклонный рост фабрик, их производительности, внедрения новых технологий (паровые двигатели/машины) помимо непосредственно развития капиталистических отношений интересен влиянием на общественную структуру России. У Ленина есть интересная статистика за 1890-е годы, связанная с процентом рабочих, уходящих на полевые работы. Для фабрик и заводов, где преобладает ручное производство или механическое, эта цифра кардинально отличается. Например, для фабрик и заводов с ручным производством процент уходящих различается от 30 до 72 процентов, а для предприятия с механическим характером труда — от 2 до 14 процентов [12. С. 538]. Из этой информации можно сделать следующий вывод — развитие крупного фабричного машинного производства отрывает наемных работников, недавних крестьян, от земли, тем самым постепенно разрушая старые патриархальные порядки, и переносит рыночные порядки в деревни. Однако позже, рассматривая результаты преобразований в сфере сельского хозяйства, мы увидим, что ряд тенденций, существующих в дореформенное время, сохранились и позже, став пережитками прошлого, мешающими совершить полноценный переход к рыночным отношениям.

IV. Результаты Крестьянской реформы

Рассматривая результаты Крестьянской реформы, можно отметить главную тенденцию раскрепощения крестьян — рост населения с 73 млн в 1861 году до 100 млн в 1881 году [13. С. 85] с учетом того факта, что соотношение между сельским и городским населением существенно не изменилось — в начале 60-х годов

процент городского населения составлял 10 процентов, а в 1883 году эта цифра увеличилась всего до 12 процентов [14. С. 30].

Другим последствием развития капиталистических отношений в деревне, роста спроса на сельскохозяйственную продукцию стал рост объема экспорта хлеба — за период с 1861 по 1881 году он вырос в 3,5 раза [8]. Также стоит отметить рост экспорта табака, льна, рогатого скота.

Большое значение освободившиеся крестьяне, ставшие наемными работниками, сыграли в развитии промышленности в Южной России, где они стали основной рабочей силой, что повысило эффективность производства на Юге России по сравнению с Уралом, о чем уже было сказано в обзоре промышленности.

Несмотря на определенные экономические успехи, эффективность уничтожения крепостного права тормозилась рядом факторов, таких как сохранение общины как анахронизма, низкая скорость распространения новых сельскохозяйственных технологий у общинного крестьянства, сохранение на протяжении всего правления Александра II подушной подати для крестьянства, явление чересполосицы, ущемляющей крестьян.

Главными итогом Крестьянской реформы 1861 года можно назвать развитие капиталистического земледелия при сохранении большого количества крестьян, живущих в общинах, а также появление новой вольнонаемной силы, ставшей одним из факторов успешности преобразования в промышленности.

V. Финансы

Финансовая реформа Александра II, учреждение Государственного Банка, акционерных коммерческих банков оказали важное значение для экономического роста и становления промышленности, транспорта, так как способствовали развитию капиталистических отношений и накоплению капитала.

Рассмотрим статистические показатели, связанные с развитием банковской системы.

Во-первых, это сумма выданных Государственным Банком, которая с 113 млн рублей в 1860–1863 годах выросла до 620 млн рублей в 1884 году. Также следует отметить размер вкладов на текущий счет — рост на более чем 1100 млн рублей в период с 1864–1868 по 1884–1888 годы. Данные цифры свидетельствуют о том, что люди, компании стали активнее брать займы на осуществление экономических проектов (например, активное железнодорожное строительство) и больше средств пускать в рост [8].

Во-вторых, это размер акционерного учредительства в миллионах рублей. Так, если обратиться к статистике [8], то увидим бурный рост капитала в период с 1870 по 1880 годы, который сохранился и в период правления Александра III. Таким образом, данные подтверждают тезис о том, что финансовая реформа Александра II действительно способствовала наращиванию капитала и развитию капиталистических отношений.

В-третьих, в целях показать позитивные эффекты проводимых реформ следует отразить статистические данные в области ценных бумаг внутри страны и за границей (см. табл. 1).

Табл. 1 / Table 1

Объем государственных и гарантированных ценных бумаг (в млн руб.)
Volume of government and guaranteed securities (In millions of rubles)

Годы / Years	Внутри страны / In the country	За границей / Abroad	Итого / Total
1861	1021	537	1558
1881	2338	2564	4902

Источник: [8].

Source: [8].

Эта информация интересна нам с той стороны, что помимо развития внутреннего рынка Россия все активнее стала налаживать экономические связи на международной арене, привлекая иностранные компании и государства.

Делая выводы, авторы утверждают, что финансовая реформа Александра II, преобразование банковской системы России дали необходимый толчок развитию экономики, в первую очередь промышленности, за счет привлечения частных капиталовложений и иностранных инвесторов. В частности, высока роль иностранных компаний в развитии горной промышленности в Южной России, на что было указано в статье ранее.

Заключение

Подводя итоги исследования, мы видим, что при Александре II был выбран вектор развития экономики в сторону отмирания старых институтов и установления новых, основанных на капиталистических отношениях и частной собственности.

Новые правила и нормы, установленные в пореформенную эпоху Александра II, привели к глубоким институциональным изменениям в различных сферах экономики — в банковском деле, в промышленности, в сельском хозяйстве, и, в конечном итоге, к бурному экономическому росту. Однако если исходить из неинституциональной теории Дугласа Норта, то формальные нормы, установленные в виде закрепленной документально отмены крепостного права, в виде законов, укрепляющих создание института частной собственности (появления частных банков, частные железные дороги и т.д.), не смогли окончательно преодолеть пережитки старых времен, таких как общинный строй в деревне, который был основан на существующих среди крестьянства так называемых неформальных норм — традициях и обычаях. Крестьянский вопрос сохранился на десятилетия вперед, несмотря на развитие частнособственнических отношений в других сферах общественной жизни. Проводники реформ не затронули

крестьянскую общину, которая продолжила тормозить развитие капиталистических отношений в России.

Огромное количество бывших крепостных, имеющих феодально-крепостническое мышление, не давало в быстрые сроки выйти стране на предпринимательскую модель поведения. Влияние неформальных институтов было значительным, что частная инициатива и ведение предпринимательства могло привиться только с годами.

В отличие от процессов раскрепощения крестьян в Европе с XIV в., по Норту, когда была убыль населения ввиду эпидемий и изменения соотношения населения в пользу крестьян, землевладельцы сдавали крепостным в аренду участки, что развивало капиталистические отношения; в России XIX в. увеличивалось население, некоторое количество представителей дворянского сословия имело стремление дать свободу крепостным, изменения отношений между крепостными и дворянами все-таки не были вызваны естественными причинами. В Европе эпохи Средневековья ни землевладельцы, ни крепостные не имели целью ликвидировать отношения зависимости и неравноправия, однако эти процессы растянулись на длительный временной отрезок, в Российской же империи второй половины XIX в. были проведены дискретные изменения: отмена крепостного права, предоставление гражданских, экономических прав крестьянам и т.д., а инкрементные изменения не смогли достичь своего логического развития и воплощения в жизнь из-за двух революций XX в. и прихода к власти большевиков в 1917 г. Транзакционные издержки в виде крепостнических традиций и обычаев продолжали определять отношения в обществе, в том числе в крестьянских общинах. Что не позволяло перейти к иному предпринимательскому мышлению.

Крепостное право не позволяло развиваться человеческому капиталу. Основными источниками его формирования являются образование, культура, предпринимательская способность, предпринимательский климат, воспитание и т.д. Образование на уровне церковно-приходских школ, крепостных школ для крестьян, отсутствие развитых предпринимательских отношений в обществе, преобладание натурально-товарных отношений в селе, воспитание в общинах на основе традиций и обычаев, неполноценное приобщение к культуре не позволяли полноценно развивать человеческий капитал как фактор развития экономики, общества.

Другой важной характеристикой эпохи реформ Александра II стал (если выражаться терминологией С.Ю. Глазьева) переход России к новому, второму технологическому укладу. Так, в Российской империи в данный период получило развитие паростроение, железнодорожное строительство, внедрялись паровые двигатели и машины в промышленное производство. Однако сохранилось влияние старых технологий, появились первые зачатки тех отраслей промышленности, которые лягут в основу последующих технологических укладов.

Влияние старых технологий — это не последняя роль в развитии экономики текстильной промышленности, широкое использование водяных

двигателей наряду с паровыми. Новое же, которое станет ядром для последующих укладов, заключается в начале освоения нефтяной промышленности и тяжелого машиностроения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 244 с.
2. *North D.C.* Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // *World Development*. 1989. Vol. 17. № 9. P. 1319–1332.
3. *Глазьев С.Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // *Экономическая наука современной России*. 2012. № 2 (57). С. 27–42.
4. *Глазьев С.Ю.* Россия в новых технологическом и мирохозяйственных укладах. М. Книжный мир, 2018. 768 с.
5. *Тройницкий А.Г.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1861. 93 с.
6. *Степанов В.Л.* Крымская война и экономика России // ВТЭ. 2018. № 1. С. 117–137.
7. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра внутренних дел за 1855 год (1856) // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1856. № 12. С. 59–124.
8. *Бродкин Л.И.* Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html> (дата обращения: 11.11.2022).
9. Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) (1999). СПб.: Лики России, 2007. 357 с.
10. *Щедровицкий П.Г.* Три догоняющие индустриализации России. URL: <https://shchedrovitskiy.com/tri-dogonyayushchih-industrializacii-rossii/> (дата обращения: 15.12.2022).
11. *Верещагин А.С., Хайрtdинов Р.Х.* История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века. учеб. пособие. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2009. 245 с.
12. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России: процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Ленинград: Гос. изд-во полит. лит. 1947. 584 с.
13. Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. Пг., 1918. 131 с.
14. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. 271 с.
15. *Покровский В.И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. СПб., 1902. 670 с.
16. *Петров Ю.И.* Реформа налогообложения в правление Александра II // *Исторический журнал: научные исследования*. 2013. № 1. С. 108–115.
17. *Осинов В.С., Рагулина Ю.В.* Российский Император Александр II: реформа системы финансового контроля // *Вестник АКСОР*. 2015. № 4 (36). С. 221–224.

REFERENCES

1. North D.C. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, Institutional Change and the Functioning of the Economy]. Moscow: Foundation for Economic Books “Beginnings”; 1997. 244 p. (In Russ.).
2. North D.C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*. 1989;17(9):1319–1332.
3. Glazyev S.Yu. *Sovremennaja teorija dlennyh voln v razvitii jekonomiki* [Modern Theory of Long Waves in Economic Development]. *Economic Science of Modern Russia*. 2012;2(57):27–42 (In Russ.).
4. Glazyev S.Yu. *Rossija v novyh tehnologicheskom i mirohozjajstvennyh ukladah* [Russia in the New Technological and World Economic Structures]. Moscow: Book World; 2018. 768 p. (In Russ.).

5. Troinitskiy A.G. *Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-j narodnoj perepisi* [The Serf Population in Russia According to the 10th National Census]. St. Petersburg: Publishing house of Karl Wolf; 1861. 93 p. (In Russ.).
6. Stepanov V.L. Krymskaja vojna i jekonomika Rossii [The Crimean War and the Economy of Russia]. *VTE*. 2018;1:117–137 (In Russ.).
7. Izvlechenie iz vsepoddannejshego otcheta g. ministra vnutrennih del za 1855 god [Extract from the All-subject Report of the Minister of Internal Affairs for 1855]. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1856;12:59–124 (In Russ.).
8. Brodkiy L.I. *Dinamika jekonomicheskogo i social'nogo razvitiya Rossii v XIX — nachale XX vv.* [Dynamics of Economic and Social Development of Russia in XIX — early XX Centuries]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html> (accessed: 11.11.2022) (In Russ.).
9. *Sud'by Rossii. Doklady i zapiski gosudarstvennykh dejatelej imperatoram o problemah jekonomicheskogo razvitiya strany (vtoraja polovina XIX v.) (1999)* [The Fates of Russia. Reports and Notes of Statesmen to the Emperors on the Problems of the Economic Development of the Country (Second Half of the 19th Century) (1999)]. St. Petersburg: Faces of Russia, 2007; 357 p. (In Russ.).
10. Shchedrovitskiy P.G. *Tri dogonjajushhie industrializacii Rossii* [Three Catch-up Industrialization of Russia]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/tri-dogonyayushchih-industrializacii-rossii/> (accessed: 15.12.2022) (In Russ.).
11. Vereshchagin A.S., Khairtdinov R.Kh. *Istorija rossijskogo predprinimatel'stva: ot istokov do nachala HH veka. ucheb. posobie* [History of Russian Entrepreneurship: From the Origins to the Beginning of the Twentieth Century]. Ufa: UGNTU Publishing House; 2009. 245 p. (In Russ.).
12. Lenin V.I. *Razvitie kapitalizma v Rossii: process obrazovaniya vnutrennego rynka dlja krupnoj promyshlennosti* [The Development of Capitalism in Russia: The Process of the Formation of the Domestic Market for Large Industry]. Leningrad: Gos. izd. polit. lit.; 1947. 584 p. (In Russ.).
13. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1916 g. (god trinadcatyj)* [Statistical Yearbook of Russia 1916 (year thirteenth)]. 1918; 1. 131 p. (In Russ.).
14. Mironov B.N. *Russkij gorod v 1740-1860-e gody: demograficheskoe, social'noe i jekonomicheskoe razvitie* [Russian Town in 1740-1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Leningrad; 1990. 271 p. (In Russ.).
15. Pokrovskiy V.I. *Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnej trgovli Rossii* [Collection of Information on the History and Statistics of Foreign Trade in Russia]. St. Petersburg; 1902. 670 p. (In Russ.).
16. Petrov Y.I. Reforma nalogooblozheniya v pravlenie Aleksandra II [Taxation Reform in the Reign of Alexander II]. *Historical Journal: Research*. 2013;1:108–115 (In Russ.).
17. Osipov V.S., Ragulina Yu.V. *Rossijskij Imperator Aleksandr II: reforma sistemy finansovogo kontrolja* [Russian Emperor Alexander II: The Reform of the Financial Control System]. *Bulletin of ACSOR*. 2015;4(36):221–224 (In Russ.).

Информация об авторах:

Алексеевко Данил Алексеевич — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: aleksdan101@yandex.ru).

Иванов Алексей Владимирович — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: alexejiwanow17@gmail.com).

Кореньков Илья Олегович — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: korenkov11111@gmail.com).

Information about the authors:

Danil A. Alekseenko — Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian (e-mail: aleksdan101@yandex.ru).

Alexei V. Ivanov — Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: alexejiwanow17@gmail.com).

Ilya O. Korenkov — Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: korenkov11111@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-102-115

EDN: CUDUZG

Research article / Научная статья

Multidimensional Perspective Analysis to Ensure Effective Governance in War-Torn Countries

Sadik Aden Dirir

University of Djibouti,
Balbala Q12 T3, Djibouti

✉ Sadikaden1999@gmail.com

Abstract. In many post-conflict and war-torn countries governance issue is intricately linked to multifaceted aspect. Because rebuilding governance and re-establishing trust in government does not only need the adoption of specific strategies but also reshaping the whole nation from the scratch. Some nations may need a large scale of reforms to ensure effective governance whilst other may require narrow reforms to address small deficiencies. Considering the paper's heavy reliance on secondary information sources collected from articles published in credible scientific journals, and diverse working papers, governmental reports, book chapters, conference papers, and online sources, the paper used content analysis techniques. Moreover, in order to address the problem multiple factors such as politics, institutional reforms, economic initiatives, human capital development, and the need for expenditure in education in war-torn countries are inspected. The study reveals that in the case of politics and institutional reforms, a war-torn nation must emphasize a transparent political system and solid legal framework that makes it simpler to choose, oversee, and replace persons in positions of responsibility, also a favorable ecosystem that promotes prosperity and growth through solid legislation and different governmental branches. The second crucial measure is reanimating the economy by taking advantage of the agriculture and banking sector since they are the least affected by the war. The third measure is to allocate specific funds to education before any other sector. Besides that, through education and training, war-torn countries will achieve a skilled workforce. Finally, the analysis will offer war-torn nations tangible proof of which socioeconomic factors, reforms, and policies to implement in order to achieve effective governance.

Keywords: effective governance, war-torn countries, political stability, institutional reforms, economic initiatives, education, human capital

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 25.12. 2022. The article was accepted on 12.01.2023.

For citation:

Sadik A.D. Multidimensional Perspective Analysis to Ensure Effective Governance in War-Torn Countries. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):102–115. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-102-115>

© Sadik A.D., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

Beginning in the 1980s, the phrase “good governance” became popular as a strategy for achieving both poverty reduction and sustainable development. When this idea first emerged, numerous governments, particularly those of industrialized nations, international institutions, along with regional bodies, had already recognized its significance as an instrument for development. The concept of governance has been a central topic in current debates in the field of social science, particularly in the division of public administration, during the end of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century [1].

Over the past thirty years, the concept of good governance has come under scrutiny, as has the methodology used to assess how states or governments used their authority. The word “good” refers to the idea that government should carry out its duties in a morally upright way. The concept of “governance” has a broad definition and several connotations. This notion has existed for a long time since the 14th century, depending on how it’s viewed, it has two distinct meanings. The first aspect pertains to governing methods, whereas the second side relates to controlling activities. A fundamental component of contemporary society, good governance facilitates relations between the governed and the ruling in order to set up the achievement of important objectives [2].

One cannot presume powerful states with excellent levels of governance. Notwithstanding the advancements during the last five decades as far as how nations and civilizations are administered as well as how governmental structure is maintained. Approximately 1.6 billion individuals remain in nations that are characterized by an insufficient capacity to rule and uphold peace in the twenty-first century [3]. For nations struggling to recover from a long-term war, governance is an important concern that needs to be addressed. Policy-makers vocalized their concern about the current increasing number of fragile nations, in which governance reform represents a key challenge. According to [4] countries with post-conflict records encounter inadequate governance that damages social development, economic progress, investment channels, outside assistance, and access to essential services, especially for the most vulnerable individuals. Although nations must improve governance if they wish to successfully recover from a war. However, the majority of vulnerable and post-conflict nations confront substantial barriers to doing so because crises frequently impair or damage institutions and raise the cynicism of the public toward the government.

Reports demonstrated that inefficient and fraudulent government policies frequently contribute to instability in war-torn countries. Authorities that are ineffective in managing the nation’s needs are incapable of giving citizens a sense of security and order or offering the public goods and services they have grown to anticipate. In war-torn countries, the human capital is likely to be underqualified or uninterested in their work, and policy formation is probably to be inadequate. Thus, Significant portions of society believe that the government, acts arbitrarily, or treats their citizens unfairly and doesn’t carry on sufficient amendments

to improve the different aspects of their life. Additionally, Accountability systems are poor, and corruption is frequently seen as widespread [5].

[6] mentioned that countries that exhibit a fragile state typically have weak institutions or, occasionally, powerful but oppressive ones. They run a greater danger of facing crises as well as being unable to achieve the ambitions of their inhabitants for equal and inclusive growth. Future political, social, or humanitarian failure may be highly likely due to historical, political, and social causes, which frequently include a weakened social contract and an inability to cope with shocks and stresses. Therefore, for now, ensuring the caliber of services offered by various institutions is one of the most crucial concerns for the government. To raise the level of living of the populace and foster confidence, all governments must provide easy-to-access, affordable, and prompt services. For this reason, many governments are now concentrating on citizen-oriented initiatives.

Arising studies have begun to provide crucial insights into how politicians in their different guises act, compete, implement choices, and rule in war contexts in an attempt to better comprehend as well as propose alternatives to the governance and institutional issues faced by troubled nations [7].

The expanding studies have enabled academics and decision-makers to address real issues with governance in war nations and suggest workable solutions. Particularly, some success has indeed been achieved with several ongoing and recent operations aimed at tackling appropriate governance issues in nations experiencing violent conflict. These reforms have mainly concentrated on the following categories: regional governance and strengthening the local ability for common goals; enhancing transparency, credibility, and attainment of state organs; and initiatives aimed at altering norms and regulations that influence governing systems. Nevertheless, nations can also experience internal conflicts such as genocides, religious and military revolts. Consequently, through an examination of international and regional conflict, this research aims to provide guidance for the creation of a paradigm for dealing with governance reform in unstable and war-affected nations. Both nations that successfully transitioned to stability and those that relapsed into conflict are examined in this study. Relevant insights will be selected taken from Somalia, Afghanistan, Syria, Iraq, Rwanda, Bosnia, and other fragile and previous conflict-affected nations. Furthermore, various perspectives from Political, Institutional, Economical, Educational, and Human capital will be analyzed.

The article is separated into many sections for analytical purposes, while this stage serves as an introduction and the establishment of the research question, the second section involves assessing background information. The third section consists of establishing the conceptual framework and the methodology adopted. The fourth section provides insight into the political situation of war-torn countries and the Institutional reforms that need to be addressed. The fifth section scrutinizes the economic initiatives and strategies that are adhered to accomplish sustainable growth. In section six we will elaborate on the importation of expenditure in education additionally, we will shed the light on the urgency to promote human capital. The last section consists of summarizing the paper.

Background information

Governance is not a brand-new idea. Equally old as human civilization itself. Simply stated, governance refers to the procedures involved in making choices and carrying them out. Corporate governance, international governance, national governance, and municipal governance are just a few of the situations in which the word “governance” can be employed [8]. A governance analysis is necessary because governance is the process of making decisions and the mechanism by which those decisions are carried out. focuses on the formal and informal actors involved in making choices and carrying them out, as well as the formal and informal institutions that have been established to do so decisions. One of the actors in governance is the government, other participants are based on the scale of government that is being discussed, governance varies. Other actors in rural settings, for instance, might include prominent landowners, groups of small-scale farmers, unions, non-governmental institutions, research centers, leaders of the religious community, financial institutions, politicians, the army, etc. [9].

[10] stated that there are eight key traits of good governance. It adheres to the rule of law and is participative, consensus-oriented, responsible, transparent, responsive, effective, and efficient. It ensures that corruption is kept to a minimum, that minorities’ opinions are taken into consideration, and that the voices of those in society who are most vulnerable are heard when making decisions. Additionally, it responds to the present and the future required by society. Conflict impairs or restrains the ability of the government. Restoration of governance and government reconstitution were essential to Rwanda’s recovery from years of horrific conflict. In the lack of a robust government, the corporate market and social order needed to be adequately developed to play significant roles in the nation’s reconstruction. Whilst poor administration and inefficient government are frequently the effects of war, they can also be its causes. In societies where the government either fails to meet public requirements and provide necessary services or is unable to address fundamental development issues, dissension tends to increase [11]. For instance, ongoing hostilities in Liberia that began in the late 1980s may be largely attributed to the country’s high levels of poverty, widespread discontent with living circumstances, and lack of faith in the government, all of which fueled tensions between rival political factions. Many Liberians had little to no hope under a government marked by extreme corruption, cronyism, and unequal wealth distribution along ethnic and political lines [12].

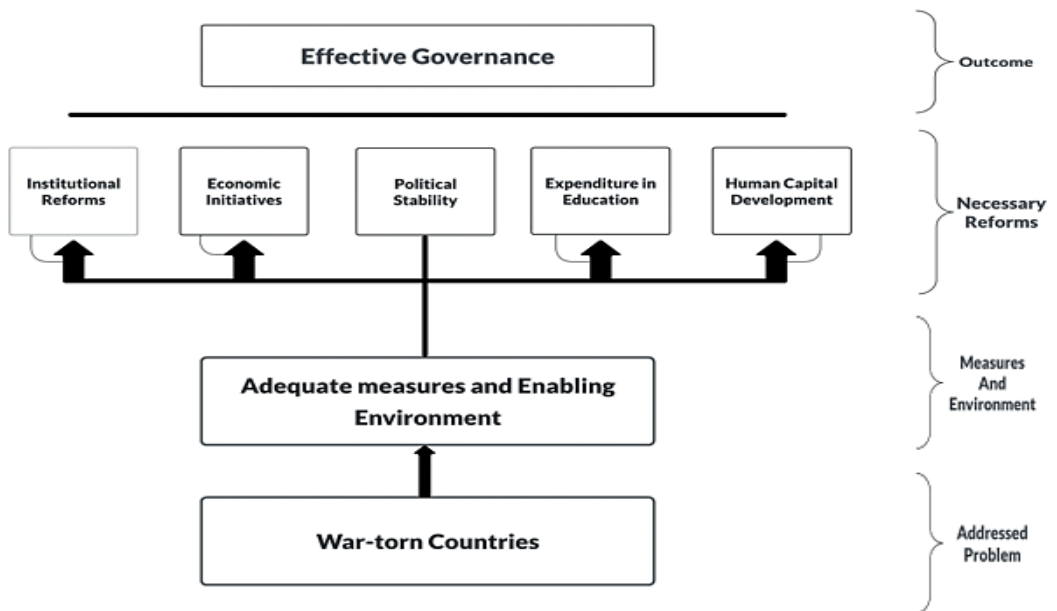
In one of his studies [13] explained that during wartime armed actors create “wartime institutions” to govern, which are the game rules that emerge through interactions between armed factions and civilians. Institutions in times of war have three crucial aspects: (1) they limit armed sides’ absolute authority; (2) they set bounds for civilian behavior; and (3) they are negotiated, depending on the circumstances of changes in the balance of power between opposing sides in specific areas.

Maintaining the peace requires reestablishing governance and fostering confidence in the government among social groups who had previously

expressed dissatisfaction with or been excluded from political and administrative processes, and doing so in a manner that represents the values and goals of all social groups. History in post-conflict reconstruction and restoration over the past 25 years has made it abundantly evident that good governance must be restored in order to address humanitarian needs and foster long-term political stability. The ideas and definitions of good governance have been impacted by the crucial role that foreign assistance organizations have come to play in aiding post-conflict countries. Hence, this study adopts a multidimensional analysis to inspect the achievement of good governance in war-torn countries. By emphasizing on factors such as Political stability, institutional reforms, Economic strategies, Human capital development, and the allocation of adequate resources to education.

Conceptual framework

The figure below illustrates the multidimensional aspects that need to be analyzed when seeking measures to ensure effective governance. The paper selected this model to identify the different phases in order to guarantee efficient and sound governance. First, we present the addressed problem which is the war-torn countries. Then we identify the adequate measures and enabling environment that facilitate the layout of various reforms. Among these reforms, we selected institutional reforms, economic initiatives, political stability, expenditure in education, and human capital development. Finally, after executing these reforms war-torn countries shall be able to accomplish effective governance.

Fig. 1. Conceptual model about the measures to ensure effective governance.

Methodology

As it relies on secondary data gathered from documentation found in books, online sources, and journal articles, this work utilized a qualitative research strategy. Its content was examined in light of the study's objectives. The data are a systematic analysis of the factors that contribute to achieving and ensuring effective governance in war-torn countries.

The hope of achieving political stability and institutional reforms amidst the turmoil

Political stability is a factor of immense significance in a nation's development since, throughout time, it has been demonstrated in order to realize sustainable development goals nations must first stabilize their politics. In nations such as Somalia, Afghanistan, Yemen, Myanmar, and Burkina Faso where development is still in its infancy phase, political stability is a big concern. This issue keeps resurfacing in one form or another in the form of various crises that have a negative impact on the nation. Most of these governments aspire to run their affairs in a manner that fosters political stability, a crucial prerequisite to growth. Therefore, in order to achieve political stability for public goals, good governance is a manifestation of this desire [14]. The ability of the government to maintain peace and security at all times depends on the political stability of the country. Political stability is one method the government upholds and sustains itself. Because stabilizing a country's political environment helps to reduce state fragility and assures efficient governance, political stability is a crucial prerequisite for good governance. The international development community began to place more emphasis on governance and institutions as a result of the use of governance performance indicators as a foundation for foreign aid. A crucial component of the development is now more than ever thought to be good governance [15].

States need to be politically stable in order to exist and continue to exist, hence anything that compromises this stability makes the state unstable. An underlying meaning of this is that political stability depends on equilibrium, specifically, a dynamic equilibrium characterized by stability in the course, aims, objectives, and aspirations that the political equilibrium is going towards. In order to ease the dilution and distribution of social tensions and to foster social harmony, stability primarily entails the creation of conditions that allow a governing system to fulfill its commitments towards its citizens in a fair and equal manner. As per the author [16] manifest the following four elements support political stability, cabinet stability, and the stability of the judicial system, the government's structure, which consists of its three branches the political executive, legislature, and judiciary; bureaucracy; The military; and The Public, which comprises the media and opinion leaders.

Prior to any governance reform being able to develop sustainably, an ideal political settlement or political discussions are needed to put an end to a violent conflict. Political agreements often pave the way for future governance reforms

in addition to ending wars. The relationships are illustrated using observations from South Africa, Northern Ireland, Indonesia, Rwanda, and Indonesia. Therefore, political agreements are essential to ensuring good governance, and the ensuing institutions perform what is referred to as “anticipated functions” and “survival functions”. Fostering safety and the legal system as well as raising funds through taxes and other means to fund governmental functions are among the survival strategies. The delivery of commodities and services that authorities often provide is alluded to as one of the expected functions [17].

In war-torn countries politicians and bureaucrats in sectors including business laws, customs, licensing, taxation, health, education, and order are prone to incorrect money allocation and corruption. For instance, in Syria where the Al-Assad family is considered a personalist dictatorship since they appointed a family member in every sector, as a result, monopolizing the wealth of the country which can be defined as a family-owned country. The country may be considered a failed state because of the war that a political instability and corruption thus ineffective governance. Another example is in Nigeria in which the Boko Haram crisis impacted the governing elite’s style of rotating the presidency and signaled the apparent start of a serious rebellion. At first, the issue was brought on by allegations of corruption and extrajudicial killings, but it quickly got out of hand and manifested itself in all kinds of homicides, destruction, property destruction, and bloodshed. This resulted from the nation’s inability to resolve the conflicting interests of the Nigerian racial community while dealing with a number of other issues, such as the oil decline, misuse of funds, and a severe party conflict.

Furthermore, in war-torn nations, we have seen an upsurge in interethnic violence, revolts, corruption, and ethnic, religious, social, and political issues over the years. This is a result of the government’s inability to provide effective governance to reduce these problems by establishing the necessary institutions and ideals to solve this issue. This has slowed down progress and caused political unrest, which makes it difficult to pursue sustainable development. It has also had a detrimental impact on the nations and prompted the need for more attention to good governance. In this case, it is impossible to overstate the impact effective governance has on development. To place it in perspective, when a state performs poorly, resources are misused, facilities are not provided, and populations, especially the poor, are not provided the benefits of the law, the economy, and society. For instance, according to the global economy concerning 200 countries, the political stability index that consists of (-2.5 weak: 2.5 strong) revealed worrying numbers in war-torn countries we observe Somalia (-2.68) Syria (-2.66) Yemen (-2.59), Afghanistan, (-2.53), Iraq (-2.40), Libya, (-2.37), Mali, (-2.35) Burkina Faso (-1.64), Burma (-2.07), and Sudan (-1.94).

As a result, we urge in order to ensure effective governance factors such as human right protection, maintaining a solid legal system, regulatory quality, absence of violence, control of corruption, open information system, democracy, transparency, reliability, and accountability in public administration must be adopted. Making wise choices over time in a variety of economic, social, environmental, and

other domains is a necessary component of excellent administration. This is related to the government's ability to know, mediate, allocate resources, implement, and maintain crucial relationships. In addition, war-torn countries must adopt the separation of power which provides two advantages that can help increase the productivity of effective good governance, according to academics and practitioners. First, it aids parties in putting an end to conflict and maintaining peace. Moreover, separation of power offers a chance to increase inclusion and engagement. For instance, political agreements in nations like South Africa and Rwanda have incorporated promises to main political rivals as well as some kind of long-term form of representation and power. Balance of power has shown to be a successful strategy for fostering trust in these nations, ensuring that parties with the potential to derail plans are involved in decision-making. One intrinsic benefit of cohesive power sharing is that it encourages flexible partnerships that overcome conflicts.

Economic initiatives to rescue what is being lost

The consequences of insecurity on economic activity can be significant and long-lasting and can occur through a variety of avenues. Fear brought on by violence and devastation can directly impede economic activity by raising the cost of transport, causing funds to escape, or delaying investments. Property rights can be in danger and economic activity can be stifled by insecurity and ineffective law enforcement [18]. Countries might get caught in endless periods of violence that impede economic progress, especially in environments with weak institutions. Wars have huge aggregate effects on macroeconomic indices like GDP and commerce, according to a large corpus of research. For instance, a 10 % rise in shipping prices was the result of the unrest brought on by Somali pirates in the Gulf of Aden and the Indian Ocean.

The infrastructure is frequently overlooked, degraded, and sometimes sustains damage as a direct result of the conflict. Public resources are poured into the war effort, trading and transit linkages become unreliable and expensive, reducing trade, and investment is delayed until peace is established. Particularly in long-term and ongoing war countries such as Afghanistan, Yemen, Somalia, and Syria the incomes declined, food production became scarce, imbalance in imports and export, significant budget deficits, and excessive inflation. Another cause of war is high inflation which during times of war, authorities issue money to cover costs, such as the bloated military forces, while equally struggling to increase taxes and other income. Consequently, most war-torn economies are dollarized as a result of high inflation, which causes the public to reduce its holdings in the local currency and switch to dollars. With the intriguing exception of Ethiopia, where inflation was comparatively restrained, primarily because the public held increasing amounts of local currency. Substantial decreases in domestic investment are one way that wars have an impact on the economy. Wars have a negative effect that accelerates depreciation. Consequently, the rate of return on domestic investments is once more lowered. Investors from foreign countries will not be willing to invest

in a country with an ongoing war. This result in war-torn countries borrowing a huge amount of debt to cover the country's needs. War can make investors feel riskier by raising expectations about the likelihood of future outbursts and disruption. For instance, the trade balance in various war-torn countries is exhibiting a negative value. Afghanistan, -4458, Somalia (-3148) Syria (-46-25), and Sudan (-286303), most of these countries are experiencing internal war that is affecting the trade. To conclude war changes the way economic output is organized, often causing the construction and industrial sectors to contract while hardly impacting agriculture. More broadly, conflict damages industries that have high transaction costs.

Accordingly, to overcome such obstacles facing economic growth, governments of war-torn must adopt appropriate economic initiatives such as increasing their ability to manage their finances and economies in a sound, transparent manner and creating public policies that promote private-sector investment and combat corruption. A vital part of creating a favorable environment for economic expansion is infrastructure. To reach markets for their goods and services, businesses require adequate transportation systems, from rural roads to airports and ports. Enterprises are more productive and innovative when reliable energy and communication technology are available. The lack of such fundamental infrastructure is a persistent impediment that lowers economic performance in war-torn nations. All the developing nations' largest economic sector is agriculture. Therefore, war-torn countries must take advantage of that sector because it is a sizable employer and aids in reducing poverty and ensuring food security. Economic growth can be fueled by increases in agricultural productivity and innovation, but there are obstacles to trade, access to markets, transportation, unstable land rights, expensive price levels, and limited technology availability. Another measure is to improve the financial sustainability, productivity, and competitiveness of micro, small, and medium-sized private sector organizations which will increase the number of jobs available to the underprivileged.

Expenditure on education and human skills capitalization

Human capital refers to those people's unique skills that are their own and constant across all social contexts. These skills can be traded for any form of economic resource on the job market. Practically speaking, human resources are made up of biological capital (individuals' physical abilities, most commonly synthesized) and educational capital (skills acquired by people while they are in school but also outside of it). by way of one's health). A notion known as "human capital" has emerged in economics, where it is primarily understood as "an evaluation of a person's ability to earn labor income" [19].

Economic expansion and the eradication of poverty both depend heavily on human capital. From a macroeconomic standpoint, the development of human resources boosts productivity levels, encourages technological advancements, raises returns on investment, and promotes economic more lasting, all of which contribute to the fight against poverty. As a result, human capital is viewed at the

macroeconomic scale as a crucial component of production in the production systems that span the entire economy. Whereas in terms of microeconomic scale we observe the education level in which potential earnings and the likelihood of finding employment in the job market raises. As a result, at the micro-scale, human resource is seen as the aspect of education that increases a participant's workforce productivity and wages while also playing a significant role in the output of firms. In war-torn nations such as Somalia, the employment rate is 19.87% and the literacy rate is estimated to be 39%. In South Sudan, the employment rate is 13.92% whereas the literacy rate is 27%. The reason behind this is the lack of the government spending enough money on education and human capital development.

An interesting measure that war-torn countries may adopt to boost education and human capital is to follow the examples of the republic of south Korea and Singapore. It is important to meditate on how way south Korean employed education to slash poverty. After the Japanese rule over South Korea and even during the Korean war, South Korea did not abandon spending money on education despite the country being fragile and in a state of war. They started programs to educate individuals without a primary education in an effort to end illiteracy. Furthermore, the country established mandatory enrollment in elementary schools by law in the 1950s. As a result, the increase in post-secondary schooling was also influenced by literacy-improving initiatives. In South Korea, which is ranked as the most literate nation, about 70% of people between the years of 25 and 34 have graduated from college, a school, or another type of higher education. Singapore has shown that human capital investments can yield significant returns and that absolutely nothing is impossibly difficult. Many aspects of the Singapore paradigm are still widely utilized today. First Singapore developed an anti-corruption system, as a result of which incorruptible leaders emerged who imposed high goals for both themselves and others and adhered to them. Secondly, Singapore developed a merit-based, generally un-politicized administration that was capable of planning, drafting long-range plans, and coordinating their implementation. Thirdly national leadership proactively reduced tensions and preserved peace in a multiethnic community. Fourth attracting both skilled and unskilled immigrants to Singapore. Lastly, Singapore has performed the strategy of dispatching its population to advanced countries in order to acquire knowledge and experience. It is quite impressive how a low-income country became a regional hub for wealth management. War-torn needs to follow in the footsteps of Singapore and South Korea to ensure effective governance in terms of human capital development.

Furthermore, most of a nation's decision-makers, intellectuals, and businesspeople are killed in major conflicts. This was clear in Nicaragua, the population fled the regime, in Cambodia, the population was subjected to the massacre, and in Uganda, where both of these events occurred. This, as a result, caused the skilled worker to immigrate or being a war casualty. If this skilled and knowledgeable population remains, recovery will probably happen more quickly, as it did in post-war El Salvador or post-war Europe. Because talented émigrés

quickly establish footprints overseas, it is challenging and expensive to persuade them to return.

Drivers of economic growth through improving human capital as a result of education received in school. In light of this, we can examine the role of education by taking into account the fact that people's investments in their education are repaid by additional income equal to their educational expenses. The socioeconomic conduct of individuals, particularly how they acquire knowledge and skills that raise their productivity and income; the purpose of human capital is to assist in the advancement of the society in which they reside. Cambodia has actively adopted a policy of trying to recruit some of its most skilled ex-pats back home but has been forced to pay world-level remuneration, creating discontent among equally qualified (but underpaid) local workers. If Afghanistan tries to entice its overseas workers back, it will probably run into a similar issue. In contrast, by promising to retrieve their wealth, Uganda has somewhat succeeded in luring some of its Asian businesspeople, and this has been a crucial component of the nation's current impressive economic resurgence.

Conclusion

The paper presented how effective governance can be ensured in war-torn countries by shaping various nation's aspects such as political stability, institutional reforms, Initiatives involving sustainable economics, expenditure in education, and human capital development. Before even thinking to establish good governance, fragile states may first ensure that key institutions such as a democratic constitution, a functioning government and parliament, a central bank, national and local governments, an independent judiciary, an independent press, a vibrant civil society, and transparency are well-established. In war-torn countries, the situation is already beyond help let alone the idea of establishing effective governance. Consequently, those countries need first a transparent political system and solid legal framework that makes it simpler to choose, oversee, and replace persons in positions of responsibility. The government's ability to wisely allocate its funds and deploy soundly and the preservation of people's basic rights. After at least satisfying these conditions, war-torn countries may find assistance from developed countries to help with the reconstruction process. Another important phase is focusing on institutional reforms because this aspect will help the war-torn countries by assisting them in defining their job in accordance with economic logic and their personal capabilities as well as assisting them in improving performance within that function. By evaluating the institutional unit, war-torn countries will be able to realize the ultimate objectives of poverty reduction, inclusion, environmental sustainability, and private sector development through revitalizing the institutional unit. After these phases are accomplished, and corruption is kept at a minimum the next phase is putting in economic initiatives. In a country, the war mainly affects the industrial sector consequently the government must concentrate on another sector to stimulate economic activity.

The best option is the agricultural sector, by quantifying the output volume of basic agricultural products the nation will reduce food insecurity, improve slightly the trade and generate jobs. The concept behind this is to satisfy the basic needs of the population first. Then the rest of the economic activities such as production, consumption, and manufacturing will follow. Additionally, the government must support financial institutions since the population will need loans and mortgages to start a small business. Therefore, by assisting the financial institution investment and business activities will prosper. Increase funding for early education, direct resources toward the most disadvantaged children and communities, build rules and procedures to increase expenditure effectiveness, strengthen learning evaluation systems, and put in place community and parent-driven accountability measures. More importantly decentralization of education to rural and excluded areas. Furthermore, in terms of human capital war-torn countries can implement the previous measure implemented by countries from nothing to everything such as South Korea, Singapore, South Africa, and Rwanda. One thing in common in the policies exercised is to allocate huge funds to education to produce a skilled labor force. Accomplishing all of these measures will not be effortless, however, it is not impossible. Previous studies have primarily focused on improving governance in nations that have never experienced war or internal strife. They hardly ever discussed or looked into how governments and administrations form and get over post-conflict wounds. With these facts in mind, the study carefully examines the actions that must be taken in war-torn nations in order to maintain good governance from a variety of viewpoints, including institutions, politics, economics, education, and human capital. The analysis will provide war-torn countries with concrete evidence on which aspect of socio-economics, reforms, and policies to employ in order to accomplish effective governance.

REFERENCES

1. Abdi A.M., Dirie A.W. Role of Civil Society on Promoting Governance in Somalia. *International Journals of Academics & Research*. 2019;1(4):25–32.
2. Omodunbi O.O., Olawole O.S., Mohammed J.B. The Politics of Border Closure and Its Implications on the Nigerian Economy. *RUDN Journal of Public Administration*. 2022;9(2):200–210.
3. Justino P. Governance Interventions in Conflict-affected Countries. *The Journal of Development Studies*. 2019;55(7):1364–1378.
4. Abah E.O., Nwokwu P.M. Problems and Prospects of E-Governance in an Emerging State: The Nigerian Example. *Journal of Humanities And Social Science*. 2019;24(9):14–21.
5. Dirir K.A. Japan and South Korea's Implication of Soft Power: Cultural Aspects, Education, and Foreign Aid Diplomacy. *Humanities and Social Sciences*. 2022;10(4):271–280.
6. *Local Governance in Fragile and Conflict-affected Settings: Building a Resilient Foundation for Peace and Development*. New York, NY: United Nations Development Programme; 2016.
7. Devarajan I.E. A Broken Social Contract, Not High Inequality, Led to the Arab Spring. *Review of Income and Wealth*. 2018;5–25.
8. Keping Y. Governance and Good Governance: A New Framework for Political Analysis. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018;11(1):1–8.
9. Andrews M. The Good Governance Agenda: Beyond Indicators Without Theory. *Oxford Development Studies*. 2008;36(4):379–407.

10. Van Doeveren V. Rethinking Good Governance: Identifying Common Principles. *Public Integrity*. 2011;13(4):301–318.
11. Höglund K. Comparative Field Research in War-torn Societies. *Understanding Peace Research*. 2011;126–141.
12. Yilmaz M.E. Peace-Building in War-Torn Societies. *Peace Review*. 2009;21(2):238–248.
13. Gáfaró M., Ibáñez A.M., Justino P. Community Organization and Armed Group Behavior: Evidence from Colombia. *WIDER Working Paper*. 2022;002.
14. Anheier H.K., Haber M., Kayser M.A. *Governance Indicators: Approaches, Progress, Promise*. Oxford University Press; 2018.
15. Berger A.N., Roman R.A., Sedunov J. Did TARP Reduce or Increase Systemic Risk? The Effects of Government Aid on Financial System Stability. *Journal of Financial Intermediation*. 2020;43;43;.
16. Minto A. Characterising Corruption by Adopting a Systemic Risk Perspective: Importing Macro-Prudential Financial Regulation into the Policy Debate. *European Journal of Risk Regulation*. 2020;11(1):1–17.
17. Kassem M. The Impact of Capital, Corruption, and Institutional Factors on the Stability of MENA Region Banks. *The Journal of Developing Areas*. 2022;56(2):15–30.
18. Kumah F.Y., Sandy M. In Search of Inclusive Growth: The Role of Economic Institutions and Policy. *Modern Economy*. 2013;4(11):758–775.
19. Arslan H.M., Chengang Y., Komal B., Chen S. Human Capital Development Strategy for a Sustainable Economy. *Research Anthology on Business Continuity and Navigating Times of Crisis*. 2022:331–348.

Information about the author:

Sadik Aden Dirir — Graduate Student from the Faculty of Law, Economics and Management, University of Djibouti (Djibouti) (ORCID ID: 0000-0002-8159-5442) (e-mail: sadikaden1999@gmail.com).

Многоаспектный перспективный анализ для обеспечения эффективного управления в раздираемых войной странах

А.Д. Садик

Университет Джибути,
Балбала Q12 T3, Джибути
✉ Sadikaden1999@gmail.com

Аннотация. Во многих постконфликтных и раздираемых войной странах управление является многоаспектной проблемой, так как перестройка управления и восстановление доверия к правительству требуют не только принятия и реализации конкретных стратегий, но и нередко преобразования всей нации с нуля. Некоторым странам может потребоваться проведение широкомасштабных реформ для обеспечения эффективного управления, в то время как другим — более партикулярные реформы для устранения определенных недостатков. Для решения исследовательской проблемы автором рассматриваются многочисленные факторы, такие как политика, институциональные реформы, экономические инициативы, развитие человеческого капитала и необходимость расходов на образование в раздираемых войной странах. Проведенное исследование показывает, что в условиях политических и институциональных реформ раздираемая войной нация должна уделять особое внимание прозрачной политической системе и прочной правовой базе, которые упрощают выбор, надзор и замену

лиц на ответственных должностях, а также благоприятной экосистеме, способствующей процветанию и росту благодаря надежному законодательству и различным правительственным структурам. Вторая важнейшая мера — это оживление экономики за счет использования преимуществ сельского хозяйства и банковского сектора, поскольку они меньше всего пострадали от войны. Третья мера заключается в приоритетном выделении средств на сферу образования. Именно благодаря образованию и профессиональной подготовке раздираемые войной страны получают квалифицированную рабочую силу. Наконец, многоаспектный перспективный анализ способен предоставить странам, охваченным войной, реальные доказательства того, какие социально-экономические факторы, реформы и политика должны быть реализованы для достижения эффективного управления.

Ключевые слова: эффективное управление, раздираемые войной страны, политическая стабильность, институциональные реформы, экономические инициативы, образование, человеческий капитал

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 25.12. 2022. Принята к публикации: 12.01.2023.

Для цитирования:

Sadik A.D. Multidimensional Perspective Analysis to Ensure Effective Governance in War-Torn Countries // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 102–115. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-102-115>

Информация об авторе:

Садик Аден Дирир — аспирант факультета права, экономики и менеджмента Университета Джибути (Джибути) (ORCID ID: 0000-0002-8159-5442) (e-mail: sadikaden1999@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129

EDN: CPIBRF

Научная статья / Research article

Политическая власть цифровых транснациональных корпораций: к проблеме исследования

С.Ю. Зайцев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

✉ s.zaycev@epsis.ru

Аннотация. Распространение цифровых технологий в повседневной жизни граждан (социальные сети, потоковое видео, мессенджеры) и в общественно-политической сфере («умный город», электронное правительство) привели к росту мощности транснациональных корпораций, специализирующихся на разработке и выпуске на рынок данных продуктов и услуг — цифровых ТНК. Благодаря увеличению финансовой мощи такие фирмы стали акторами, которые смогли оказывать влияние и на политическую сферу, например, путем воздействия на взгляды и установки избирателей в период электоральных кампаний или массовых протестных акций, сбора конфиденциальных данных пользователей и предоставление их спецслужбам и т.д. Цель статьи — охарактеризовать цифровые ТНК как акторов, обладающих политической властью. Для анализа их деятельности на современном этапе автор применил подход Мариуса Бузмейера и Кэтлин Телен, предложивших рассматривать представителей бизнеса как акторов, обладающих инструментальными, структурными и институциональными источниками власти. Сделан вывод, что на современном этапе цифровые ТНК реализуют инструментальный и структурный виды власти, а также обладают потенциалом для реализации институциональной власти, предполагающей замещение ряда функций государства.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, государство, власть, big tech, цифровизация, цифровые платформы

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.01.2023.

Для цитирования:

Зайцев С.Ю. Политическая власть цифровых транснациональных корпораций: к проблеме исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 116–129. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129>

Political Power of Digital Transnational Corporations: To the Problem of Research

Stanislav Y. Zaytsev

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Moyka Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 191186

✉ s.zaycev@epsis.ru

Abstract. The spread of digital technologies in the everyday life of citizens (social networks, streaming video, messengers) and in the socio-political sphere («smart city», e-government) has led to an increase in the power of transnational corporations specializing in the development and launch of these products and services on the market — digital TNCs. Thanks to the increase in financial power, such firms became actors that were able to influence the political sphere, for example, by influencing the views and attitudes of voters during electoral campaigns or mass protests, collecting confidential user data and providing it to intelligence agencies, etc. The purpose of the article is to characterize digital TNCs as actors with political power. To analyze the activities of digital TNCs at the present stage, the author applied the approach of Marius Busemeyer and Kathleen Thelen, who proposed to consider business representatives as actors with instrumental, structural and institutional sources of power. It is concluded that at the present stage, digital TNCs implement an instrumental and structural type of power, and also have the potential to implement institutional power, which involves the replacement of a number of government functions.

Keywords: transnational corporations, government, power, big tech, digitalization, digital platforms

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.01.2023.

For citation:

Zaytsev S.Y. The Turmoil in the Moscow State at the Beginning of the XVII Century and Its Influence on the Transformation of the Foundations and Principles of Russian Statehood (Political Science Aspect). *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):116–129. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129>

Актуальность исследования влияния цифровых ТНК на политическую сферу

Стремительное развитие в начале XXI века IT-сектора и почти повсеместное подключение к Интернету и его доступность (через компьютеры и смартфоны) запустили процессы цифровизации (диджитализации) почти всех сфер жизнедеятельности общества. Использование поисковых сервисов, социальных сетей и видеохостингов включено в повседневную жизнь большого числа граждан развитых и развивающихся стран. Их удобство, легкость получения и финансовая доступность не дает индивидам задумываться об угрозах и недостатках подобных технологий, что подтверждается исследованиями в области нейрофизиологии и психологии, которые доказали негативное воздействие «постоянной подключенности к Интернету» на мозговую деятельность и психическо-эмоциональное состояние человека [1].

За последнее десятилетие деятельность социальных сетей и различных интернет-сервисов также становилась объектом интереса представителей политической науки. Такой интерес вызван прежде всего важной ролью

сервисов Twitter¹ и Facebook² (с 2021 входит в холдинг Meta Platforms) в смене политических режимов и протестных акциях на Ближнем Востоке в ходе Арабской весны 2010–2012 годов, а также влияние данных ресурсов на результаты президентской гонки в США в 2016 году. Однако, несмотря на политические последствия применения этих сервисов индивидами, представители научного сообщества уделяют недостаточно внимания цифровым ТНК, которые являются разработчиками и создателями данных брендов и продуктов, как политическим субъектам, возможностям их влияния на социально-политическую сферу, доступным политическим ресурсам и последствиям укрепления экономической мощи. Осознание того, что крупные IT-корпорации являются не только разработчиками ряда сервисов и услуг, но и важными акторами, обладающими экономической и политической субъектностью, произошло, на наш взгляд, после публикаций бывшего аналитика ЦРУ и АНБ Эдварда Сноудена об участии девяти ведущих цифровых корпораций США в программе PRISM. Компании Microsoft, Yahoo, Google, Facebook, PalTalk, AOL, Skype, YouTube, Apple предоставляли разведслужбам США данные и личную информацию о своих пользователях в рамках борьбы с терроризмом³. Аналитическое разделение цифровой ТНК от ее основного продукта позволяет изучить и охарактеризовать ее как участника социально-политических процессов, оказывающего влияние на последние не только через свои сервисы, но и как традиционного представителя бизнеса.

Возросшую силу и мощь цифровых корпораций отмечают авторы доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Транснациональные гиганты ... уже сегодня на равных разговаривают с национальными и иностранными правительствами. Игнорировать их в качестве фактора национальной безопасности невозможно» [2. С. 7]. В основе их влияния, по мнению экспертов, лежит накопленная информация о пользователях и их данные (в т.ч. «цифровые следы»), а также способность посредством цифровых продуктов «транслировать на гигантскую аудиторию те или иные информационные сообщения, напрямую или косвенно — через контролируруемую выдачу по поисковым запросам...» [2. С. 7].

Стремительное распространение компьютеров и Интернета позволило цифровым ТНК увеличить свою прибыль и закрепить статус важных игроков в мировой экономике и бизнесе. Так, согласно рейтингу бизнес-журнала *Forbes* в первую сотню ведущих ТНК входит 10 компаний,

¹ Заблокирован на территории Российской Федерации

² 21.03.2022 года Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсетей Instagram и Facebook, принадлежащих Meta, экстремистской, запретив их работу в России.

³ U.S., British Intelligence Mining Data from Nine U.S. Internet Companies in Broad Secret Program // *The Washington Post*. 07.06.2013. URL: https://www.washingtonpost.com/investigations/us-intelligence-mining-data-from-nine-us-internet-companies-in-broad-secret-program/2013/06/06/3a0c0da8-cebf-11e2-8845-d970ccb04497_story.html?utm_term=.bc61d7a35b5a (дата обращения: 16.01.2023).

работающих на рынке цифровых услуг и сервисов (восемь компаний базируются в США, две — в Китае). При расчете рейтинга компании оцениваются по четырем показателям — объем продаж, прибыль, стоимость активов и рыночная стоимость (табл. 1).

Таблица 1

Положение цифровых ТНК в рейтинге журнала Forbes

Место в рейтинге Forbes Global 2000	Название компании	Страна базирования	Продажи (млрд. долл. США)	Прибыль (млрд. долл. США)	Стоимость активов (млрд. долл. США)	Рыночная стоимость (млрд. долл. США)
6	Amazon	США	469.8	33.3	420.5	1468.4
7	Apple	США	378.7	100.5	381.1	2640.3
11	Alphabet	США	257.4	76	359.2	1581.7
12	Microsoft	США	184.4	71.1	340.3	2054.3
28	Tencent Holding	Китай	86.8	34.9	252.9	414.2
33	Alibaba Group	Китай	129.7	10.1	276.2	237.7
34	Meta Platforms	США	117.9	39.3	165.9	499.8
51	Intel	США	79	19.8	168.4	190.2
92	Cisco Systems	США	51.5	11.8	94.2	213.3
98	IBM	США	67.2	5.5	133.2	124.3

Источник: составлено автором на основе [3]

Table 1

The position of digital TNCs in the Forbes magazine ranking

Rank in Forbes Global 2000	Name	Home country	Sales (billion US dollars)	Profit (billion US dollars)	Assets (billion US dollars)	Market value (billion US dollars)
6	Amazon	USA	469.8	33.3	420.5	1468.4
7	Apple	USA	378.7	100.5	381.1	2640.3
11	Alphabet	USA	257.4	76	359.2	1581.7
12	Microsoft	USA	184.4	71.1	340.3	2054.3
28	Tencent Holding	China	86.8	34.9	252.9	414.2
33	Alibaba Group	China	129.7	10.1	276.2	237.7
34	Meta Platforms	USA	117.9	39.3	165.9	499.8
51	Intel	USA	79	19.8	168.4	190.2
92	Cisco Systems	USA	51.5	11.8	94.2	213.3
98	IBM	USA	67.2	5.5	133.2	124.3

Source: compiled by the author based on [3]

Для нас как политологов основными категориями исследований являются феномены власти, влияния и государства как ключевого политического института. Поэтому исследовательский интерес представляют следующие аспекты участия IT-корпораций в политике: во-первых, каким образом и с помощью каких инструментов цифровые ТНК оказывают влияние на политическую сферу, электоральные процессы и государственное управление [4; 5]; во-вторых, взаимодействие между органами государственной власти и цифровыми корпорациями в модальностях сотрудничества, конфликта или нейтралитета [6; 7; 8; 9]; в-третьих, угрозы со стороны IT-корпораций государственному суверенитету, а также основным политическим свободам и правам граждан [10; 11; 12]. Важно отметить, что указанные выше аспекты деятельности характерны и для традиционных транснациональных корпораций, а не только цифровых ТНК. Однако, в научной литературе последние скорее рассматриваются отдельно, используется иной методологический инструментарий для анализа их деятельности, несмотря на то, что им присущи некоторые атрибуты традиционных ТНК: наличие филиалов в других странах, локализация продукции (прежде всего доступность сервиса на языке принимающей страны), размещение ресурсной базы (например, в виде серверов и необходимой инфраструктуры).

На основе проработанной литературы можно выделить ряд ключевых особенностей современных цифровых ТНК.

1. Применение «платформенной» бизнес-модели, обеспечивающей инфраструктуру для взаимодействия между производителями и потребителями, а также пользователями в единой информационной системе [13. С. 19]. Для описания развития, инструментов применения крупнейшими корпорациями и указания характеристик такой модели ряд исследователей используют термин «капитализм платформ» (platform capitalism) [14; 15; 16; 17].

2. Сбор, аккумулирование, хранение и обработка персональных данных о пользователях. Информация о пользователях и создаваемый ими контент являются основным ресурсом цифровых корпораций. Она может использоваться в рекламных целях, а также применяться для фильтрации интересных пользователю новостей и экспертных мнений.

3. Стремление к монополизации на определенном рынке или созданию новых рынков. Так, например, Amazon фактически создал и монополизировал рынок онлайн-торговли, Uber занимает доминирующее положение на рынке пассажирских перевозок, Microsoft является монополистом на рынке программного обеспечения со своей операционной системой Windows.

По мнению Ф. Фукуямы, Б. Ричмана и А. Гоэля концентрация финансовых и технических ресурсов у цифровых корпораций, а также их стремление к «информационному монополизму» создает угрозы для функционирования демократических политических институтов (в центре внимания

авторов угроза демократии в США) [18]. Опасения исследователей вызывают: возможность распространения через социальные сети фейковых новостей и продвижение теорий заговора; эффект эхо-камеры и создание единообразных информационных потоков через внедрение определенных алгоритмов; анализ и использование данных о повседневной жизни пользователей против их воли и интересов [18. Р. 102].

На наш взгляд, необходимо также акцентировать внимание на опасности, которую представляют продукты, созданные цифровыми ТНК, для легитимности власти политических лидеров. Наиболее ярким примером являются президентские выборы в США в 2016 году, когда недостатки платформ Facebook и Twitter (возможность регистрации множества аккаунтов, неэффективность алгоритмов поиска и предоставления информации, высокие возможности распространения «фейковых» новостей) поставили под сомнение легитимность избрания Дональда Трампа. Это негативно повлияло на его президентский срок, так как Трамп находился под постоянным давлением со стороны конкурентов и критиков из-за возможного вмешательства в избирательный процесс представителей других государств.

Следует добавить, что за последние несколько лет ряд площадок использовали цензуру по отношению к аккаунтам политических деятелей и официальных представительств ряда стран. Например, платформы Twitter, Facebook и YouTube заблокировали аккаунты бывшего президента США Дональда Трампа за поддержку протестующих в Вашингтоне. Тот же Twitter прибег к блокировке официального аккаунта посольства Китая в США за сообщение в защиту политики Пекина в Синцзян-Уйгурском автономном районе⁴, а также официального аккаунта Министерства иностранных дел РФ из-за публикации о возможной причастности властей США к разработке коронавируса COVID-19⁵. Эти события, несомненно, увеличивают актуальность данного исследования.

Виды власти цифровых ТНК в современных условиях

Развитие технологий, усиление роли ТНК (как ключевой разновидности бизнеса) в политико-экономических процессах и реализация различных аспектов проекта цифровой экономики стимулировали дискуссии о властных ресурсах крупного бизнеса и возможностях распространения своего влияния на политическую сферу. В своем исследовании мы сделаем попытку применить ряд концепций источников и видов власти бизнеса к анализу деятельности цифровых ТНК и платформенных компаний.

⁴ Twitter Locks Out Chinese Embassy in U.S. Over Post on Uighurs // The Bloomberg. 21.01.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-20/twitter-locks-out-chinese-embassy-in-u-s-over-post-on-uighurs?srnd=premium-europe> (дата обращения: 16.01.2023).

⁵ Twitter заблокировал аккаунт МИД России на английском языке // РБК. 09.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62f273f09a794762c2863fef> (дата обращения: 16.01.2023).

Опираясь на разработки ведущих политэкономистов и политологов, Мариус Бузмейер и Кэтлин Телен выделили три вида источников власти бизнеса: структурные, инструментальные и институциональные [19].

Основанием для структурной власти бизнеса и крупных корпораций как бизнес-единиц является его ключевое (почти привилегированное) положение в странах с рыночной экономикой и демократическим политическим режимом. Важность бизнеса обусловлена его возможностью инвестирования в экономику, а также ключевой ролью в достижении экономического роста, поддержке занятости населения и больших долей в структуре налогообложения. Как следствие, через поддержку уровня занятости и экономического роста бизнес оказывает влияние на распределение доходов и богатства в обществе [19. Р. 451]. Бузмейер и Телен акцентируют внимание на том, что возрастание роли бизнеса в развитии общества и концентрация капитала привели к ослаблению государственных институтов в части взаимодействия с предпринимателями: влияние правительства на принятие инвестиционных решений компании снижается, а наиболее эффективным способом привлечения инвестиций со стороны бизнеса является стимулирование и создание благоприятных условий [19. Р. 452].

На наш взгляд, диджитализация экономики, общества и политики позволила цифровым корпорациям и платформенным компаниям увеличить свои структурные ресурсы власти. Это прежде всего связано с их высокой ролью в построении цифровой экономики. Доступ к данным пользователей, право на важнейшие технологии и разработки, а также их эффективное внедрение привели к особому положению цифровых ТНК. Важно также отметить, что относительно слабое регулирование со стороны антимонопольных органов привело к концентрации капитала в IT-корпорациях и монополизации ряда сервисов. При этом их влияние и возможности для развития не ограничиваются демократическими и рыночными странами: цифровые корпорации эффективно работают в условиях авторитарных и гибридных политических режимов (китайский онлайн-ритейлер Alibaba, холдинг Tencent).

Вторым видом источников власти по Бузмейеру и Телен являются инструментальные. К ним относятся такие возможности бизнеса для оказания влияния на принятие политических решений как лоббизм, выстраивание отношений путем GR, финансирование избирательных и PR-кампаний.

Развитие цифровых платформ и социальных сетей, а также имеющиеся у них ресурсы для оказания влияния на политические процессы привлекли внимание представителей законодательной и исполнительной власти к деятельности цифровых ТНК. Прежде всего, власти США усилили законодательное давление и регулирование сферы IT и их представителей. В ответ ведущие компании стали уделять более пристальное внимание использованию инструментов лоббизма и увеличивать затраты на продвижение своих интересов при разработке различных законопроектов

и инициатив. Так, например, по данным Палаты представителей США⁶, в 2022 году Meta потратила на лоббирование 15,5 млн долларов США, онлайн-ритейлер Amazon — 16 млн долларов США, производитель компьютеров и ПО Apple — 6,4 млн долларов США, поисковик Google — 9,9 млн долларов США. Например, корпорация Meta лоббировала свои интересы при разработке и рассмотрении законопроектов в сфере защиты интеллектуальной собственности, кибербезопасности и защиты данных, вопросов защиты конфиденциальности, регулирования контента и онлайн-рекламы, изменения иммиграционных правил для сотрудников высокотехнологических сфер и налогового регулирования.

Представители IT-сектора также оказывают финансовую и организационную поддержку участникам избирательных кампаний. Так, например, основатель компании по разработке программного обеспечения Oracle Ларри Эллисон участвовал в организации сбора средств на избирательную кампанию Марко Рубио в 2016 году (участие в праймериз Республиканской партии) и кампанию по переизбранию Дональда Трампа в 2020 году⁷. Еще одним похожим примером является выделение средств на президентскую кампанию 2016 года Дональда Трампа со стороны основателя системы онлайн-платежей PayPal и разработчика программного обеспечения по анализу данных Palantir Питера Тия. Позже бизнесмен стал советником избранного президента⁸. (Отметим, что среди представителей IT-сферы и цифровых ТНК существовало разнообразие мнений и позиций относительно личности и политики президента Трампа. Поэтому по указанным примерам не следует делать общих обобщений и категоричных выводов о поддержке или не поддержке Трампа IT-бизнесом).

Проанализировав основные характеристики структурной и инструментальной власти бизнеса, Бузмейер и Телен предложили третий вид — институциональную власть бизнеса. Исходной точкой для развития этого вида власти является разрешение со стороны правительства выполнять частным компаниям ряд обязанностей и функций, которые обычно выполняет государство, в том числе по предоставлению общественных благ. Институциональная власть бизнеса «вытекает из прочного положения бизнес-акторов в предоставлении основных государственных функций и услуг» [19. Р. 455]. Эффективная работа бизнеса в таких сферах, как, например, образование и здравоохранение, усиливает его влияние, позволяет формировать

⁶ Clerk United States House of Representatives. URL: [https://disclosurespreview.house.gov/?index=%22lobbying-disclosures%22&size=100&sort=\[{%22_score%22:true},{%22field%22:%22registrant.name%22,%22order%22:%22asc%22}\]](https://disclosurespreview.house.gov/?index=%22lobbying-disclosures%22&size=100&sort=[{%22_score%22:true},{%22field%22:%22registrant.name%22,%22order%22:%22asc%22}]) (дата обращения: 16.01.2023).

⁷ *Schleifer T.* Larry Ellison Is Doing an Unthinkable Thing for a Tech Titan: Hosting a Fundraiser for Donald Trump // *Vox*. 12.02.2020. URL: <https://www.vox.com/recode/2020/2/12/21135722/larry-ellison-donald-trump-endorsement-fundraiser> (дата обращения: 16.01.2023).

⁸ 11 друзей Трампа: Кто из бизнесменов не боится поддерживать президента // Секрет фирмы. 15.02.2017. URL: <https://secretmag.ru/trends/players/11-druzej-trampa-kto-iz-biznesmenov-ne-boitsya-podderzhivat-novogo-prezidenta.htm> (дата обращения: 16.01.2023).

нормы, правила и инструменты распределения ресурсов и благ, т.е. институционализировать свое участие.

Бузмейер и Телен выделяют три механизма получения институциональной власти бизнесом: делегирование полномочий со стороны государства на предоставление ряда услуг; дерегулирование государством определенной сферы с целью наделения других акторов большей свободой действий; усиление и наращивание бизнес-акторами своего влияния [19. Р. 451]. На наш взгляд, именно наращивание влияния является основным механизмом, который цифровые ТНК и IT-компании используют для укрепления положения в политической сфере. Это обусловлено, прежде всего, ключевым положением и ресурсами, которыми они обладают, для реализации концепции «цифровой экономики» и перехода к следующему технологическому укладу. Так как цифровые ТНК, по сути, создали рынок цифровых услуг и являются основными субъектами «цифрового капитализма», то государство является зависимым участником в развитии этой сферы. При этом правительство может делегировать бизнесу какую-то часть своих функций по обеспечению услуг путем применения цифровых инструментов для их предоставления (электронный документооборот, электронный подсчет голосов на выборах и т.д.). IT-корпорации стремятся увеличить свою институциональную власть и нарастить влияние путем предоставления общественных благ в цифровой сфере и тем самым заменить собою институты государства. Одним из таких примеров являются проекты Facebook и Loon (одно из подразделений Google) по обеспечению скоростным Интернетом жителей отдаленных районов из развивающихся стран с помощью дронов или воздушных шаров соответственно⁹, «раздающих» сигнал для подключения к Сети. Таким способом цифровые ТНК стремятся создать необходимую инфраструктуру и базу для своей дальнейшей экспансии, нарастить количество пользователей и потенциальных покупателей продукции. Кроме того, это позволяет компаниям собирать дополнительные данные о пользователях.

Также можно отметить увеличение инвестиций в развитие IT-инфраструктуры со стороны компании Amazon. Корпорация открыла более чем в 20 странах центры обработки данных и «облачных» вычислений, позволяющих использовать их мощности для создания цифровой экосистемы, ускорения темпов цифровизации экономики и увеличения доступности Интернета¹⁰.

⁹ См.: *Hempel J.* What Happened to Facebook's Grand Plan to Wire the World? // *The Wired*. 17.05.2018. URL: <https://www.wired.com/story/what-happened-to-facebooks-grand-plan-to-wire-the-world/> (дата обращения: 16.01.2023); *Хвостик Е.* Воздушный интернет проигрывает безвоздушному // *Коммерсантъ*. 27.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4662985> (дата обращения: 16.01.2023).

¹⁰ AWS. Amazon. Глобальная инфраструктура. URL: https://aws.amazon.com/ru/about-aws/global-infrastructure/regions_az/ (дата обращения: 16.01.2023).

Еще одним примером стремления цифровых корпораций к расширению институционального влияния и заботе об общественном благе является инициатива компании Google предоставить бесплатный доступ к сервису видеоконференций Google Meet в период пандемии коронавируса COVID-19 в апреле 2020 года¹¹. Данный шаг, кроме расширения базы пользователей и повышения лояльности аудитории бренду, демонстрирует определенный уровень заботы компании о своих клиентах и стремление корпорации бесплатно «делиться» своими разработками для пользы общества. Кроме этого, компания закрепляет если не монопольное положение в сфере обеспечения коммуникации и общения между индивидами в период пандемии (так как есть и другие подобные цифровые сервисы — Zoom, Microsoft Teams), то уж точно показывает, что имеет больше цифровых средств для этого, чем различные государственные институты и акторы.

Для удобства представления мы приведем характеристики источников власти, используемых цифровыми ТНК, в табличный вид (табл. 2).

Таблица 2

Источники власти цифровых транснациональных корпораций

Источники власти	Основные характеристики	Ресурсы
Структурные	Ключевое положение цифрового бизнеса в странах, стремящихся к реализации модели цифровой экономики; Важная роль в разработке и внедрении цифровых технологий в различные сферы деятельности; Концентрация капитала в IT-корпорациях и слабое регулирование антимонопольными органами.	Доступ к данным пользователей; Монополизация ряда цифровых сервисов и сфер (социальные сети, предоставление видеоконтента), позволяющих формировать картину мира граждан, транслировать выгодные для себя «смыслы».
Инструментальные	Влияние на принятие решений через лоббизм, GR, участие в финансировании избирательных и PR-кампаний.	Использование финансовой прибыли для лоббизма выгодных законопроектов и поддержки кандидатов; Возможность привлечения ведущих специалистов в сфере лоббизма и GR.
Институциональные	Взятие на себя ряда государственных функций; Стремление к общественному благу; Развитие цифровой инфраструктуры.	Преимущество перед государством в разработке и внедрении ключевых цифровых технологий; Управление цифровой инфраструктурой в других странах.

Источник: составлено автором на основе концепции источников власти бизнеса [19].

¹¹ Федуненко Е. Google сделал сервис видеоконференций Meet бесплатным // Коммерсантъ. 29.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4334514> (дата обращения: 16.01.2023).

Table 2

Sources of Power of Digital TNCs

Sources of business power	Main characteristics	Resources
Structural sources	<ul style="list-style-type: none"> • The key position of digital business in countries seeking to implement the digital economy model; • An important role in the development and implementation of digital technologies in various fields of activity; • Concentration of capital in IT-corporations and weak regulation by antitrust authorities 	<ul style="list-style-type: none"> • Access to user data; • Monopolization of a variety of digital services and areas (social networks, provision of video content), which allow forming a convictions of citizens, broadcasting beneficial ideas.
Instrumental sources	<ul style="list-style-type: none"> • Influence on decision-making through lobbying, GR, participation in the financing of election and PR campaigns. 	<ul style="list-style-type: none"> • Using financial profits to lobby for profitable bills and support candidates; • Opportunity to attract leading experts in the field of lobbying and GR.
Institutional sources	<ul style="list-style-type: none"> • Taking on a number of government functions; • Striving for the public good; • Development of digital infrastructure. 	<ul style="list-style-type: none"> • Advantage over the government in the development and implementation of key digital technologies; • Digital infrastructure management in other countries.

Source: compiled by the author based on the concept of sources of business power: [19].

По результатам анализа можно сделать вывод, что цифровые ТНК в достаточной степени обладают структурной и инструментальной властью, а для достижения институциональной власти стремятся к реализации «цифровых прав граждан» и снижению «цифрового неравенства». В случае эффективности подобных проектов цифровые ТНК закрепят свое положение в «цифровой эпохе» и отодвинут государство на второй план, оставив ему минимальное количество функций в данной сфере. Наш небольшой анализ показывает, что цифровые корпорации уже превосходят государство по уровню технологического развития и качеству предоставления услуг пользователям, их «близости» к конкретному потребителю.

Высокие темпы развития и распространения цифровых технологий, как и любой сложный процесс, приносят с собой как большие возможности и различные блага, так и угрозы и негативные последствия на глобальном уровне (рост цифрового неравенства, защита конфиденциальности и персональных данных, кибершпионаж и кибертерроризм и т.п.). Ответом на указанные вызовы может стать только скоординированное сотрудничество институтов государства, бизнеса и гражданского общества на всех уровнях взаимодействия. Поэтому политическое руководство страны, представители цифровых компаний, образования и некоммерческого сектора должны сформулировать базовые идеи и смыслы подобного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Gazzaley A., Rosen L.* The Distracted Mind: Ancient Brains in a High-Tech World. Cambridge: The MIT Press, 2016. 304 p.
2. *Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцов А.* Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Январь 2021. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/01/valdajskij-doklad_konkurencziya-i-liderstvo-v-cifrovoj-srede.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
3. *Murphy A., Contreras I.* The Global 2000 // *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/?sh=37c9fed45ac0> (дата обращения: 16.01.2023).
4. *Moore M., Tambini D.* Digital Dominance: The Power of Google, Amazon, Facebook¹², and Apple. New York, NY: Oxford University Press, 2018. 440 p.
5. *Kreiss D.* Seizing the Moment: The Presidential Campaigns' Use of Twitter During the 2012 Electoral Cycle // *New Media & Society*. 2016. Vol. 18. Issue 8. P. 1473–1490. DOI: 10.1177/1461444814562445
6. *Triolo P.* The Digital Silk Road and the Evolving Role of Chinese Technology Companies // *The Digital Silk Road*. D. Gordon, N. Meia (eds.). London: Routledge, 2022. P. 65–88.
7. *Данилин И.В.* Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 10. С. 73–80. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-73-80>
8. *Thelen K.* Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States // *Perspectives on Politics*. 2018. Vol. 16. P. 938–953. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>
9. *Томин Л.В.* Отношения государства и корпораций в эпоху «капитализма платформ» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019. Т. 15. № 4. С. 483–496. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403>
10. *Ровинская Т.Л.* Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 2. С. 22–36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03>
11. *Oldenbourg A.* Digital Freedom and Corporate Power in Social Media // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 31.08.2022. <https://doi.org/10.1080/13698230.2022.2113228>
12. *Kelton M., Sullivan M., Rogers Z., Bienvenue E., Troath S.* Virtual Sovereignty? Private Internet Capital, Digital Platforms and Infrastructural Power in the United States // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. Issue 6. P. 1977–1999. DOI:10.1093/ia/iiaac226
13. *Паркер Д., Ван Альстин М., Чаудари С.* Революция платформ: как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
14. *Канарш Г.Ю.* Капитализм платформ, эксплуатация и неравенство. Часть I // *Знание. Понимание. Умение*. 2022. № 1. С. 86–103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.7>
15. *Канарш Г.Ю.* Капитализм платформ, эксплуатация и неравенство. Часть II // *Знание. Понимание. Умение*. 2022. № 2. С. 115–129. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.8>
16. *Rahman K.S., Thelen K.* The Rise of the Business Model and the Transformation of Twenty-first-century Capitalism // *Politics & Society*. 2019. Vol. 47. Issue 2. P. 177–204. <https://doi.org/10.1177/003232921983893>
17. *Srnicek N.* Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2016. 120 p.
18. *Fukuyama F., Richman B., Goel A.* How to Save Democracy from Technology // *Foreign Affairs*. 2021. Vol. 100. № 1. P. 98–110.
19. *Busemeyer M., Thelen K.* Institutional Sources of Business Power // *World Politics*. 2020. Vol. 72. Issue 3. P. 448–480. DOI: 10.1017/S004388712000009X

¹² 21.03.2022 года Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсетей Instagram и Facebook, принадлежащих Meta, экстремистской, запретив их работу в России

REFERENCES

1. Gazzaley A., Rosen L. *The Distracted Mind: Ancient Brains in a High-Tech World*. Cambridge: The MIT Press; 2016. 304 p.
2. Bezrukov A., Mamonov M., Suchkov M., Sushentsov A. Mezhdunarodnaya konkurenciya i liderstvo v tsifrovoi srede [International Competition and Leadership in the Digital Environment]. *Report of the Valdai International Discussion Club*. January 2021. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/01/valdajskij-doklad_konkurenciya-i-liderstvo-v-cifrovoj-srede.pdf (accessed: 16.01.2023) (In Russ.).
3. Murphy A., Contreras I. The Global 2000. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/?sh=37c9fed45ac0> (accessed: 16.01.2023).
4. Moore M., Tambini D. *Digital Dominance: The Power of Google, Amazon, Facebook¹³, and Apple*. New York, NY: Oxford University Press; 2018. 440 p.
5. Kreiss D. Seizing the Moment: The Presidential Campaigns' Use of Twitter During the 2012 Electoral Cycle. *New Media & Society*. 2016;18(8):1473–1490. DOI: 10.1177/1461444814562445
6. Triolo P. The Digital Silk Road and the Evolving Role of Chinese Technology Companies. *The Digital Silk Road*. Gordon D., Meia N. (eds.) London: Routledge; 2022:65–88.
7. Danilin I.V. Bor'ba s internet-monopoliyami v Kitae i SSHA [Fighting Internet Monopolies in China and the U.S.A.] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022;66(10):73–80. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-10-73-80 (In Russ.).
8. Thelen K. Regulating Uber: The Politics of the Platform Economy in Europe and the United States. *Perspectives on Politics*. 2018;16:938–953. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592718001081>
9. Tomin L.V. Otnosheniya gosudarstva i korporatsii v epokhu «kapitalizma platform» [The Relationship of the State and Corporations in the Age of “Platform Capitalism”]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2019;15(4):483–496. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403> (In Russ.).
10. Rovinskaya T.L. Svoboda slova v usloviyakh tsifrovoi diktatury IT-korporatsii [Freedom of Speech Amid the Digital Dictatorship of IT Corporations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022;2:22–36. DOI 10.17976/jpps/2022.02.03 (In Russ.).
11. Oldenbourg A. Digital Freedom and Corporate Power in Social Media. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 31.08.2022. <https://doi.org/10.1080/13698230.2022.2113228>
12. Kelton M., Sullivan M., Rogers Z., Bienvenue E., Troath S. Virtual Sovereignty? Private Internet Capital, Digital Platforms and Infrastructural Power in the United States. *International Affairs*. 2022;98(6):1977–1999. DOI:10.1093/ia/iiaac226
13. Parker G., Van Alstyne M., Coudary S. *Revolyutsiya platform: kak setevye rynki menyayut ekonomiku — i kak zastavit' ikh rabotat' na vas* [Platform Revolution: How Networked Markets are Transforming the Economy — and How to Make Them Work for You]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 304 p. (In Russ.).
14. Kanarsh G.Yu. Kapitalizm platform, ekspluatatsiya i neravenstvo. Chast' I [Platform Capitalism, Exploitation and Inequality. Part I]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2022;1:86–103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.7> (In Russ.).
15. Kanarsh G.Yu. Kapitalizm platform, ekspluatatsiya i neravenstvo. Chast' II [Platform Capitalism, Exploitation and Inequality. Part II]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2022;2:115–129. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.8> (In Russ.).
16. Rahman K.S., Thelen K. The Rise of the Business Model and the Transformation of Twenty-first-century Capitalism. *Politics & Society*. 2019;47(2):177–204. <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>
17. Srnicek N. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press; 2016. 120 p.

¹³ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied the claim of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activities of the social networks Instagram and Facebook, owned by Meta, as extremist, banning their work in Russia

18. Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to Save Democracy from Technology. *Foreign Affairs*. 2021;100(1):98–110.
19. Busemeyer M., Thelen K. Institutional Sources of Business Power. *World Politics*. 2020;72(3):448–480. DOI: 10.1017/S004388712000009X

Информация об авторе:

Зайцев Станислав Юрьевич — кандидат политических наук, младший научный сотрудник кафедры политологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (ORCID ID: 0000-0003-0319-4552) (e-mail: s.zaycev@epsis.ru).

Information about the author:

Stanislav Y. Zaytsev — PhD in Political Science, Junior Researcher of the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0319-4552) (e-mail: s.zaycev@epsis.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-130-143

EDN: CNUECH

Research article / Научная статья

An Assessment of User Satisfaction with E-Police in Nigeria

Kazeem A. Oladimeji¹ ✉, Abdulrazaq K. Abdulkareem²

¹Al-Hikmah University,
Ilorin, Kwara State, Nigeria

²University of Ilorin,
Ilorin, Nigeria

✉ Oladimeji.ka1@gmail.com

Abstract. This study assessed user satisfaction with e-policing in Nigeria using a quantitative approach. The need for the study was necessitated due to insufficient empirical studies on the impact of information and communications technology on security in Nigeria, particularly the police. This study in particular examined the influence of the quality of the e-police information technology (service quality, system quality and information quality) on user satisfaction, while perceived usefulness was used as a mediator in the relationship. Data was gathered through a structured survey administered to Nigerians online, emphasis was given to citizens with earlier contact with the police online either through the web or social media. The collected data was analyzed using PLS-SEM and SmartPLS 4 as the analytical software. The result showed that all hypotheses were significant. In particular, all the quality dimensions were positive and significant with perceived usefulness and user satisfaction, while perceived usefulness partially mediate the relationships between the quality dimensions and user satisfaction with e-police. The result implies that the degree of satisfaction that users have with e-government services is connected with the level of perceived usefulness of those services. Therefore, it is noted that perceived usefulness is a crucial factor in determining whether or not people will adopt e-policing and that this factor has a substantial bearing on the degree to which users are satisfied with the system.

Keywords: e-police, user satisfaction, perceived usefulness, information systems, ICT

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 25.12. 2022. The article was accepted on 12.01.2023.

For citation:

Oladimeji K.A., Abdulkareem K.A. An Assessment of User Satisfaction with E-Police in Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):130–143. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-130-143>

© Oladimeji K.A., Abdulkareem K.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

E-government is a concept that has been embraced by numerous governments across the globe over the course of the past several decades. The primary objective of e-government is to increase the effectiveness of government operations on the internal level, as well as to improve communication with the general public, increase transparency, and build trust among citizens. Along the same lines as this e-government project is the requirement to enhance public safety via the use of technology, which is also referred to as e-police. According to Matlala [1], e-police is the process through which the police and the general public communicate and share information and services via the internet. The provision of police services through the use of the internet, which may include websites, electronic mail, fax machines, and other services. E-policing is a concept that was established with the objective of boosting openness, efficiency, and effectiveness improving overall public safety in the provision of policing services which can be accomplished by establishing an online presence for the police department. Policing is one of the most significant areas in which digital technology may be of tremendous use to state–society interactions on a global scale. Most governments in the world have achieved this by providing a variety of online police services, such as those found on social media platforms like Facebook¹, Twitter², and YouTube, as well as on the web. Smartphones and social media provide up new opportunities for citizen empowerment, permit improved openness for law enforcement agencies and the services they provide, and facilitate better interaction between the public and the police.

As public safety organizations and the police force continue to deal with new circumstances, each of which presents a unique set of opportunities to implement significant reforms, the current situation globally, suggests there is a possibility that digital technology would make it easier for community organizations and NGOs to coordinate responses to crime, moderate instances of police ineptitude and corruption. However, one of the primary impediments to the installation and exploitation of technology is the lack of an interoperable communication channel that facilitates information sharing between law enforcement and individuals. Developing an information society with a culture that readily absorbs information technology depends on citizens' mindsets or degrees of perception. E-policing is considered as incorporating both the police and the public in cooperative problem-solving, in addition to harnessing the internet to deliver services more efficiently and inexpensively. It is possible that the effect of e-policing systems on police-community relations might be limited by a number of different elements, such as the type of technology, the level of adoption, and the utilization of such data. According

---

¹ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied the claim of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activities of the social networks Instagram and Facebook, owned by Meta, as extremist, banning their work in Russia.

² Banned on the territory of the Russian Federation.

to, most law enforcement organizations have enthusiastically embraced information technology and invested a significant amount of capital in the establishment of appropriate systems [2]. This study tries to bridge the gap between the evidence that is currently available from the literature that reveals an unconfirmed relationship between the usage and satisfaction with ICT adoption in the security system and the functioning of police, in particular [3].

The Nigerian government is working to improve public sector transparency, accountability, and people's trust in the public sector by increasing its social and technical competence in the public service sector [4]. Similar to this is the newly unveiled e-government master plan, which is facilitating the continuous operation of an effective e-government system across the country. E-government has already been adopted in many federal system activities, such as the customs services, immigration services, financial payroll system for the federal civil service, e-procurement, education system, telehealth reforms and electronic financial reporting system, all of which are aimed at positively influencing transparency and accountability in the public financial management [5].

Over the course of the last decade, the Nigerian Police Force has made investments in the dissemination of information and provision of additional law enforcement services over the internet [6]. Previously, the state of affairs in the police force is a manual desk approach to crime reporting and bureaucratic characteristics of leadership within the force. These approaches have been criticized over the years as largely ineffective and wasteful. Therefore, solving this problem requires the use of ICT in the police force for crime reporting, monitoring and action. Some such improvement is the establishment of the Public Complained Rapid Response Unit (PCRRU) which is technologically driven using social media platforms, real-time calls and short messaging services. This service does not only aim at connecting citizens with the police force but also to correct the internal bureaucratic corruption in the police force.

Although these efforts have been made to increase police capacity through the implementation of technology-based initiatives, the rate of crime appears to be rising as a result of the failure to stop crimes, corruption, and human rights violations, therefore the force has been criticized for poor performance and dissatisfaction from the public. This indicates that there is a need for an overall policy assessment concerning both the performance of technology and the general police force. As a result, it is essential to collect data and conduct an analysis of how the information systems gathered are utilized to achieve the desired results. On the one hand, more recent data suggests that very little study has been conducted on how the use of information technology in the security architecture of the country, except for a few such as Odeyemi and Obiyan [6], Ibikunle and Adefihan [7] which are qualitative researches. More so, it is important to establish how the deployment of ICT has influenced the efficiency of police work and the level of satisfaction felt by the citizens in the context of the existing style of operations.

Theoretical background

The combination of the information system success model and the technology acceptance model serves as the theoretical basis for this investigation [8, 9]. Wixom and Todd developed an integrated model that distinguishes between beliefs and attitudes regarding the system itself and beliefs and attitudes regarding one's use of the system. They developed a theoretical logic that establishes a relationship between user satisfaction and acceptance of technology. This model closes the gap between the properties of the system and the ways in which it is used. Within the framework of the paradigm, user satisfaction is composed of object-based beliefs (relating to the quality of the information and the system) and object-based attitudes (information satisfaction and system satisfaction). According to the model developed by Wixom and Todd, there are three components that make up the adoption of technology: behavioural beliefs (including perceived usefulness and perceived ease of use), behavioural attitude and intention. Through their approach, the Technology Acceptance Model recognized satisfaction, and they stated that the quality of the system and information leads to satisfaction, which then results in perceived usefulness and ease of use. Their model identified satisfaction with the Technology Acceptance Model [8].

In a similar vein, DeLone and McLean [10] IS Success Model provides a helpful and all-encompassing framework for understanding IS success' multidimensionality [11]. Due to the fact that DeLone and McLean's information systems success model places a strong emphasis on being all-encompassing, it has been extensively used and cited by a large number of studies [12]. The model provides the service features of an information system to the degree that it can predict the user satisfaction, intention to use, or actual usage of such a system, as well as the net benefit of such a system. System quality may be defined as the degree to which an information system is able to fulfil a user's information needs by producing the requested data. Usability, utility, dependability, flexibility, data processing quality, portability, and compliance are all important considerations for system quality [13]. The performance of the system is an indication of how well the hardware and software collaborate to produce the desired results. The information quality of the system is used as a yardstick to measure the information output quality. The characteristics of the information that is generated by the information system are as follows: comprehensiveness, accuracy, accessibility, timeliness, consistency, and understandability [14].

In addition, the Technology Acceptance Model (TAM) was developed with the intention of providing an explanation of the determinants of information system acceptance that is broad, and capable of explaining user behaviour across a broad range of end-user computing technologies and user populations while simultaneously being parsimonious and theoretically justified [14]. The Technology Acceptance Model encompasses a wide variety of information technologies as well as user demographics, and it provides basic criteria that

explain user behaviour [15]. Perceived usefulness and perceived ease of use are the two particular beliefs that were put into the TAM's basic model. When compared to perceived usefulness, which refers to the importance or benefits derived from utilizing the system, perceived ease of use shows the amount of work that is required to operate a certain technology.

Hypothesis formation

Quality dimensions and perceived usefulness

The relevance of services is an essential component that influences users' views of the quality of services that are delivered on online platforms [16]. For the purpose of this study, the primary determinants that shape users' opinions regarding the usage or non-use of e-policing services are the perceived importance of the use of those services by citizens. Researchers working in the field of traditional information systems are of the opinion that the quality of the system, such as the e-police system, is the single most essential factor in determining the level of safety provided by any interactive information system [17; 18]. As the quality of the system continues to advance, it is predicted that both the level of user satisfaction and the degree to which they view the system as beneficial will rise [19; 20]. Previous research has demonstrated that users' perception of the usefulness of information and communication technologies (ICT) is substantially influenced by the effectiveness of the devices deployed [17; 19]. Therefore, the success of the information quality dimension is a useful function that is associated with the performance of information systems. Previous studies have demonstrated that individuals' perceptions of an information system's usefulness are greatly impacted by its quality parameters [17; 21; 22]. Wang and Teo [23] discovered that there is a reasonable level relationship between the quality of the information system and how valuable it is regarded to be. As a result, the hypothesis of this study is that

H1: Information quality will influence the perceived usefulness of e-police

H2: System quality will influence the perceived usefulness of e-police

H3: Service quality will influence the perceived usefulness of e-police

Perceived usefulness and user satisfaction

The perceived usefulness of an information system component is one of the fundamental concepts behind TAM. For this study, it is presumed that perceived usefulness refers to the perceived utility of e-police.

Perceived usefulness can be understood from different perspectives such as Davis [15] defines perceived usefulness as the degree to which a person feels that the usage of specific information systems might boost efficiency. Similarly, it can be assumed to be a belief in the process of decision-making based on the utility of an object. The perceived usefulness of a product or service is one of the most important variables in determining whether or not a user will continue to make use of it, as well as how satisfied [24; 25]. According to the argument that was presented by Shiau and Luo [26], the inclusion of the factor of user satisfaction in the study offers a considerable contribution to the degree of explanation of the perceived usefulness. According to Sun, Fang [27], user satisfaction is a crucial component in the desire to use modern technology and is effective in analyzing the impact of information and communication technology (ICT) and internet and web-based systems. As a result, the following hypotheses are drawn:

H4: Perceived usefulness of e-police will influence User Satisfaction with e-police

H5: Perceived usefulness will mediate the relationship between information quality and user satisfaction with e-police

H6: Perceived usefulness will mediate the relationship between system quality and user satisfaction with e-police

H7: The perceived usefulness mediates the relationship between service quality and user satisfaction with e-police

Methodology

An online survey was conducted in Nigeria using a pre-designed questionnaire to collect the necessary information for this study. A significant amount of consideration was given to respondents' levels of user experience and history of engagement with the government via electronic portals. The survey gathered data on the conceptual measurements of the constructs as well as the demographic information of the respondents. For the purpose of the study, a seven-point agreement measure based on the Likert scale was developed. The respondent's confidentiality was ensured at all times. Ethical issues were taken into account, as evidenced by the fact that the questionnaire does not contain any questions that may be used to identify the individuals who filled it out. Additionally, the participants had the option to end their involvement at any moment without coercion.

The survey had items that were utilized for the measurement of a variety of constructs that were utilized for the study. Five items derived from Davis [15] were used to conduct the study's assessment of perceived usefulness. The sample of the items used includes "e-police platforms improve crime reporting to the police" "e-police platforms enhance public safety watch" "e-police makes the processing of case files effective" "e-police

makes complain tracking easy” and “e-police enables quick intervention of the police at crime scenes”. The level of satisfaction with the services provided by the electronic government was evaluated using four questions adapted from Spreng, MacKenzie [28] such as “I am fulfilled with the level of e-police” “I am satisfied with the quality of the information provided on the e-police platform” “I am happy with the system quality of the e-police” and “I am satisfied with the case tracking system of the e-police”. The quality dimensions of the e-police services were measured using items adapted from Urbach and Müller [29] such as “the information provided on the e-police platforms is accurate” “the information provided on the police website is complete” “the social media platform of the police provide up to date information” “the social media platform of the police is responsive” “the police gives quick response to complaints” “the police website is easy to navigate”.

In this study partial least squares structural equation modelling (PLS-SEM) was utilized with the help of SmartPLS 4. A total of 567 respondents responded to the online questionnaire. 497 had previously interacted with the police online through Facebook (37%), Twitter (23%), e-mail: (14%), SMS (19%) and other online platforms (7%). On the basis of the demographic features of the respondents, there is a greater number of male (62%) respondents than there are female respondents (38%). In addition to holding a bachelor’s degree (64%), a sizeable percentage of respondents also have post-graduate qualifications in their fields of study (23%). The majority of the respondents are those between the age of 25 and 35 years (47%), followed by the category between 36 to 45 years (28%). The least age group are those below 25 years (10%). The rest had secondary and post-primary education (13%). More than half of those who participated in the survey have communicated with the police through the internet in the last half year (74%). In addition, we examined for common method bias, and as can be shown in Table 1, all of the Variance Inflation Factor (VIF) values are less than 3.3, which shows that our instrument is not affected by common method bias [30].

Analysis

Measurement model

A review and analysis of the measuring model was the first step in this process. In the course of this evaluation, the measures that were used to characterize the separate components were subjected to checks for both their reliabilities and their validities. It was determined to analyze the convergent validity, discriminant validity, internal consistency reliability, and indicator reliability tests. The results of evaluating the measurement model are presented in Table 1, which summarizes the data. The result of the Internal Consistency Reliability and construct reliability tests met the required minimum level of 0.709 and 0.700, respectively. In addition, the construct

validity was investigated using Average Variance Extracted, and the findings revealed that every construct was valid up to the threshold of 0.500. This was determined by the fact that the results of the investigation showed that the average variance extracted was acceptable. Furthermore, the discriminant validity was examined as well. Because of this, as can be seen in Table 2, none of the values was higher than the 0.8 thresholds [31]; hence, this proves that every construct in the model is different from each other.

Table 1

Factor loadings, reliability and convergent validity

Constructs	Items	Loadings	CR	AVE	VIF
Information Quality	IQ1	0.752	0.814	0.641	2.210
	IQ2	0.847			
	IQ3	0.859			
	IQ4	0.782			
	IQ5	0.790			
	IQ6	0.768			
Perceived Usefulness	PU1	0.813	0.807	0.661	1.892
	PU2	0.871			
	PU3	0.759			
	PU4	0.791			
	PU5	0.827			
Service Quality	SQ1	0.670	0.841	0.515	1.903
	SQ2	0.768			
	SQ3	0.718			
	SQ4	0.709			
	SQ5	0.721			
User Satisfaction	ST1	0.861	0.818	0.691	2.238
	ST2	0.870			
	ST3	0.883			
	ST4	0.795			
System Quality	SY1	0.805	0.814	0.728	1.227
	SY2	0.842			
	SY3	0.802			
	SY4	0.832			
	SY5	0.873			

Table 2

Discriminant validity (HTMT)

	IQ	PU	SQ	SY	US
IQ					
PU	0.566				
SQ	0.393	0.433			
SY	0.453	0.618	0.255		
US	0.595	0.731	0.305	0.712	

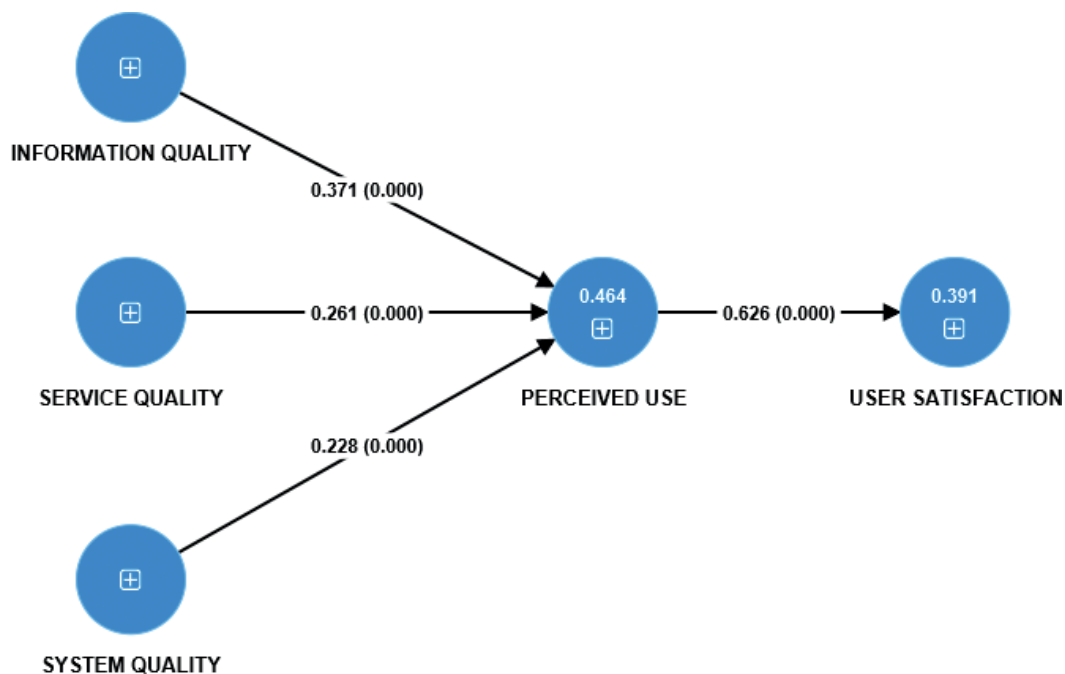
Structural model

The structural model was examined by assessing the interrelationship between the quality dimensions, perceived usefulness and user satisfaction. First, the predictive accuracy of the structural model shows a medium explanatory power for both perceived usefulness (44 %) and user satisfaction (42 %). More so, the effect sizes of the hypothesized paths showed that IQ and SY have medium effect sizes on PU, while SQ has a low effect size. More so PU has a large effect on user satisfaction. The predictive relevance of the model showed that Q² value of PU is 0.346 while, US has a Q² value of 0.267 which is greater than zero. The result of the hypothesized paths as shown in Table 3 and Figure 1 further showed that information quality has a significant relationship with perceived usefulness and user satisfaction positively. Also, service quality influences both user satisfaction and perceived usefulness positively and significantly. System quality also influences user satisfaction and perceived usefulness positively and significantly. The result also showed that perceived usefulness also partially mediates the relationships between the quality dimensions and user satisfaction with e-police.

Table 3

Hypotheses result

	β	St dev	T value	P values	5.00 %	95.00 %
INF QUA -> PER USE	0.371	0.039	9.496	0.000	0.315	0.441
PER USE -> USER SAT	0.626	0.029	21.568	0.000	0.580	0.673
SER QUA -> PER USE	0.261	0.040	6.523	0.000	0.200	0.330
SYS QUA -> PER USE	0.228	0.043	5.269	0.000	0.149	0.298
Indirect Relationships						
SER QUA -> PER USE -> USER SAT	0.163	0.024	6.770	0.000		
SYS QUA -> PER USE -> USER SAT	0.143	0.030	4.776	0.000		
INF QUA -> PER USE -> USER SAT	0.232	0.027	8.596	0.000		

Fig. 1. Structural model result

This suggests that citizens will find the e-police platforms useful provided the appropriate information, services, and processes are put into place. As a consequence of this, the kind of information that is provided by the system will have a role in determining how the public views the e-police system. In addition, the quality, timeliness, and relevancy of the information will determine whether or not the general public has a positive or negative perception of the system. In a manner akin to this, the public’s impression of the e-police system is dependent on the usability of the user interface. This encompasses aspects such as navigation, accessibility, and instructional language. A dependable and comprehensive system to improve security services, including security reporting and case files, should be provided through a high-quality e-police system. This system should also be all-encompassing. Because of this, the system needs to be capable of providing users with the most advantages that are feasible. Users expect that an electronic policing system that is trustworthy, up-to-date, and easy to use will improve the efficiency of the existing system and make their lives more secure. As a result, the capabilities of the e-policing platform, system, and service ought to be strengthened to serve the public’s best interests, and their level of performance ought to be enhanced.

The degree of satisfaction that users have with e-government services is connected with the level of perceived usefulness of those services. Increasingly, citizens are becoming aware of the fact that perceived usefulness is one of the most significant factors in determining whether or not people will adopt e-policing, and it also plays a significant role in the degree to which they are satisfied with the system. This indicates that users will utilize the e-policing system based on how beneficial they perceive it to be and that they

will likely assume that the platform will significantly increase their security and quality of life through intelligent case reporting and efficient monitoring. This is because of the fact that users will be able to access the system from their mobile devices. In addition, a user's perception of how effective a system is, plays a large part in how satisfied they are with it; for this reason, the usability of the e-policing system will be a primary concern during the process of putting it into place. As a consequence of this, the e-police system has to have the appropriate updates and maintenance performed on it in order for the general public to accept it as an enhanced security system.

Conclusion

A quantitative method was taken in the course of this research project in order to investigate the level of user's satisfaction of the citizens with the Nigerian e-police system. A conceptual model was developed on the basis that the quality dimensions of the information system (information, system, and service qualities) will impact the perceived usefulness of e-police, which will influence user satisfaction with e-police. All the hypotheses that were mentioned were put to the test and found supported. The findings of the study consequently point to the conclusion that there is a requirement to enhance the correctness, comprehensiveness, completeness, and updating of the information that is supplied by the police website to the citizens. In addition, the architecture of the system, including both the software and the hardware, have to be modernized in order to make the process of reporting crimes as simple as possible. When the services offered by the police online are timely and effective, users will have a greater chance of expressing satisfaction with the system. More so, when the citizens believe that the information, system, and services provided by the police department are efficient, they will continue to utilize the e-police system.

REFERENCES

1. Matlala R.L. Defining E-policing and Smart Policing for Law Enforcement Agencies in Gauteng Province. *Acta Criminologica: African Journal of Criminology & Victimology*. 2018;31(1):136–148.
2. Stoianov N., et al., Integrated Security Infrastructures for Law Enforcement Agencies. *Multimedia Tools and Applications*. 2015;74(12):4453–4468.
3. Willis J.J., Koper C.S., Lum C. Technology Use and Constituting Structures: Accounting for the Consequences of Information Technology on Police Organisational Change. *Policing and Society*. 2018.
4. Abdulkareem A.K., Ishola A.A. E-government in Nigeria: Progress and Prospects. *Ilorin Journal of Administration and Development*. 2016;2(1):59–67.
5. Abdulkareem A.K. Challenges of E-government Implementation in the Nigerian Public Service. *Journal of Creative Writing*. 2015;1(04):45–56.
6. Odeyemi T.I., Obiyan A.S. Digital Policing Technologies and Democratic Policing: Will the Internet, Social Media and Mobile Phone Enhance Police Accountability and Police–citizen Relations in Nigeria? *International Journal of Police Science & Management*. 2018;20(2):97–108.

7. Ibikunle F., Adefihan B. Effectiveness of Information and Communication Technology (ICT) in Policing in Nigeria. *Scottish Journal of Arts, Social Sciences and Scientific Studies*. 2013;90–103.
8. Wixom B.H., Todd P.A. A Theoretical Integration of User Satisfaction and Technology Acceptance. *Information Systems Research*. 2005;16(1):85–102.
9. Nelson R.R., Todd P.A., Wixom B.H. Antecedents of Information and System Quality: an Empirical Examination within the Context of Data Warehousing. *Journal of Management Information Systems*. 2005;21(4):199–235.
10. DeLone W.H., McLean E.R. Information Systems Success: The Quest for the Dependent Variable. *Information Systems Research*. 1992;3(1):60–95.
11. Scott M., DeLone W., Golden W. Measuring eGovernment Success: A Public Value Approach. *European Journal of Information Systems*. 2016;25(3):187–208.
12. Abdulkareem A.K., Ramli R.M. Does Trust in E-government Influence the Performance of E-government? An Integration of Information System Success Model and Public Value Theory. *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2021.
13. Smith D.P. E-government Initiatives Case Study: New Models for Success. *International Journal of Applied Management and Technology*. 2016;15(1):2.
14. Poelmans S., Reijers H.A., Recker J. Investigating the Success of Operational Business Process Management Systems. *Information Technology and Management*. 2013;14(4):295–314.
15. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. 1989;13(3):319–340.
16. Kearns I. *Public Value and E-government*. London: Citeseer; 2004.
17. Chang C.-Y., et al. A Smart Public Security Strategy: The New Taipei City Technology Defense Plan. *Procedia Computer Science*. 2019;159:1715–1719.
18. Hingorani I., et al. Police Complaint Management System Using Blockchain Technology. *2020 3rd International Conference on Intelligent Sustainable Systems (ICISS)*. 2020.
19. Hasan M.M. *Evaluation of Citizen Help Request (CHR) initiated by Bangladesh Police: A Case Study*. 2012.
20. Borovec K., Balgac I. Contribution of Internal Communication in Predicting Job Satisfaction among Police Officers. *Kriminologija i Socijalna Integracija*. 2017;25:17.
21. Omoregbe N., et al. Design and Implementation of an E-Policing System to Report Crimes in Nigeria. *Data, Engineering and Applications*. Springer; 2019:267–275.
22. Agbozo E. An E-policing Model for the Ghana Police Service. *Policija i Sigurnost*. 2017;26 (4/2017):365–374.
23. Wang C., Teo T.O. Online Service Quality and Perceived Value in Mobile Government Success: An Empirical Study of Mobile Police in China. *International Journal of Information Management*. 2020;52:102076.
24. Ibrahim A.N.H., Borhan M.N. The Interrelationship between Perceived Quality, Perceived Value and User Satisfaction towards Behavioral Intention in Public Transportation: A Review of the Evidence. *International Journal on Advanced Science, Engineering and Information Technology*. 2020;10(5):2048.
25. Levy Y., Murphy K.E., Zanakis S.H. A Value-satisfaction Taxonomy of IS Effectiveness (VSTISE): A Case Study of User Satisfaction with IS and User-perceived Value of IS. *International Journal of Information Systems in the Service Sector (IJISSS)*. 2009;1(1):93–118.
26. Shiau W.-L., Luo M.M. Factors Affecting Online Group Buying Intention and Satisfaction: A Social Exchange Theory Perspective. *Computers in Human Behavior*. 2012;28(6):2431–2444.
27. Sun Y., et al. User Satisfaction with Information Technology Service Delivery: A Social Capital Perspective. *Information Systems Research*. 2012;23(4):1195–1211.
28. Spreng R.A., MacKenzie S.B., Olshavsky R.W. A Reexamination of the Determinants of Consumer Satisfaction. *Journal of Marketing*. 1996;60(3):15–32.
29. Urbach N., Müller B. The Updated DeLone and McLean Model of Information Systems Success. *Information Systems Theory*. Ed. by Y.K. Dwivedi, M.R. Wade, S.L. Schneberger. Springer; 2012:1–18.
30. Kock N. Common Method Bias: A Full Collinearity Assessment Method for PLS-SEM. *Partial Least Squares Path Modeling*. Springer; 2017:245–257.

31. Henseler J., Ringle C.M., Sarstedt M. A New Criterion for Assessing Discriminant Validity in Variance-based Structural Equation Modeling. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015;43(1):115–135.
32. Kim Y., Lee H.S. Quality, Perceived Usefulness, User Satisfaction, and Intention to Use: An Empirical Study of Ubiquitous Personal Robot Service. *Asian Social Science*. 2014;10(11):1.
33. Tahar A., et al. Perceived Ease of Use, Perceived Usefulness, Perceived Security and Intention to Use E-filing: The Role of Technology Readiness. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 2020;7(9):537–547.
34. Güreş N., et al. Researching the Satisfaction Levels of Passengers for Security Services at Airports. *International Journal of Marketing Studies*. 2017;9(5).

Information about the authors:

Kazeem Adebayo Oladimeji — PhD Student of the Department of Political Science and Public Administration, Al-Hikmah University (Nigeria) (e-mail: Oladimeji.ka1@gmail.com).

Abdulrazaq Kayode Abdulkareem — PhD, Lecturer at the Department of Public Administration, University of Ilorin (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0003-0180-8709) (e-mail: abdulkareem.ka@unilorin.edu.ng).

Оценка удовлетворенности пользователей электронной полицией в Нигерии

К.А. Оладимеджи ✉¹, К.А. Абдулкарем²

¹Университет Аль-Хикма,
Илорин, штат Квара, Нигерия

✉ Oladimeji.ka1@gmail.com

²Университет Илорина,
Илорин, Нигерия

Аннотация. В статье на основе количественного метода оценивалась удовлетворенность пользователей электронной полицией в Нигерии. Необходимость проведения исследования была обусловлена недостаточностью эмпирических исследований влияния информационно-коммуникационных технологий на безопасность и работу полиции в Нигерии. В статье рассмотрено влияние качества информационных технологий электронной полиции (качество обслуживания, качество системы и качество информации) на удовлетворенность пользователей и воспринимаемую полезность. Данные были собраны с помощью структурированного опроса, проведенного среди нигерийцев онлайн, при этом особое внимание уделялось гражданам, ранее контактировавшим с полицией онлайн либо через Интернет, либо через социальные сети. Собранные данные были проанализированы с использованием аналитического программного обеспечения PLS-SEM и SmartPLS 4. Результаты исследования подтвердили все поставленные гипотезы. В частности, все показатели качества были положительными и значимыми с точки зрения воспринимаемой полезности и удовлетворенности пользователей, в то время как воспринимаемая полезность частично опосредует взаимосвязь между показателями качества и удовлетворенностью пользователей электронной полицией. Полученные результаты показывают, что степень удовлетворенности пользователей услугами электронного правительства связана с уровнем воспринимаемой полезности этих услуг. Таким образом, отмечается, что воспринимаемая полезность является решающим фактором при определении того, будут ли люди использовать сервис электронной полиции или нет, и что этот фактор оказывает существенное влияние на степень удовлетворенности пользователей системой.

Ключевые слова: электронная полиция, удовлетворенность пользователей, воспринимаемая полезность, информационные системы, ИКТ, Нигерия

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 25.12. 2022. Принята к публикации: 12.01.2023.

Для цитирования:

Oladimeji K.A., Abdulkareem K.A. An Assessment of User Satisfaction with E-Police in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 130–143. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-130-143>

Информация об авторах:

Казим Адебайо Оладимеджи — аспирант кафедры политологии и государственного управления Университета Аль-Хикма (Нигерия) (e-mail: Oladimeji.ka1@gmail.com).

Абдулразак Кайоде Абдулкарем — доктор философии, преподаватель кафедры государственного управления Университета Илорин (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0003-0180-8709) (e-mail: abdulkareem.ka@unilorin.edu.ng).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-1-144-149

EDN: BJTZTS

Review article / Обзорная статья

A Review on Monbiot G. “Neoliberalism — the Ideology at the Root of All Our Problems”

Louvill Ozarraga

College of Public Affairs, Mindanao State University,
9700 Lanao del Sur, Marawi City, Mindanao, Philippine

✉ olouvill@gmail.com

Abstract. George Monbiot is the author of the online publication “Neoliberalism — the ideology at the root of all our problems”. He is a British author well-known for his political and environmental activism. In addition, he founded The Land is Ours, a movement in the United Kingdom that advocates for the right to access the countryside and its resources. The online journal discusses neoliberalism’s anonymous characteristics, such as how it attempts to reshape human life and establish a world governed by competition. In addition, it also discusses the birth of neoliberalism and how it entered the mainstream. Furthermore, it broadcasts the guileful validation of neoliberal theorists in policymaking. The author explains how neoliberalism reduced the size and influence of the state and how it defined freedom in a discordant way. The author also discusses the diametrically opposed philosophies of Keynesianism and Neoliberalism. He posited that it is not enough to oppose a broken system; a coherent alternative system tailored to the demands of the 21st century has to be proposed. However, the author’s suggestion to have an economic Apollo program — a new system tailored to the demands of the 21st century — is not an easy occupation.

Keywords: neoliberalism, Keynesianism, ideology

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12. 2022. The article was accepted on 12.01.2023.

For citation:

Louvill O. A Review on Monbiot G. “Neoliberalism — the Ideology at the Root of All Our Problems”. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(1):144–149. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-144-149>

Summary

George Monbiot asserted in the online journal “Neoliberalism: the ideology at the heart of all our problems” that Neoliberalism is at the heart of the crises: the financial meltdown, the offshoring of wealth and power, the collapse of public health and education, the increasing child poverty, the epidemic of loneliness, the collapse

© Louvill O., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of ecosystems, and the rise of Donald Trump. Neoliberalism attempts to reshape human life and is evident in most countries. Neoliberalism, according to the author, is viewed as utopia in the current political climate, as if it is pursuing a utopian dream of world prosperity. It tries to convey the belief that competition is vital to human relations. As argued by the author, customers are regarded as citizens. It views the market as a source of benefits. The author states that by enhancing deregulation, privatization, marketization, and the promotion of private enterprise, neoliberal theory seeks to find ways to reduce the size and power of the state. Inequality, as maintained by the author, is the object of neoliberalism. It considers inequality as ethical in the sense that the rich have become richer and the poor have become poorer: “The rich persuade themselves that they acquired their wealth through merit, and the poor begin to blame themselves for their failures, even when they can do little to change their circumstances”.

Neoliberalism’s historical forerunner got its origins in Paris in 1938. The author claims that Friedrich Hayek and Ludwig von Mises were the two individuals who ultimately came to define the ideology. Both viewed social democracy as a form of collectivism that fit the same description as Nazism and communism. Headed by Hayek, The Mont Pelerin Society was the first organization to spread the doctrine of neoliberalism in 1944. With the help of some wealthy individuals, they began to establish a movement that was funded by a series of think tanks that support and promote the ideology, or, as Monbiot puts it, “a transatlantic network of academics, businessmen, journalists, and activists”. The American Enterprise Institute, the Heritage Foundation, the Cato Institute, the Institute of Economic Affairs, the Center for Policy Studies, and the renowned Adam Smith Institute are a few of them, according to the author. Hayek thinks neoliberalism encourages efficiency because it creates and supports monopolies. The movement lost steam in 1951. Without a widespread replacement, the phrase was eliminated. The use of Keynesian programs increased. The idea put out by John Maynard Keynes was widely adopted, leading to greater tax rates as well as expanded public services and safety nets. But in the 1970s, Keynesian policies started to lose their effectiveness. Neoliberal philosophy started to reappear in the mainstream once more. With the aid of friendly journalists and political advisors, the governments of Jimmy Carter in the US and Jim Callaghan in Britain adopted the concept. Policies promoting neoliberalism were implemented without democratic approval. The IMF, the World Bank, the Maastricht Treaty, and the World Trade Organization were the driving forces behind these initiatives. Surprisingly, these ideas were also accepted by the parties that once belonged to the left.

Neoliberal thinkers, as shown in “The Shock Doctrine” by Naomi Klein, exploited the crises as a vehicle to impose unpopular ideas, which, despite what it might seem, was the freedom that neoliberalism so eloquently promised. International treaties and extraterritorial tribunals are also used to impose neoliberal policies. Neoliberalism was intended to be a self-interested scheme. Rent was paid by the public or the government, utilizing unearned income. As a result, the rich get richer and the poor get poorer. The neoliberal philosophy spread widely. Political

and economic catastrophes have been caused by it. Voting became less significant as votes were not allocated equitably. The widespread disempowerment of the poor and the middle class resulted in disenfranchisement. The government has lost its moral authority and will almost certainly descend into totalitarianism. Invisible backers, as stated by the author, are promoting the invisible doctrine of the “invisible hand”. Neoliberalism failed to elucidate its character. Confusion and anonymity became the core of the ideology. “Or all of that, there is something admirable about the neoliberal project, at least in its early stages”, wrote George Monbiot sarcastically. It was a distinctive, innovative philosophy promoted by a coherent network of thinkers and activists with a clear plan of action. “With patience and persistence, the road to serfdom became the path to power”.

There were no workable alternatives to the failing system after neoliberalism and Keynesianism fell short. There was no overarching school of economic thinking for 80 years, or as George Monbiot puts it, “the zombie walks”.

Finally, the author contended that it is insufficient to oppose a flawed system, as Keynesianism and Neoliberalism did. He thinks there ought to be a reasonable option. The development of an Apollo program—a new system suited to the needs of the 21st century—is a key objective for the Democrats and the Left.

Review

When the authors wrote about the remarkable role of neoliberalism in a variety of crises, among which are the slow collapse of public health and education, Elena S. Rotarou and Dikaios Sakellariou shared their observations concerning the negative effects of neoliberal policies on access to healthcare for people with disabilities. In the article “The effects of neoliberal policies on access to healthcare for people with disabilities”, the authors pointed out that due to the increased health care needs and lower socio-economic status, neoliberal reforms lead to the disadvantage of people with disabilities. The government cannot fully provide for their health care because of this market-oriented approach to neoliberalism. People with disabilities seek medications from competing private health care facilities. Furthermore, in this process of reducing social welfare, the state transfers responsibility for taking care of people from the state to the free market, leading to wide disparities in the level and quality of care people receive [2]. With respect to education, neoliberal policies have also created a compulsive crisis. Marketization of policies and service transfer, particularly in education, has a significant impact on both public and private life in general. Education became an instrument for sorting and grading learners. The neoliberal purpose of education is to provide the essential workforce needed to sustain the capitalist economy. Education, achievements, and opportunities are subject to competition that draws attention away from the true purpose of education. Assessment is done only for purposes of ranking learners as well as schools and universities, which we now call accreditation. Education is perceived as a form of acculturation (socialization) that comes with the acquisition of social and human capital, whose process depends on the increases in knowledge in the

workforce. Because profit-making operations are increasingly dominating the world of education, education has become a tool for instilling business values [3].

According to the author, the pervasiveness of neoliberal influence is so obscure that we rarely recognize it as an ideology that has spread to every aspect of life. Even the field of social work and the profession of social work have been impacted. In the article “The Fourfold Neoliberal Impact on Social Work and Why This Matters in Times of the COVID-19 Pandemic and Beyond”, Abigail Ornellas and her fellow writers wrote, “Social welfare and consequently social work are thus often seen as representing the state’s excessive spending, and neoliberalism advocates that such spending be shifted to the market, where it is believed that service delivery will be more efficient” [4]. Outsourcing of social services to private and NGO bodies, according to them, has a negative impact on the current harsh economic downturn brought by the COVID-19 pandemic. The private sector and NGOs, who are primarily employers of social workers, were gravely affected by the economic downturn, and ultimately, it has consequences for social services worldwide. The monopolistic condition of marketization in social work is that profit and competition can often become drivers rather than the needs of the community. Another impact of neoliberal marketization on social work is the generation of private and expensive welfare services that become accessible only to the wealthy, leaving poorly resourced and under-capitated NGO services to deal with vulnerable groups [5]. In his article, “Revisiting the Esoteric Question: Can Non-Social Workers Manage and Supervise Social Workers?” Lambert Engelbrecht [6] talks about how neoliberalism brought a crisis to the social work profession. With the neoliberal promotion of the private sector and its business principles, the task of social work was increasingly given to less qualified workers, such as care and auxiliary social workers, or entirely alternative professions.

Fascinating as it might appear, the author deliberately included Donald Trump in his online journal article. Former US President Donald Trump, according to George Monbiot, is one of the crises brought about by neoliberalism. The author even made disparaging remarks about the supporters of Donald Trump. He wrote, “When political debate no longer speaks to us, people become responsive instead to slogans, symbols, and sensations”. “To the admirers of Trump, for example, facts and arguments appear irrelevant” [7]. Monbiot’s online journal was published on April 15, 2016, and Donald Trump is one of the candidates for president of the US. Hence, the online journal of George Monbiot appears to have a political interest. The author was successful in presenting the horrendous effects of neoliberalism. However, citing a political figure in a journal article on the election period might taint his work with controversy.

The work of George Monbiot claims that it is not enough to oppose a broken system. An economic Apollo program — a new system tailored to the demands of the 21st century — has to be proposed. However, the task of developing a new system is not an easy occupation. Neoliberalism has deep roots in the entire system and is widely adopted from the perspective of global development. It has been widely accepted, practiced, and nourished by the elites. Neoliberalism is now the central ideology that drives the world of globalization. Thus, George Monbiot wrote in the

article, “This is why the zombie walks, the left, and the center have produced no new general framework of economic thought for 80 years”. Consider the brilliant minds of experts in the field and the people with the courage and resources to support a new system over an 80-year period with no alternative framework. No wonder why the author emphasized having a new system with a sense of immediacy.

To conclude, this article serves as an answer to the problems that every society is facing. It also challenges the experts to develop a coherent alternative designed to cater to the demands of the 21st century’s predicaments. Opposing a broken system is never an option.

REFERENCES

1. Monbiot G. Neoliberalism — the Ideology at the Root of All Our Problems. *The Guardian*. 29.11.2017. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/apr/15/neoliberalism-ideology-problem-george-monbiot> (accessed: 10.10.2022).
2. Sakellariou D., Rotarou E.S. The Effects of Neoliberal Policies on Access to Healthcare for People with Disabilities. *International Journal for Equity in Health*. 2017;16(1). <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0699-3>
3. Rustin M. The Neoliberal University and Its Alternatives. *Soundings*. 2016;63(63):147–176. <https://doi.org/10.3898/136266216819377057>
4. Ornellas A., Engelbrecht L., Atamtürk E. The Fourfold Neoliberal Impact on Social Work and Why This Matters in Times of the COVID-19 Pandemic and Beyond. *Social Work*. 2020;56(3):235–249. <https://dx.doi.org/10.15270/52-2-854>
5. Spolander G. The Impact of Neoliberalism on Management and Supervision. *Management and Supervision of Social Workers: Issues and Challenges Within a Social Development Paradigm (2nd ed.)*. Engelbrecht L.K. (ed). Andover: Cengage Learning EMEA Limited; 2019.
6. Engelbrecht L. Revisiting the Esoteric Question: Can Non-social Workers Manage and Supervise Social Workers? *Social Work / Maatskaplike Werk*. 2015;51(3). <https://doi.org/10.15270/51-3-451>
7. George Monbiot. *The Guardian*. 01.06.2021. URL: <https://www.theguardian.com/profile/georgemonbiot> (accessed: 10.10.2022).

Information about the author:

Louvill Ozarraga — Graduate Student of the College of Public Affairs, Mindanao State University (Philippine) (ORCID ID: 0000-0002-2244-9568) (e-mail: olouvill@gmail.com).

Рецензия на статью Дж. Монбио «Неолиберализм — идеология, лежащая в основе всех наших проблем»

О. Лувилл

Государственный университет Минданао,
9700 Ланао-дель-Сур, Марави, Минданао, Филиппины

✉ olouvill@gmail.com

Аннотация. Джордж Монбиот — автор онлайн-публикации «неолиберализм — идеология, лежащая в основе всех наших проблем». Это британский мыслитель и публицист, хорошо известный своей политической и экологической активностью. Кроме того, он основал

в Соединенном Королевстве общественное движение «Наша Земля», которое выступает за широкое право доступа к сельской местности и ее ресурсам. Рецензируемая публикация обсуждает анонимные характеристики неолиберализма, такие как то, как он пытается изменить человеческую жизнь и создать мир, управляемый конкуренцией. Автором также рассматривается рождение неолиберализма и то, как он вошел в мейнстрим. Автор объясняет, как неолиберализм уменьшил размеры и влияние государства и как он противоречиво определил свободу. В своей статье Дж. Монбиот также обсуждает диаметрально противоположные философии кейнсианства и неолиберализма. Он утверждает, что недостаточно противостоять сломанной системе; необходимо предложить согласованную альтернативную систему, адаптированную к требованиям XXI века. Однако предложение автора создать экономическую программу «Аполлон» — новую систему, адаптированную к требованиям XXI века — является непростой задачей.

Ключевые слова: неолиберализм, кейнсианство, идеология

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.12.2022. Принята к публикации: 12.01.2023.

Для цитирования:

Louvill O. A Review on Monbiot G. “Neoliberalism — the Ideology at the Root of All Our Problems” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 1. С. 144–149. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-144-149>

Информация об авторе:

Лувилл Озаррага — аспирант Колледжа общественных связей Государственного университета Минданао (Филиппины) (ORCID ID: 0000-0002-2244-9568) (e-mail: olouvill@gmail.com).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
